

Александр Клибанов

Кровь событий
Письма к жене
1932 – 1954

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Александр Клибанов

**Кровь событий. Письма
к жене. 1932–1954**

«НЛО»

2023

Клибанов А. И.

Кровь событий. Письма к жене. 1932–1954 / А. И. Клибанов — «НЛО», 2023

ISBN 978-5-44-482326-8

Александр Ильич Клибанов (1910–1994) – историк и религиовед, автор фундаментальных исследований о русских ересь и сектантстве. В 1936 году вслед за своим научным руководителем этнографом М. Н. Маториным А. И. Клибанов получил пятилетний срок как участник контрреволюционной троцкистско-зиновьевской организации, а в 1948 году по тому же делу был повторно арестован и приговорен к десяти годам. В этой книге собрана переписка А. И. Клибанова с женой, Натальей Владимировной Ельциной, в период с 1932 по 1954 годы, но большинство писем относится именно ко второму лагерному периоду. В 1980-е годы на волне перестроечного оживления и споров о советском наследии Александр Ильич Клибанов начал подготовку этих писем и комментариев к ним к печати, но не успел завершить работу. Теперь, спустя тридцать лет после его смерти, задуманная ученым книга выходит в свет. Две вступительные статьи написаны философом и религиоведом, профессором ПСТГУ К. М. Антоновым и историком-славистом, профессором МГУ и ГУ ВШЭ М. В. Дмитриевым.

ISBN 978-5-44-482326-8

© Клибанов А. И., 2023

© НЛО, 2023

Содержание

Елена Воронцова	9
Михаил Дмитриев	15
Константин Антонов	24
«Кровь событий». Письма 1932–1954 годов	27
1932	28
№ 1. Н. В. Ельцина – А. И. Клибанову	28
1935	29
№ 2. Н. В. Ельцина – А. И. Клибанову	29
№ 3. Н. В. Ельцина – А. И. Клибанову	29
№ 4. Н. В. Ельцина – А. И. Клибанову	30
Протокол	30
1944	32
№ 231. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	32
1945	34
№ 232. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	34
№ 233. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	35
1946	37
№ 234. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	37
№ 235. Н. В. Ельцина – А. И. Клибанову	37
№ 236. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	38
№ 237. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	39
№ 238. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	40
№ 239 126 . А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	41
№ 240. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	42
№ 241. Н. В. Ельцина – А. И. Клибанову	42
№ 242. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	43
№ 243. Н. В. Ельцина – А. И. Клибанову	44
№ 244. А. И. Клибанов и В. Д. Бонч-Бруевич – Н. В. Ельциной	45
№ 245. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	46
№ 246. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	46
№ 247. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	47
№ 248. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	48
№ 249. Н. В. Ельцина – А. И. Клибанову	48
№ 250. Н. В. Ельцина – А. И. Клибанову	49
№ 251. Н. В. Ельцина – А. И. Клибанову	50
№ 252. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	51
№ 253. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	52
№ 254. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	52
№ 255. Н. В. Ельцина – А. И. Клибанову	53
№ 256. Н. В. Ельцина – А. И. Клибанову	55
№ 257. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	56
№ 258. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	56
№ 259. Н. В. Ельцина – А. И. Клибанову	57
№ 260. Н. В. Ельцина – А. И. Клибанову	58
№ 261. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	59

№ 262. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	59
№ 263. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	60
№ 264. Н. В. Ельцина – А. И. Клибанову	60
№ 265. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	62
№ 266. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	62
1947	64
№ 267. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	64
№ 268. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	65
№ 269. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	66
№ 270. Н. В. Ельцина – А. И. Клибанову	67
№ 271. Н. В. Ельцина – А. И. Клибанову	67
№ 272. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	68
№ 273. Н. В. Ельцина – А. И. Клибанову	68
№ 274. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	69
№ 275. Н. В. Ельцина – А. И. Клибанову	70
№ 276. Н. В. Ельцина – А. И. Клибанову	71
№ 277. Н. В. Ельцина – А. И. Клибанову	72
№ 278. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	72
№ 279. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	73
№ 280. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	74
№ 281. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	75
№ 282. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	75
№ 283. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	76
№ 284. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	77
№ 285. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	78
№ 286. Н. В. Ельцина – А. И. Клибанову	79
№ 287. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	79
№ 288. Н. В. Ельцина – А. И. Клибанову	80
№ 289. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	81
№ 290. Н. В. Ельцина – А. И. Клибанову	82
№ 291. Н. В. Ельцина – А. И. Клибанову	82
№ 292. Н. В. Ельцина – А. И. Клибанову	83
1948	84
№ 293. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	84
№ 294. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	84
№ 295. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	85
№ 296. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	85
№ 297. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	86
№ 298. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	86
№ 299. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	87
№ 300. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	87
№ 301. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	88
№ 302. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	89
№ 303. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	89
№ 304. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	90
№ 305. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	90
№ 306. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	91
№ 307. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	92
№ 308. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	92

№ 309. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	92
№ 310. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	93
№ 311. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	93
№ 312. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	94
№ 313. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	94
№ 314. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	94
№ 315. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	95
№ 316. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	95
№ 317. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	95
№ 318. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	96
№ 319. А. И. Клибанов – М. Н. Горлиной	97
№ 319 218 . А. И. Клибанов – М. Н. Горлиной	97
№ 320. А. И. Клибанов – М. Н. Горлиной	97
№ 321. А. И. Клибанов – М. Н. Горлиной	98
№ 322. А. И. Клибанов – М. Н. Горлиной	99
№ 323. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	100
№ 324. А. И. Клибанов – М. Н. Горлиной	100
№ 325. А. И. Клибанов – М. Н. Горлиной	100
№ 326. А. И. Клибанов – М. Н. Горлиной	101
№ 327. А. И. Клибанов – М. Н. Горлиной	101
№ 328. А. И. Клибанов – М. Н. Горлиной	101
№ 329. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	102
№ 330. А. И. Клибанов – М. Н. Горлиной	102
№ 331. А. И. Клибанов – М. Н. Горлиной	103
№ 332. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	103
№ 333. А. И. Клибанов – М. Н. Горлиной	104
№ 334. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	104
№ 335. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной	106
№ 336. Н. В. Ельцина – А. И. Клибанову	106
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Александр Клибанов

Кровь событий. Письма к жене. 1932—1954

УДК 2-051(091)Клибанов А.И.

ББК 86.2д(2)Клибанов А.И.

К49

АРХИВ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Рекомендовано к печати Ученым советом Архива РАН

(протокол № 4 от 20 декабря 2022 г.)

Составитель Е. В. Воронцова

Александр Клибанов

Кровь событий: Письма к жене. 1932—1954 / Александр Клибанов. – М.: Новое литературное обозрение, 2024.

Александр Ильич Клибанов (1910–1994) – историк и религиовед, автор фундаментальных исследований о русских ересь и сектантстве. В 1936 году вслед за своим научным руководителем этнографом М. Н. Маториным А. И. Клибанов получил пятилетний срок как участник контрреволюционной троцкистско-зиновьевской организации, а в 1948 году по тому же делу был повторно арестован и приговорен к десяти годам. В этой книге собрана переписка А. И. Клибанова с женой, Натальей Владимировной Ельциной, в период с 1932 по 1954 годы, но большинство писем относится именно ко второму лагерному периоду. В 1980-е годы на волне перестроечного оживления и споров о советском наследии Александр Ильич Клибанов начал подготовку этих писем и комментариев к ним к печати, но не успел завершить работу. Теперь, спустя тридцать лет после его смерти, задуманная ученым книга выходит в свет. Две вступительные статьи написаны философом и религиоведом, профессором ПСТГУ К. М. Антоновым и историком-славистом, профессором МГУ и ГУ ВШЭ М. В. Дмитриевым.

В оформлении обложки использованы фотографии из Архива Российской академии наук (Архив РАН, Ф. 1908).

ISBN 978-5-4448-2326-8

© Е. Воронцова, состав, 2024

© Е. Поликашин, дизайн обложки, 2024

© ООО «Новое литературное обозрение», 2024

Елена Воронцова **От составителя**

Эта автобиографическая книга была задумана историком религиозных движений Александром Ильичом Клибановым еще в начале 1980-х, когда ему было около семидесяти лет. Она могла бы иметь совсем иной характер – мемуарный, дневниковый, если бы не колоссальный объем писем, которые трепетно хранил сам Клибанов и его супруга Наталья Владимировна Ельцина¹. Самая значительная часть издания – переписка Александра Ильича с женой с 1932 по 1954 год. Этот период вместил в себя два лагерных срока Клибанова и недолгий перерыв между ними – военные и послевоенные годы². Кроме того, книга включает значительный по объему очерк-комментарий. Задуманный как пояснения к письмам, он перерос в рассуждения об истории XX века, о роли Ленина и Сталина в этой истории. Последние правки в машинопись³ Клибанов вносил незадолго до смерти – в 1994 году. Почему эта книга выходит в свет только теперь?

Необходимо сделать небольшое отступление. Мое знакомство с трудами и архивными материалами А. И. Клибанова⁴ началось в 2015 году, когда наша группа⁵ изучала работы по психологии религии в Советском Союзе⁶. Из ученых, которые знакомились с фондами Клибанова до меня, прежде всего нужно упомянуть У. Хун. В 2016 году я с интересом прочитала ее статью о развитии этнологии в СССР, базой для которой послужило множество архивных источников⁷. От теоретических работ Клибанова мы перешли к анализу полевых материалов, которые так увлекли нашу команду, что привели к эмпирическому исследованию религиозности Тамбовской области, которое продолжается до сих пор⁸. Однако сама фигура исследователя оставалась неразгаданной, хотелось разобраться, каким человеком был Александр Ильич. Не давали покоя упоминания о его лагерных сроках, которые не помешали ученому после досрочного освобождения продолжить работу в институте истории АН СССР. Так, в воспоминаниях Э. Я. Лягушиной (Комиссаровой), участницы экспедиций в Центрально-Черноземный регион (1959–1960 гг.) сектора истории религии и атеизма Института истории АН СССР под руководством А. И. Клибанова, читаем: «Меня поразил его [Клибанова] рассказ о том, как он спас себя и других политзаключенных от цинги. Он при этом со смехом говорил, что все произошло благодаря его гениальной догадке. В лагере бушевала цинга, а для начальства привезли апельсины. Все было просчитано и учтено, так что ни одного апельсина взять было невозможно.

¹ Наталья Владимировна Ельцина (1913–1989) занималась изучением биохимии опухолевых клеток. В 1938 году защитила кандидатскую диссертацию, а в 1965-м стала доктором биологических наук (тема диссертации: «Взаимосвязь энергетического и пластического обмена в злокачественных опухолях»). Работала в том числе в Москве в Институте экспериментальной и клинической онкологии Академии медицинских наук СССР.

² Об этом периоде см. подробнее: *Воронцова Е. В.* Институт истории религии АН СССР в 1946–1947 годах: неудавшийся проект (по материалам писем из архива А. И. Клибанова) // *Технологос.* 2022. № 1. С. 63–73.

³ Тексты писем были напечатаны на пишущей машинке и отредактированы А. И. Клибановым. Оригиналы части писем также хранятся в архиве: см. АРАН. Ф. 1908. Оп. 1. Д. 283.

⁴ *Воронцова Е. В.* Анализ психологии верующего в работах А. И. Клибанова // *Философские науки.* 2017. № 1. С. 108–119.

⁵ Речь идет о коллективе исследователей по гранту «История отечественного религиоведения: XX – начало XXI вв.» РГНФ 13-03-00497 под руководством д. ф. н. К. М. Антонова.

⁶ *Психология религии в России XIX – начала XXI века: коллективная монография / [Сост. К. М. Антонов]. М., 2019.*

⁷ *Huhn U.* Die Wiedergeburt der Ethnologie aus dem Geist des Atheismus. Zur Erforschung des «zeitgenössischen Sektierertums» im Rahmen von Chruščevs antireligiöser Kampagne // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* 2016. В. 64. № 2. S. 260–298. Позднее вышла русскоязычная версия: *Хун У.* Рождение этнографии из духа атеизма? Исследования «современного сектантства» в контексте антирелигиозных кампаний Н. С. Хрущева // *Этнографическое обозрение.* 2018. № 2. С. 100–121.

⁸ При поддержке ПСТГУ был запущен проект «Деревенские святыни», затем «Традиционные сообщества в постсекулярную эпоху». См подробнее: *Деревенские святыни: Сборник статей, интервью и документов.* М., 2021.

Обладая специальностью фельдшера, он допускался к складу, где находились апельсины. И вот однажды он решил попробовать брать из каждого апельсина несколько кубиков с помощью медицинского шприца. Эксперимент удался, и А. И. говорил, что он им гордится не менее, чем публикацией своей монографии»⁹.

В постперестроечный период вокруг фигуры Клибанова сложилась своеобразная мифология, среди самых ярких образов которой «религиовед-волкодав»¹⁰, выкальвающий глаза православным иконам. Этот миф возник в результате работы комментаторов, подготовивших к печати книгу протоиерея Александра Меня «О себе»¹¹ и снабдивших ее рядом ошибочных комментариев. Например: «У Лебедева на работе был сотрудник, садист (по моим наблюдениям), который настолько ненавидел Церковь и веру, что, например, приобретал иконы, чтобы чертить на них гадости, выжигал глаза святым; использовал дароносицу для пепельницы или мусорницы и т. п.»¹². В комментариях указано, что этим сотрудником и был Клибанов. На самом деле речь идет о работнике Областного музея (г. Истра) атеисте Колобынине¹³. Такое представление о Клибанове мы встретили и в кругу некоторых коллег, которые узнали о нашем интересе к наследию А. И. Клибанова.

В 2020 году мы познакомились с его учеником, доктором исторических наук Михаилом Владимировичем Дмитриевым. Тогда мы договорились организовать круглый стол памяти Клибанова, и Михаил Владимирович обратил мое внимание на сохранившуюся в архиве переписку Клибанова с женой. Каково же было мое изумление, когда оказалось, что переписка столь обширна и, более того, почти подготовлена к печати – напечатана на пишущей машинке, снабжена некоторыми комментариями и пометками. 15 марта 2021 года совместными усилиями кафедры философии и религиоведения богословского факультета ПСТГУ, Центра украинистики и белорусистики МГУ и Центра франко-российских исследований был организован круглый стол «Реформация, гуманизм, социальная утопия в истории России. К 110-летию со дня рождения А. И. Клибанова»¹⁴. Прозвучали выступления целого ряда докладчиков, многие из которых были хорошо знакомы с Александром Ильичом (М. В. Дмитриев, М. М. Шахнович, Э. Я. Лягушина, Л. П. Найденова и др.). Тогда и возникла идея опубликовать письма А. И. Клибанова. Огромную роль в дальнейшей реализации этого замысла сыграла поддержка доктора философских наук, профессора и завкафедрой философии религии и религиоведения философского факультета СПбГУ Марианны Михайловны Шахнович.

Александр Ильич Клибанов на протяжении всей жизни уделял большое внимание окружающей его обстановке: он (вместе с супругой) собрал коллекцию ценных картин и икон, несколько раз заново воссоздавал богатую личную библиотеку художественной и научной литературы¹⁵, аккуратно хранил документы, тексты, письма, связанные как с его научной деятельностью, так и с повседневными хлопотами. Близкое знакомство с Николаем Павловичем Сидоровым, Владимиром Дмитриевичем Бонч-Бруевичем и Натальей Васильевной Крандиев-

⁹ Комиссарова Э. Я. Цветная рубаха судьбы. Магнитогорск, 2008. С. 82.

¹⁰ См. статью о Клибанове на сайте Якова Кротова «Александр Клибанов: религиовед-волкодав». URL: http://krotov.info/1/old/1_history/20_bio_moi/1994_Klibanov.htm?ysclid=lkp12kx4t4716229828 (дата обращения 09.01.2023).

¹¹ Мень А. О себе. М., 2007.

¹² Там же. С. 131.

¹³ О Колобынине в Истре см.: В обманчивой тиши музеев. Магнитка дала «путевку в жизнь» одной из легенд Подмосковья // Магнитогорский рабочий. 4.08.2018. URL: www.mr-info.ru/21519-v-obmanchivoj-tishi-muzeevmagnitka-dala-putevku-v-zhizn-odnoj-iz-legend-podmoskovja.html (дата обращения 21.03.2021).

¹⁴ По мотивам выступления на этом круглом столе вышли следующие публикации: Воронцова Е. В. «Просто жизнь» А. И. Клибанова // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). К 110-летию д. и. н. А. И. Клибанова. М., 2022. Т. 7. С. 127–135; Воронцова Е. В. Институт истории религии АН СССР в 1946–47 гг.: неудавшийся проект (по материалам писем из архива А. И. Клибанова) // Технологос. 2022. № 1. С. 63–73.

¹⁵ Аресты и переезды приводили к необходимости постоянно пополнять это собрание. Значительная часть книг была куплена А. И. Клибановым в букинистических магазинах.

ской-Толстой оказали большое влияние на судьбу самого А. И. Клибанова и его собраний. В своих комментариях к письмам Александр Ильич отмечает, что его учитель и наставник Н. П. Сидоров с готовностью делился с коллегами своим богатым книжным собранием, но «не считал целесообразным передать свою библиотеку в какое-нибудь научное учреждение, на правах отдельного фонда или еще на каких-нибудь иных условиях»¹⁶. Сам же Клибанов, вдохновившись примером В. П. Адриановой-Перетц и М. Н. Тихомирова, заранее позаботился о том, чтобы его книги (более 6000 томов!) были переданы в Сибирское отделение РАН (Новосибирск)¹⁷. Кроме того, ученый осознавал свою тесную связь с Сибирью, годы лагерных сроков и работа в Красноярском педагогическом институте оставили глубокий след¹⁸. Отчасти такая скрупулезность в отношении собственного наследия была вынужденной мерой – у Александра Ильича не было прямых наследников и даже близких родственников, которые могли бы сохранить и оценить его коллекции. Собрание картин и икон было передано в Русский музей¹⁹. Документальный архив А. И. Клибанова частично был передан еще в 1970-е годы в отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Ф. 648), этот фонд пополнялся и сегодня составляет порядка 1000 единиц хранения. Небольшая часть документов была передана самим А. И. Клибановым в Архив Российской академии наук в 1987 году (Ф. 1908). Основная часть документов поступила в Архив РАН уже после его смерти от его ученицы Г. С. Лялиной. Всего фонд насчитывает около 800 единиц (большей частью это его обширная переписка, рукописи различных работ, а также документы родственников и научные материалы супруги). Наконец, порядка 300 дел, в частности значительная часть экспедиционных материалов 1959–1961 гг., хранится в рукописном архиве Института российской истории РАН (Ф. 1. Р. XII).

Огромное впечатление оказала на А. И. Клибанова рукопись воспоминаний Наталии Васильевны Крандиевской-Толстой (сама книга была опубликована только в 1977 году)²⁰. Наконец, пример В. Д. Бонч-Бруевича, шепетильно относившегося к любым документам, не оставил Клибанова равнодушным. В одном из писем (№ 283) Александр Ильич позволяет себе едкое замечание: «Я знаю, что В. Д. [Бонч-Бруевич] думает о своем будущем. Он собирает и хранит огромные материалы, связанные со своей долгой жизнью, – это полезно и нужно, кусок истории, весьма интересный и достойный долголетия. Но все эти груды архивов недостаточны, если под ними захотят скрыть свое настоящее, если многописанием захотят уверить потомство, что у автора имелась душа, тогда как, если она и имелась, то уже давно устала и склонилась и поступила на мелкую казенную службу»²¹. Впрочем, пример старшего коллеги действительно вдохновил самого Клибанова. Он прекрасно осознавал необходимость фиксации «живой истории» и с успехом эту фиксацию осуществил. В 1980-е он вместе с супругой начал готовить письма к печати: Наталья Владимировна печатала их на машинке, Клибанов снабжал примечаниями. Уже после смерти супруги Клибанов начал работу над развернутым комментарием к письмам, но так и не закончил ее полностью. Эта работа отнимала много сил: Александр Ильич наговаривал текст на кассеты, затем помощницы перепечатывали материал, автор исправлял и редактировал получившиеся фрагменты. Публикуемая книга – это не только мемуарные заметки и личная переписка, это во многом портрет эпохи. Судьба интеллигенции

¹⁶ См. комментарии А. И. Клибанова. Ф. 1908. Оп. 1. Д. 126. Л. 181.

¹⁷ См. подробнее: *Колмакова М. В.* Дарственные надписи Л. Н. Митрохина в библиотеке А. И. Клибанова // *Вестник РХГА.* 2021. № 3. С. 157–166; *Юдин А. А., Кожевников М. Г.* Инскрипты и владельческие знаки на книгах из собрания А. И. Клибанова в ГПНТБ СО РАН // *Библиосфера.* 2022. № 1. С. 29–38.

¹⁸ Об этом он пишет в предисловии к каталогу переданных книг: *Библиотека профессора Александра Ильича Клибанова: Каталог / Сост. А. Ю. Бородихин, Е. Ю. Бородихина, Т. Л. Седлецкая; ред. В. Н. Алексеев.* Новосибирск, 1996. С. 12.

¹⁹ АРАН. Ф. 1908. Оп. 2.3. Д. 158. Документы о передаче личного архива Клибанова А. И. на хранение в Государственную библиотеку СССР им В. И. Ленина; список художественных произведений из личной коллекции, переданной на постоянное хранение в [Русский музей]. 1994. 7 л.

²⁰ *Крандиевская-Толстая Н. В.* Воспоминания. Л., 1977.

²¹ См. письмо № 283 (с. 118).

в советский период ярко и трагично отразилась в жизни Александра Ильича Клибанова и его близких.

Сквозные темы переписки – литература, музыка, живопись. Невозможно представить себе эти письма без стихов, литературных реминисценций и живописных отступлений. Сами условия, в которых появилась эта переписка, – лагеря, ссылка, война – располагали к отвлеченным рассуждениям. Об этом пишет в комментариях и сам Клибанов: «Есть сквозная тема в нашей переписке, в ее тексте и подтексте, – это стихи. Они и сквозная тема нашей жизни... Любовное отношение к стихам разделяли с нами наши друзья и знакомые самых разных профессий... То же можно сказать о музыке»²². С точки зрения А. И. Клибанова, «массовая тяга людей к прекрасному» была «актом их духовной самозащиты». В некотором смысле сам Клибанов относит себя к духовной элите, которая смогла выстоять вопреки эпохе гонений. Эти письма – больше, чем письма, жизнь семьи Александра Ильича и Натальи Владимировны во многом происходила именно в этих письмах. Долгие годы разлуки не оставляли места для светлых заметок. Каждое слово в них – выстрадано, прожито, наполнено смыслом.

Большинство публикуемых писем относится к периоду второго лагерного срока Клибанова. Ранние письма были изъяты в 1948 году при повторном аресте, поэтому их сквозная авторская нумерация выглядит так: письма № 1–4 (1932–1935), затем сразу № 231–480 (1945–1954). Авторы переписки прекрасно понимали, что вся лагерная почта проходит цензуру. Клибанов, как и его супруга, вполне освоили особое искусство игры слов и иносказаний. Сам Клибанов нередко выступает в этих письмах под псевдонимом Минковского или в роли первокурсницы Сонечки: «Ты просишь совета, высылать ли деньги Сонечке. Думаю, что немного следует, как-никак она стипендии не получает»²³. Фамилия Минковский не вполне вымышленная: в комментариях к письмам Клибанов объясняет, что он приходится родственником математику Герману Минковскому. Под этой фамилией Александр Ильич присылает жене свои стихи, прозу и переводы европейской поэзии.

Помимо структуры книги, Александр Ильич заготовил и яркое название для публикации: «Просто жизнь». Однако ровно с тем же заголовком в 2008 году вышла книга воспоминаний многолетнего заведующего отделом рукописей РГБ, историка Сарры Владимировны Житомирской (1916–2002). Стоит отметить, что сама Житомирская была хорошо знакома с Александром Ильичом. Она неоднократно упоминает его на страницах своей книги. Яркую характеристику дает Клибанову в предисловии и ее ученица Мариэтта Омаровна Чудакова (1937–2021). Она, в частности, указывает, что А. И. Клибанов виртуозно владел приемом «забора»: в предисловии к обзору материалов о религиозном сектантстве в фонде В. Г. Черткова он цитировал слова Ленина о толстовцах и называл ленинский взгляд на этот феномен «путеводной нитью» своего исследования. Такое предварение позволяло далее сделать вполне серьезный обзор фонда, не опасаясь цензуры²⁴. Впрочем, для себя это прием Чудакова называет неприемлемым. Сам же А. И. Клибанов обращался к нему неоднократно.

Мы вынуждены были переименовать рукопись Александра Ильича, и на помощь нам пришла цитата из А. И. Герцена, которой автор задумал предварить публикацию: «Письма – больше, чем воспоминанья: на них запеклась кровь событий, это – само прошедшее, как оно было, задержанное и нетленное»²⁵. Действительно, кровь событий проступает сквозь страницы многолетней лагерной переписки.

²² АРАН. Ф. 1908. Оп. 1. Д. 126. Л. 122.

²³ См. письмо № 389 (с. 236).

²⁴ Чудакова М. О. О роли личностей в истории России XX века // Житомирская С. В. Просто жизнь. М., 2006. С. 27.

²⁵ Герцен А. И. Былое и думы. М., 1969. С. 249.

Любая однозначная оценка человека, живущего в сложных, а порой и смертельно опасных условиях, ошибочна и однобока. Это касается и частной²⁶, и публичной жизни Александра Ильича Клибанова. Как было отмечено выше, переписка за первый лагерный срок не сохранилась. Об этом времени отчасти можно судить по комментариям самого Александра Ильича. Мы ознакомились с некоторыми материалами следственного дела 1936 года. Поскольку в самой рукописи имена других фигурантов этого большого «маторинского дела» не встречаются, как и сами обвинения, мы решили поместить здесь некоторые выдержки из него.

Согласно материалам дела П–17566, ордер на арест и обыск А. И. Клибанова были получены 19 апреля 1936 года. В ходе обыска были изъяты в том числе: «разная переписка, фотографическая карточка Маторина, 3 любительских фотоснимка, 3 экземпляра «Красной газеты» за 1924 и 1925 г. с речами и статьями Зиновьева, Евдокимова и Каменева, книги Клибанова»²⁷. В качестве обвинения было предъявлено участие в «контр-революционной троцкистско-зиновьевской группе, контр-революционная пропаганда и распространение контр-революционной литературы». Среди важных аргументов, подтверждающих виновность А. И. Клибанова, была, по версии следствия, книга самого А. И. Клибанова «Меннониты»²⁸ с предисловием Н. М. Маторина²⁹. Первые четыре месяца следствия Клибанов отрицал все обвинения. В августе (если верить протоколам допроса) Клибанов дал признательные показания³⁰. 19 сентября 1936 года А. И. Клибанову вместе с И. К. Серяковым³¹, В. Н. Дуловым³², А. М. Покровским³³, А. А. Невским³⁴, Н. А. Михиным³⁵ и Р. В. Сандлер³⁶ было предъявлено обвинение по ст. 58-10 и 58-11 УК РСФСР в участии в «троцкистско-зиновьевской организации, созданной Зиновьевцем Маториным»³⁷. Все фигуранты дела получили по пять лет исправительно-трудовых лагерей. Официально зарегистрированные супруги фигурантов этого и подобных дел также были

²⁶ Среди наших собеседников, которые были хорошо знакомы с А. И. Клибановым, многие упоминали о большом внимании ученого к представительницам противоположного пола.

²⁷ Архив УФСБ по СПб. и Ленинградской обл. Д. П–17566. Т. 3. Л. 2.

²⁸ *Клибанов А.* Меннониты. М., Л., 1931.

²⁹ Н. М. Маторин был научным руководителем А. И. Клибанова. Защита А. И. Клибанова состоялась в Академии наук в 1935 году уже после ареста Н. М. Маторина. В сохранившихся экземплярах издания «Меннонитов» страницы предисловия зачастую вырваны.

³⁰ Архив УФСБ по СПб. и Ленинградской обл. Д. П–17566. Т. 3. Л. 14–15. Под протоколом этого допроса стоят подписи сразу трех следователей, что может косвенно свидетельствовать об использовании метода так называемого конвейера. Воспоминания тюрьму, Клибанов пишет в комментариях: «Меня не били. Правда, пришлось выстоять „на конвейере“ 72 часа».

³¹ Серяков Иван Кузьмич (1903–?) – директор курсов нацменьшинств Советского Востока.

³² Дулов Василий Николаевич (1903–?) – председатель ленинградского областного совета Союза воинствующих безбожников, преподаватель Комакадемии. Наказание отбывал в Воркуто-Печерском лагере. См. о нем воспоминания сына: *Величко В.* Профессора, надежные ордена! Очерки о ветеранах Великой Отечественной войны юридического факультета Белорусского государственного университета. Минск, 2011. С. 21.

³³ Покровский Александр Михайлович (1893–1944) – историк религии. В 1932–1935 годах – заместитель директора по научной работе Музея истории религии. В 1935–1936 годах – старший библиотекарь Библиотеки Академии наук СССР. Отбывал наказание в Котласе, Чибью, Усть-Усе и Адаке. См.: *Буитедт В. В., Покровский А. М., Харнас А. И.* Древний Восток: Учеб. и хрестоматия. Пг., 1924; *Покровский А. М.* Воскресение богов: (Пасха и ее обряды). Л., 1926; *Покровский А. М.* Пролетариат и религия. [Л.], 1926; *Покровский А. М.* Почему люди верят в бога. Л., 1927; *Дулов В., Недельский В., Покровский А.* Происхождение христианства. М., 1931. О нем см.: Изучение религии в России: Библиограф. указатель. СПб., 2020. С. 372–374.

³⁴ Невский Александр Арсентьевич (1898–1980) – с 1929 года занимался этнографией, участвовал в экспедициях (работал в ГАИМК). На момент ареста – научный сотрудник в Музее истории религии и Государственной публичной библиотеке. Наказание отбывал на Севере (Княжпогост, Воркута, Кочмес, Инта). В 1958 году вернулся в Ленинград, сотрудничал с Музеем истории религии. См.: *Невский А. А.* Икона в старом быту, в практике иконописания и в современном восприятии // Искусство и религия: Сб. тр. Л., 1979; *Невский А. А.* Будни и праздники старой России: (Старобытовой календарь). Л., 1990. О нем см.: Изучение религии в России. Библиограф. указатель. СПб., 2020. С. 313–314.

³⁵ Михин Николай Андреевич (1903–?) – аспирант-преподаватель Института им. Крупской. Отбывал наказание в Инта-лаге.

³⁶ Сандлер Роза Борисовна (1903 – после 1954) – безработная. Ранее работала заведующей районо Свердловского района г. Ленинграда. См. упоминания о ней: *Войтоловская А. Л.* По следам судьбы моего поколения. Сыктывкар, 1991.

³⁷ Архив УФСБ по СПб. и Ленинградской обл. Д. П–17566. Т. 2. Л. 1.

подвергнуты репрессиям. Однако в 1930-е годы многие семейные союзы не регистрировались. Так, отсутствие регистрации брака Натальи Владимировны Ельциной и Александра Ильича Клибанова позволило ей избежать гонений со стороны государства. Этот брак был зарегистрирован только после второго лагерного срока Александра Ильича.

В 1944 году Клибанов предпринял попытку подать заявление о снятии судимости. Получил отказ. В деле сохранилась следующая характеристика: «Клибанов А. И. был осужден за серьезный состав преступления, обвинялся в пропаганде троцкистских идей, от которых он не отказался и после освобождения из лагеря, в данное время продолжает проводить к[онтр]-р[еволюционную] пропаганду – являясь убежденным троцкистом»³⁸.

Публикация писем и комментариев осуществлена по машинописи с рукописной правкой, хранящейся в Архиве РАН (АРАН. Ф. 1908. Оп. 1. Д. 124³⁹; Ф. 1908. Оп. 1. Д. 126⁴⁰). Мы сохраняем нумерацию писем, присвоенную автором. В ряде случаев отдельные фразы подчеркнуты, эту особенность авторского текста мы также сохраняем. Сквозная нумерация листов дела, а также незначительные исправления, внесенные А. И. Клибановым в машинопись (орфографическая правка, исправления пунктуации), для удобства чтения не будут отмечены в тексте. Ряд фрагментов, которые были вычеркнуты из текста или даны в сокращенном виде, однако представляют интерес, передаются в публикации в квадратных скобках. В тех случаях, когда фрагменты текста оказались нечеткими, эти места помечены так: <нрзб>. Некоторые повторы в тексте были опущены, эти места отмечены угловыми скобками. Орфография и пунктуация приведены в соответствие с современными нормами русского языка. Клибанов готовил письма к публикации и сопроводил часть из них сносками. Авторские сноски мы сохранили и добавили целый ряд новых. Для этих последних будет дано уточнение – *Примеч. сост.*

Набор текстов писем осуществлен И. Д. Сибиряковым, набор комментариев к письмам и примечаний, общая редактура – Е. В. Воронцовой.

Выражаем огромную благодарность Наталье Викторовне Литвиной (Архив РАН, МГУ), Михаилу Владимировичу Дмитриеву (НИУ ВШЭ, МГУ), Марианне Михайловне Шахнович (СПбГУ), Петру Георгиевичу Чистякову (РГГУ, ПСТГУ) и Константину Михайловичу Антонову (ПСТГУ) за помощь в работе над книгой.

³⁸ Архив УФСБ по СПб. и Ленинградской обл. Д. П–17566. Т. 3. Л. 14 (второго счета).

³⁹ АРАН. Ф. 1908. Оп. 1. Д. 124. «Просто жизнь»: материалы к личным воспоминаниям: копии писем из переписки Клибанова А. И. с родственниками за 1932–1954 гг. Машинопись. 510 л.

⁴⁰ АРАН. Ф. 1908. Оп. 1. Д. 126. То же: комментарии Клибанова А. И. к личной переписке. Машинопись. 286 л.

Михаил Дмитриев **Александр Ильич Клибанов – путь в науке**

Путь Александра Ильича Клибанова в науке был более чем тернистым. У ученых СССР чаще всего не было «башен из слоновой кости», откуда можно было бы в покое наблюдать за конвульсиями природы и мира людей. Первые брошюры и статьи (в том числе и собственно научные) были опубликованы «молодым ленинградским антирелигиозником» (слова известного этнографа Н. М. Маторина, одного из наставников только-только начинавшего профессиональный путь 18-летнего Александра Клибанова) уже в конце 1920-х годов. Но Н. М. Маторин в 1922 году успел поработать секретарем Г. Е. Зиновьева⁴¹, того самого члена Политбюро и главы коммунистов Ленинграда, с которым боролся И. В. Сталин на рубеже 1920-х и 1930-х годов, когда Клибанов готовил диссертацию о меннонитах (защищена в 1935-м). Репрессии не могли пройти мимо, и вскоре после защиты диссертации и сразу после женитьбы на Наталье Владимировне Ельциной Клибанов был арестован. Ему «повезло»: в 1936-м Клибанова отправили на пять лет в лагеря (Н. М. Маторин был расстрелян 11 октября 1936 года).

Александр Ильичу было 26 лет... Предстояло 12 лет ГУЛАГа (5 лет до войны и повторный арест на 10 лет в 1948-м). Молодая жена (можно сказать и иначе – невеста) осталась в Ленинграде, и эта разлука продолжалась (с перерывами) 20 лет. Отец был выслан из Ленинграда вскоре после ареста сына, и следы его пропали; материалы к докторской диссертации были уничтожены при втором аресте в конце 1940-х; в течение пятнадцати лет после реабилитации в 1954 году не было квартиры.

Уже в конце сороковых годов (после войны и между двумя арестами) начал создаваться и в «послелагерную» половину жизни (в годы работы в РАН) был создан ряд замечательных трудов по истории русских средневековых «ересей», протестантских сектантских движений XVII–XX веков, народной социальной утопии, русской религиозно-философской и общественно-политической мысли.

В конце 1980-х по приглашению Ю. Н. Афанасьева, тогдашнего ректора Московского историко-архивного института (ныне – РГГУ), А. И. Клибанов, подводя итог исследований, выступил с несколькими лекциями, назвав этот цикл «Путь в науке». Отсюда и название моей короткой заметки о научной биографии ученого.

Русские «ереси» (или реформационные движения, как их квалифицировал ученый) и история «сектантства» в России (начиная с конца XVII века) – главная тема исследований А. И. Клибанова.

Что касается первых, то суммирующий вывод А. И. Клибанова можно передать так: в Средние века и раннее Новое время в России развернулись и укоренились религиозно-общественные движения, типологически близкие западноевропейской религиозной Реформации. Для историографии 1950–1960-х годов это был революционизирующий тезис, поддержанный, в частности, А. А. Зиминим⁴². Насколько справедлив этот тезис, насколько нужны коррективы или ревизия?

Первая большая книга А. И. Клибанова «Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI вв.» (М., 1960), в которой указанный тезис был обоснован, была частью волны важных исследований по истории религиозных движений в средневековой России⁴³. Эта

⁴¹ Решетов А. М. Трагедия личности: Николай Михайлович Маторин // Репрессированные этнографы. Вып. 2. М., 2003. С. 148.

⁴² Зимин А. А. Основные проблемы реформационно-гуманистического движения в России XIV–XVI вв. // История, фольклор, искусство славянских народов: Доклады советской делегации. 5-й междунар. съезд славистов. София. М., 1963. С. 91–119.

⁴³ Шелестов Д. К. Свободомыслие в учении Феодосия Косого // Вопросы истории религии и атеизма. Вып. 2. М., 1954.

волна породила другую волну – большое число западных исследований (особенно немецких) по истории русской средневековой христианской мысли, по истории монашества и религиозно-политических представлений, по истории «ересей» и староверия, а особенно – по истории «иудейская мудрствующих» (жидовствующих) конца XV века⁴⁴.

Вывод А. И. Клибанова о том, что русский религиозный неконформизм представлял собой явление типологически родственное западным городским ересям и протестантской Реформации, был в целом принят. Соответствующие исследования вписались в наметившуюся в 1960–1970-е годы общую тенденцию пересмотра ряда устоявшихся представлений о характере русской культуры в XVI–XVII веках. Суть нового взгляда в том, что в конце XV – первой половине XVI века Россия во многих отношениях действительно стояла на «пороге Нового времени»⁴⁵. Исследования показали, что эта формула – вовсе не дань риторике и не формально-хронологическая констатация. В самом деле, в русской культуре названного времени накапливались явления, с одной стороны, вводившие ее в круг европейских интеллектуальных, художественных, религиозных и даже научных, политических и технологических перемен; с другой стороны, глубоким и плодотворным трансформациям подвергались и самобытные традиции русского средневекового общества. Все это позволило Клибанову вернуться к теме «перелома культурных эпох» в последней, посмертно изданной книге⁴⁶.

Сегодня сближение русских «ересей» с ранним протестантизмом представляется оправданным и потому, что и историки Запада в течение нескольких последних десятилетий пришли к существенно новому пониманию того, чем была Реформация в Европе Нового времени. Суть новой концепции в том, что протестантская Реформация и так называемая католическая Реформа шли параллельно, дополняя друг друга, образуя две стороны *единого* процесса религиозно-культурной модернизации Запада в XV–XVII вв.⁴⁷ Если принять такое понима-

С. 194–218; Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI в. М.; Л., 1955; Корецкий В. И. К вопросу о социальной сущности «нового учения» Феодосия Косого // Вестник МГУ. Историко-филологическая серия. 1956. № 2. С. 105–124; Безунов Ю. К. Кормчая Ивана-Волка Курицына // Труды отдела древнерусской литературы. 1956. № 12. С. 141–159; Безунов Ю. К. Соборные приговоры как источник по истории новгородско-московской ереси // Труды отдела древнерусской литературы. 1957. № 13. С. 214–224; Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., 1958. С. 182–214; Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI в. М.; Л., 1960; Mainka R. M. Zinovij von Oten'. Ein russischer Polemiker und Theologe der Mitte des 16. Jahrhunderts. Roma, 1961. S. 160.

⁴⁴ Lilienfeld F. v. Nil Sorskij und seine Schriften. Die Krise der Tradition im Russland Ivans III. Berlin, 1963; Lilienfeld F. v. Über einige Züge des Frühhumanismus und der Renaissance in Russland und Deutschland – Johannes Trithemius und Fiodor Kuritsyn // Jahrbuch für fränkische Landesforschung. Gessen-Neustadt, 1976. Bd. 36. S. 23–35; Lilienfeld F. v. Die «Häresie» des Fedor Kuritsyn // Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. 1978. Vol. 24. S. 39–64; Lilienfeld F. v. Das Problem der Ikonographie, der Ikontheologie und der Ikonenverehrung bei Erzbischof Gennadij von Novgorod und Josif von Volokolamsk vor 1490. Ein Beitrag zur Entwirrung des Rätsels um die sogenannte «Häresie der Judaizierenden» // Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. 1986. № 38. S. 110–130; Hösch E. Orthodoxie und Häresie im alten Russland. Wiesbaden // Schriften zur Geistesgeschichte des östlichen Europa. 1975. № 7; Hösch E. Orthodoxie und «Rechtgläubigkeit» im Moskauer Russland // Geschichte Altrusslands in der Begriffswelt ihrer Quellen. Festschrift zum 70. Geburtstag von Günther Stökl / Hrsg. von U. Halbach, H. Hecker, A. Kappeler. Stuttgart, 1986 (Quellen und Studien zur Geschichte des Östlichen Europa. Bd. 26). S. 50–68; Hösch E. Sowjetische Forschungen zur Häresien Geschichte Altrusslands. Methodologische Bemerkungen // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. 1970. № 18. S. 279–312; Seebohm T. M. Ratio und Charisma. Ansätze und Ausbildung eines philosophischen und wissenschaftlichen Weltverständnisses im Moskauer Russland. Bonn, 1977. Последовательно отрицает реформационный характер русских ересей, кажется, только Я. Хоуллетт (Howlett J. R. The Heresy of the Judaizers and the Problem of Russian Reformation. PhD Thesis. Oxford University, 1976; Howlett J. R. Reformation or *Reformatio*: the case of Muscovite Russia // Полата књигописна. Nijmegen. 1987. № 16. P. 141–152).

⁴⁵ Kämpfer F., Stökl G. Russland an der Schwelle zur Neuzeit. Das Moskauer Zartum unter Ivan IV Groznyj // Handbuch der Geschichte Russlands. Bd. 1. Bis 1613. Von der Kiever Reichsbildung bis zum Moskauer Zartum / Hrsg. von M. Hellmann. II. Halbband. Stuttgart, 1989. S. 863–864.

⁴⁶ Клибанов А. И. Духовная культура средневековой Руси. М., 1994 (раздел «На переломе культурных эпох», С. 266–298).

⁴⁷ Лемэтр Н. Католики и протестанты: религиозный раскол XVI в. в новой исторической перспективе // Вопросы истории. 1995. № 10. С. 44–53; Прокопьев А. Ю. Германия в эпоху религиозного раскола. 1555–1648. СПб., 2008; Прокопьев А. Ю. Введение. Реформация, Контрреформация, Конфессионализация // Конфессионализация в Западной и Восточной Европе в раннее Новое время. Доклады русско-немецкой научной конференции 14–16 ноября 2000 г. / Под ред. А. Ю. Прокопьева. СПб., 2004.

ние «эпохи конфессий»⁴⁸ как эпохи *двух* параллельных религиозных Реформаций (а не эпохи борьбы темной католической реакции и Контрреформации со светлым и прогрессивным протестантизмом), то вопрос о соотношении русского «еретичества» и «сектантства» с западным опытом предстанет в совершенно новом свете.

Параллели, сходства в развитии русских и западных религиозно-общественных движений культуры – очень важная и научно релевантная сторона исследований по истории «большой Европы» в раннее Новое время. Однако не менее важным (а по сегодняшнему состоянию исследований, пожалуй, даже более) могло бы стать конкретно-историческое выявление не только параллелей, но и *своеобразия* религиозных конфликтов и христианского диссидентства в России по сравнению с Западом.

О потребности в таких сопоставлениях говорится давно. Еще в 1968 году Жак Ле Гофф, открывая большую международную конференцию, посвященную роли ересей в доиндустриальных европейских обществах, отмечал, что привлечение материалов из истории раннего христианства, ислама и православия привело бы к «плодотворным сравнениям»⁴⁹. Таковым должен был послужить и представленный на коллоквиуме доклад А. И. Клибанова⁵⁰, которому в Париж поехать не позволили...

Есть и еще одна важная сторона дела. Говоря о культуре Запада в XVI веке, мы очень часто употребляем оборот «эпоха Реформации, Возрождения и гуманизма». А в учении новгородско-московских иудаизантов и особенно в «ереси Феодосия Косого» есть специфическая черта, которая представлялась А. И. Клибанову основанием для того, чтобы характеризовать русское религиозное вольномыслие как реформационно-гуманистическое движение и говорить об «утверждении человека» и этике «приятя жизни» в учениях русских еретиков⁵¹. Эту черту можно определить как антропологический и сотериологический оптимизм. И тут неожиданно оказалось, что идеи, которые на Западе были достоянием противостоявшего протестантизму гуманизма, органично вписывались в мировоззрение русских вольнодумцев. Сошлемся на высказывания приверженцев Феодосия Косого: «Что убо глаголеши, – спрашивали феодосиане у спорившего с ними Зиновия Отенского, – часто поновити Богу обветшавший образ свой и создание его падшее воздвигнути ему и исправить, не глаголеши же, что обветшание образу, что же зданию падение, како же ли обновление и въздвижение и исправление ему?»⁵² Вопрос был риторический, и ответ самих феодосиан был готов. По их мнению, природа человека остается такой, какой она была до грехопадения:

Да како образ Божови в человечестве истле, человеком живущим одинако и пребывающим якоже от начала, такоже и по Христове пришествии тоже человеком пребывающим? Елицы естеством здраву бываху человецы, здрави и до смерти пребывают; елицы же человецы впадают в недуги, тии истлевают различно. Которое убо тому тому поновление или въздвижение есть, такоже пребывающим человеком, якоже до пришествия Христова, такоже и по пришествии его?

Более того, феодосиане, видимо, считали, что человек способен спастись своими силами, и не признавали спасительной миссии Христа.

⁴⁸ Kluebing H. Das Konfessionelle Zeitalter. 1525–1648. Stuttgart, 1989; Ивошин Ю. Е. Концепция конфессионализации и Старая Империя в новом историческом прочтении // Универсализм и территориализм. Старая Империя и территориальные государства Германии в раннее Новое время. 1495–1806. М., 2004. Т. 1. С. 20–43; Прокопьев А. Ю. Постановка проблемы. Что такое конфессиональная эпоха? // Германия в эпоху религиозного раскола. 1555–1648. С. 6–37.

⁴⁹ Hérésies et sociétés en Europe préindustrielle. XIe–XVIIIe siècles / Sous la dir. de J. Le Goff. Paris, 1968. P. 4.

⁵⁰ Klibanov A. I. Le problème de la souveraineté de l'homme dans les conceptions des hérétiques russes à la fin du XVe et au début du XVIe siècle // Hérésies et sociétés en Europe préindustrielle. P. 83–96.

⁵¹ Клибанов А. И. Реформационные движения. М., 1960. С. 333–366.

⁵² Истины показание к вопросившим о новом учении. Сочинение инока Зиновия. Казань, 1863. С. 276–277.

Что убо ты глаголеши, яко созидае человека, Бог в начале поможение поплзнутию его изготова? Что убо человек, или что есть сие, еже умрет человек? Не умирают ли рыбы великия в мори и гады, и киты, такоже и птица небесныя, и звери, и львы, и слоны великия на земли? Вся та создание Божие, якоже и человек. Буди убо, яко и восхоте бог человеку помощь изготovati: да чесо же убо ради Сыну его воплотитися, а не послати Богу иного кого на помощь худости человечестей, яко же и царь человек свой образ хитрицем или исправит или поновит⁵³.

Проблема «гуманизм и Московская Русь» в 1960–1970-е годы оказалась в центре интенсивной научной дискуссии, которая разворачивалась как бы между двумя полюсами – последовательным отрицанием какой бы то ни было причастности русской культуры к европейскому гуманизму и некритичным зачислением самых разных фактов идейной жизни в разряд гуманистических⁵⁴. Как бы ни трактовался этот вопрос, отрицать саму его обоснованность невозможно. Плодотворный путь в его решении уже намечен А. И. Клибановым. Он ведет к искомому результату через изучение патристического наследия в книжности Древней Руси. О необходимости и перспективности такого направления поисков А. И. Клибанов писал еще в 1950-е годы, оказавшись первым советским ученым, обратившимся к вопросу о том, в какой степени и в чем именно специфика византийско-православного религиозно-философского наследия по сравнению с «римско-латинским» предопределила своеобразие развития представлений о человеке в духовной культуре России. Клибанов уже тогда выявил роль традиций христианизированного неоплатонизма в становлении гуманистических тенденций в русской культуре задолго до наступления эпохи гуманизма на Западе. Он обратил внимание, что, например, в манифесте западного гуманизма «Речь о достоинстве человека» Джованни Пико делла Мирандолы развивает идеи, которые были, в сущности, привычными (если не рутинными) в византийской письменности⁵⁵. Дело, конечно, не в цитировании и заимствованиях, а в том, что восходящий к неоплатонизму тезис о человеке как существе, занявшем место между разными мирами и потому свободном и могущественном, был общим местом тесно связанной с христианским неоплатонизмом православной патристики. Он принят, например, Иоанном Дамаскином в «Точном изложении православной веры» – сочинении, которое было известно и авторитетно на Руси уже с XI века. Можно ли не признать, что это предполагало отличные от ситуации на Западе, исходные позиции для развития религиозной антропологии и зарождения гуманистических тенденции в ней⁵⁶?

Но проблема не сводится к вопросу о русских эквивалентах западного гуманизма. Суть ее в том, что отличия в церковных учениях западного и православного христианства сказывались не только в рафинированной мысли теологов-экзегетов и гуманистов, но в той проповеди, с которой церковь обращалась к народу и которая в течение многих веков формировала его ментальность. Насколько специфически незападные черты ментальности русского общества (если признать, что их вообще можно выделить) определялись особенностями церковно-учительной

⁵³ Там же. С. 262–263. Ср.: С. 275 («Глаголеши, яко Бог рукою своею созда Адама, обновити же Адама прииде сын Божий воплотитися, и исправити создание свое. Почто убо сам приходит во плоти? Можаше бо рукою своею и паки поновити образ свой и не воплотився») и С. 285 («Аще вся Христом быша, и словом вся сотвори, чесо ради и образ и подобие словом не понови и кроме вчеловечения вся могий яко Бог?»).

⁵⁴ Петров М. Т. Проблема Возрождения в советской науке. Спорные вопросы региональных ренессансов. Л., 1989. С. 183–205.

⁵⁵ Клибанов А. И. К проблеме античного наследия в памятниках древнерусской письменности // Труды отдела древнерусской литературы. 1957. № 13. С. 158–171. См. также: Клибанов А. И. Реформационные движения. С. 305–332 (глава «Источники русской гуманистической мысли в XV – первой половине XVI в.»).

⁵⁶ Подробнее см.: Dmitriev M. Humanism and the Traditional Orthodox Culture of Eastern Europe: How Compatible were They in the 16th and 17th Centuries? // Orthodox Christianity and Human Rights / Eds. A. Bruening, E. van der Zweerde. Leuven; Paris; Walpole, 2012. № 13. P. 85–109.

традиции? В чем именно они состояли? Один из самых надежных путей в поисках ответа – изучение приходской проповеди, агиографии и текстов, запечатлевших уже пропущенное через сознание паствы, отраженное влияние проповеди⁵⁷. Насколько «оптимистическая» (по сравнению с опытом Запада) антропология православной патристики и нормативно-проповеднических текстов вошла в пастырскую деятельность приходских священников?

В частности, различия религиозно-теологических традиций позволяет точнее и глубже понять роль и место антитринитарных воззрений в истории русских еретических и реформационных движений. На Западе антитринитаризм – или нечто очень маргинальное в опыте средневековых ересей, или признак перехода от, так сказать, «нормальной» или умеренной протестантской Реформации к радикальной. О том, насколько принципиальным был поворот от протестантской «ортодоксии» к антитринитаризму, говорит и сожжение М. Сервета по настоянию Ж. Кальвина, и факт вынужденной эмиграции итальянских антитринитариев в Польшу и Трансильванию, и ожесточенность и острота интеллектуальных баталий вокруг догмата Троицы в опыте западной Реформации. И суть всех этих споров, их центральный нерв и сердцевина – не догмат Троицы как таковой, а соотношение человеческой и божественной природы в Иисусе Христе. Когда же мы сравниваем опыт русских реформационных движений и западных, мы не можем не заметить, что переход от антиклерикализма, критики церкви как института, отрицания основных обрядов к антитринитарным концепциям и к утверждению, что Христос был обыкновенным человеком, совершался с поразительной – с западной точки зрения – легкостью. И особенно удивительно в этом отношении «христоверие» («христовщина»)⁵⁸, которое, как кажется, никак не вмещается в логику западной Реформации и даже радикальной Реформации. А ведь именно из «христоверия» выросли «сектантские» движения в России более позднего времени.

Как это объяснить? А. И. Клибанов видел в антитринитаризме русских вольнодумцев яркий знак однотипности западных и русских реформационных движений. Но если учесть, что уровень образованности даже элиты русского общества был несравненно ниже, чем на Западе, что в России не было ни университетов, ни схоластики, ни библиотек, аналогичных западным, а на Западе антитринитаризм вырос на почве именно этой высокой ученой культуры, – то самый факт неожиданной близости русских антитринитариев их западноевропейским единомышленникам не может не казаться парадоксом. Объяснение этому парадоксу можно найти, видимо, в двух обстоятельствах.

Во-первых, от Византии Россия унаследовала напряженное внимание к вопросам тринитологии, отраженным в текстах, переведенным с греческого и так или иначе усвоенным и переработанным на Руси. Как на характерный пример можно указать на значение культа Троицы, в распространении которого А. И. Клибанов видел главный смысл реформы Сергия Радонежского⁵⁹, или на попытки русского автора середины XVI века Ермолая-Еразма осмыслить триничность как некий ключ к строению всего мира⁶⁰. В этих условиях естественным было обращение и религиозных диссидентов XV–XVI веков к тем же вопросам. Во-вторых, здесь, видимо, сказывались особенности пришедшего на Русь византийско-православного учения о возможности обожения человека. «Идея обожения, так чуждая банального эвдемонизма, была цен-

⁵⁷ К этой теме А. И. Клибанов обратился на рубеже 1980–1990-х годов. См.: *Клибанов А. И. Духовная культура средневековой Руси*. М., 1996. С. 7–45 (раздел «Сельский приход и прихожане»).

⁵⁸ См, напр.: *Клибанов А. И. История религиозного сектантства в России (60-е годы XIX в. – 1917 г.)*. М., 1965. С. 39–84.

⁵⁹ *Клибанов А. И. К характеристике мировоззрения Андрея Рублева // Андрей Рублев и его эпоха*. М., 1971. С. 62–102.

⁶⁰ *Клибанов А. И. Сборник сочинений Ермолая-Еразма // Труды Отдела древнерусской литературы / Отв. ред. Д. С. Лихачев*. СПб., 1960. Т. 16. С. 178–207. См. также: *Клибанов А. И. Реформационные движения*. С. 288–293, 338–341, 351–353 *et passim*; *Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России. Период феодализма*. М., 1977. С. 35–54 (раздел «Правда „единого общества“ Ермолая-Еразма»).

тральным пунктом религиозной жизни христианского Востока, вокруг которой вращались все вопросы догматики, этики, мистики»⁶¹. Суть его ясно передает В. М. Живов:

... человек может проникаться Божественными энергиями и соединяться с Богом. Это соединение и составляет существо святости. Учение об обожении в своих начальных формах складывается в византийском богословии уже в период между Первым и Вторым Вселенскими соборами в писаниях св. Афанасия Великого и каппадокийских отцов (св. Василия Великого, св. Григория Богослова и св. Григория Нисского)... [Оно] получило решительное развитие в творениях преп. Максима Исповедника. Преп. Максим пишет об изначальной предназначенности природы человека к обожению... Это предназначение содержится в природном начале человека, в его природном логосе...⁶²

Возможно, что именно поэтому антитринитарные концепции, которые были атрибутом радикально-реформационных движений на Западе, с относительной легкостью выросли в контексте православных вероучительных традиций. Антропологический и сотериологический оптимизм этих концепций был новостью для западной религиозности, вскормленной Августином и августинизмом, но не мог быть революционным в глазах русского книжника.

В целом, религиозная мысль русских «еретиков» старомосковского периода и «сектантов» более позднего времени развивалась в иной системе богословских координат, чем на латинском Западе, и этим объясняется и неожиданно смелый характер некоторых идей русских вольнодумцев, и специфические акценты (особенно – акцент на иконоборчестве) в их учении. Например, одним из последствий «оптимистической» антропологии византийского христианства было то, что ему чужда замена покаяния *сатисфакцией*, а в дальнейшем индульгенцией. Протестантская Реформация на Западе началась именно с критики индульгенций и той концепции оправдания и спасения, которая за ними стояла. Могли ли эти вопросы оказаться в центре внимания православных верующих?

Были ли Реформация и протестантизм порождением общехристианской культуры, «христианства вообще» – или же они выросли из специфической, присущей, главным образом, именно западному христианству проблематики? Понимание спасения как *оправдания* было краеугольным камнем в идеях западной Реформации, и такой подход к сотериологии был чужд традиционной православной религиозной мысли. Но это лишь начало проблемы. Сотериологический принцип протестантизма, развитый и у Лютера, и у Кальвина, и у других теологов западной Реформации, – оправдание «одной лишь верой», *sola fide*. В нашей литературе этот принцип обыкновенно толкуют в том смысле, что для спасения/оправдания достаточно только веры, а так называемые «добрые дела» (*bona opera*), то есть почитание святых, заупокойные молитвы, таинства, монашеское служение, излишни. На самом же деле, с точки зрения любой версии протестантского богословия и проповеди, принцип *sola fide*, оправдание «одной лишь верой», теснейшим образом связан с другим принципом, *sola gratia* («только благодатью»), и состоит в том, что эта вера не имеет ничего общего с нашей испорченной первородным грехом природой, никак не есть продукт нашей воли, но только благодатный дар, благодаря которому – и единственно благодаря ему, а не нашим действиям и «заслугам», – человек оправдывается Богом и спасается. Соответственно, речь идет не просто о вере (*fides*), а об особой, *специальной* вере (*fides specialis*). Для такого понимания спасения – выросшего из специфически западного понимания первородного греха, природы человека, человеческой воли и божественной благодати – в православной традиции не было никаких предпосылок. В этом отношении пра-

⁶¹ *Потов И. В.* Идея обожения в древневосточной церкви. М., 1909. С. 51.

⁶² *Живов В. М.* Святость. Краткий словарь агиографических терминов. М., 1994. С. 70–72.

вославная культура и теология, построенные на ином понимании связи человека с Адамовым прегрешением, на иной оценке природы человека, на ином представлении о спасении – то есть из-за своих начальных и фундаментальных характеристик, не могут привести к учению о спасении, которое присуще протестантизму.

Равным образом, например, протестантская идея всеобщего священства не представляла для православия такой же революции, как для построенных на клерикализме западной эkkлезиологии и, соответственно, церкви. Понимание церкви как сообщества верующих, а не иерархической структуры, где клирики и миряне разделены высокой стеной, уживалось без острого конфликта с традиционной церковной организацией. Реформация тут была не нужна.

Ясно, что в православной культуре никого не удивит и причастием мирян под двумя видами, и критикой чистилища, и отрицанием целибата, и признанием роли мирян в церкви, и невмешательством патриархов (которые занимают совершенно не то место, что папы в католицизме) в дела местных церквей. Зато отказ от иконопочитания оказывается здесь много более радикальным ударом по традициям, чем на Западе, и именно в этом происходит острый разрыв с церковью. Для православной культуры – это подлинная революция, потому что византийское иконопочитание есть вывод из догмата о Боговоплощении, и усомнившись в иконе как ипостаси святого или самого Бога, ставится под сомнение божественность Иисуса Христа. Эта логика была чужда и католической, и протестантской мысли. С точки зрения западных теологов и полемистов иконопочитание (и обряды вообще) есть, упрощенно говоря, «второстепенная» вещь.

Таким образом, разрыв с Православной церковью в России происходил на других путях, но это был все-таки именно разрыв с традиционной церковью и призыв к ее реформированию. И преимущественно в этом смысле движения русской антицерковной оппозиции могут быть названы «реформационными». Но, с другой стороны, все это – не вполне протестантизм, потому что и в лютеранстве, и в кальвинизме, и в течениях радикальной Реформации было слишком много отличного от русских диссидентских движений. Реформация на Западе разворачивалась вокруг вопросов, которые были типологически чужды православной традиции. Уже поэтому она не могла приобрести на Руси того же размаха.

В нашей исторической памяти этому факту часто придают громадное значение, считая, что отсутствие масштабной Реформации в России резко противопоставило Московскую Русь Европе в раннее Новое время и заметно повлияло на судьбу России в XVIII–XX веках. Однако такая формула памяти, скорее всего, не адекватна. Проблема не в том, что Россия не знала Реформации как эпохи религиозно-культурной эволюции и в этом отношении «отставала» от Запада, а в том, что существуют весомые типологические различия в религиозных традициях, одна из которых, византийское православие, уже по самой своей природе исключала такой разрыв между конфессиями, какой был произведен Лютером и Кальвином на Западе.

Возникающие при описании и анализе этих движений трудности напрямую связаны с вопросом о конфессиональной специфике византийско-православных традиций, о не-западных чертах перенятого из Византии восточнохристианского наследия, ставших почвой и фундаментом восточнославянских средневековых христианских культур. И в этой области нашей историографии и нашей исторической памяти сложилась странная ситуация. Признавая, что без учета конфессиональных особенностей православия русскую традиционную культуру не понять, мы тем не менее до сих пор не думаем о хотя бы предварительном консенсусе относительно того, что же в конце концов можно и нужно понимать под выражением «специфика православной (восточнохристианской, византийско-православной) традиции». И сложность в том, что доктринальная, вероучительная специфика православной или католической традиции к началу Нового времени касалась не только *filioque*, примата папы или формы причастия, но и представлений о грехе, спасении, смерти и конце времен, роли мирян в церкви, о путях и методах толкования Св. Писания, об иконе и многом другом. И судя по тому, что уже изу-

чено (в том числе и А. И. Клибановым), русскому православному духовенству удалось донести именно такое специфическое понимание многих вопросов до своей паствы, и поэтому «переживаемое», интериоризированное христианство православного населения Восточной Европы в раннее Новое время было по ряду параметров иным, чем христианство, усвоенное католиками и протестантами.

Если различия двух традиций христианской культуры в самом деле существенны, можно ли ими пренебречь, изучая опыт не только XV–XVI веков, но и христоверов, молокан, «Старого» и «Нового Израиля», штундистов и хлыстов? Эти вопросы А. И. Клибанов начал изучать в двадцатилетнем возрасте⁶³ и вернулся к ним после защиты докторской диссертации, в 1960-е годы⁶⁴. Фактически речь шла о продолжении истории «протестантствующих» реформационных движений в новую эпоху. И снова (как и применительно к XV–XVI векам) вставал вопрос о сходствах и различиях в опыте религиозно-общественных движений Запада и России, которая как бы «наверстывала» в XVIII–XIX веках то, что в Западной Европе и Северной Америке произошло в период Реформации и в последующей истории протестантизма.

На этом пути обращение к истории раскола и староверия было неизбежным⁶⁵, и последний научный доклад Клибанова в Институте российской истории РАН в ноябре 1993 года (за полгода до кончины) назывался «Протопоп Аввакум и апостол Павел»⁶⁶.

В советское время, которое отмечено большой враждой к староверию (едва ли не большей, чем к Православной церкви), трудно было привлекать внимание к вопросу о том, как «реакционный» Раскол соотносится с «прогрессивной» Реформацией. Но вот переплетение в истории России «сектантства» и староверия было очевидным фактом. Сверх того, в лоне и того, и другого религиозного движения вызревали (снова: как и на Западе!) идеи и течения, родственные западному и общехристианскому утопическому социализму. Этот феномен стал предметом большой двухтомной книги Клибанова⁶⁷. Конечно, на ней лежит печать революционной, вполне комсомольской и прокоммунистической молодости Александра Ильича. Но книга никак не была опытом оправдания советского социального эксперимента. Это была очень честная, написанная без лицемерия и двоемыслия работа, которая показала, как народные эгалитаристские устремления трех русских революций (1905 года и двух революций в 1917 году) питались и подготавливались исканиями религиозного сознания в России (как и на христианском Западе).

На протяжении всей послелагерной академической жизни А. И. Клибанову были дороги любые аспекты интеллектуальной, религиозной и художественной истории России, ее духовной культуры (как ему была дорога русская и мировая классическая литература, и вся тюремная переписка Клибанова с женой, Натальей Владимировной, есть прекрасный памятник такой

⁶³ Клибанов А. И. Меннониты. М.; Л., 1931; Меннонитская колонизация на юге России в XVIII–XIX вв.: Автореф. канд. дис. Л., 1935.

⁶⁴ Клибанов А. И. Современное сектантство в Тамбовской обл.: По мат-лам экспедиции Ин-та истории АН СССР в 1959 г. // Вопросы истории религии и атеизма. 1960. Вып. 8. С. 59–100; Материалы к характеристике совр. сектантства в Тамбовской обл. // Вопросы истории религии и атеизма. 1961. Вып. 9. С. 212–243; Сектантство в прошлом и настоящем // Вопросы истории религии и атеизма. 1961. Вып. 9. С. 9–34; История религиозного сектантства в России: (60-е гг. XIX в. – 1917 г). М., 1965; Материалы о религиозном сектантстве в послеоктябрьский период в архиве В. Г. Черткова // Записки отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина. 1966. Вып. 28. С. 44–95; 50 лет научного исследования религиозного сектантства // Вопросы научного атеизма. 1967. Вып. 4. С. 349–394; Религиозное сектантство и современность. Социологические и исторические очерки. М., 1969; Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. М., 1973; Из мира религиозного сектантства. Встречи. Беседы. Наблюдения. М., 1974.

⁶⁵ Клибанов А. И. К характеристике новых явлений в русской общественной мысли второй половины XVII – начала XVIII в. // История СССР. 1963. № 6. С. 85–103; Протопоп Аввакум как культурно-историческое явление // История СССР. 1973. № 1. С. 76–98.

⁶⁶ Клибанов А. И. Протопоп Аввакум и апостол Павел // Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.) / Под ред. Е. М. Юхименко. М., 1994. С. 12–43.

⁶⁷ Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России: Период феодализма. М., 1977; *Он же*. Народная социальная утопия в России, XIX в. М., 1978.

любви, отражение и выражение драгоценной черты в жизни советской интеллигенции). А обширная глава в последней книге А. И. Клибанова⁶⁸ посвящена теме «самоценности человека» и «самовластия», то есть свободы воли и «свободы вообще», в духовной культуре России. В сущности, вся научная биография Александра Ильича и была утверждением этой великой ценности в эпоху, которая свободу искореняла.

В данной работе использованы результаты проекта «Конструирование идентичностей в средневековых культурах», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2023 году.

⁶⁸ *Клибанов А. М.* Духовная культура средневековой Руси. С. 109–205 (очерк III. «Самоценность человека»).

Константин Антонов

Поучительная переписка

Свою переписку с женой А. И. Клибанов в комментариях называет «познавательно значимой, в чем-то поучительной» – и, несомненно, перед нами – один из важнейших документов, от первого лица раскрывающих жизнь огромной эпохи, с которой нам до сих пор приходится так или иначе соотносить свое собственное существование. Это касается нашей повседневности, в которой «советские» нотки никогда не переставали звучать и в последние годы звучат все более явно, но это касается и научной жизни. Сложные игры власти и знания (М. Фуко), развернувшиеся в советскую эпоху, не пришли к своему концу в конце 1980-х – начале 1990-х годов, как многим казалось, нет, разрыв советской и постсоветской эпохи, явным образом вышедший на первый план в первые постсоветские годы, теперь должен потесниться, и в современной историографии скорее всего будет усиливаться тенденция описывать отношения двух периодов с точки зрения преемственности между ними (как бы эту преемственность ни оценивать).

В значительной степени все это касается науки о религии, в рамках которой сформировался и, при мощной поддержке коммунистической партии и государства, доминировал на протяжении всего советского периода так называемый научный атеизм, игравший роль одновременно научной парадигмы, обязательного предмета в рамках идеологического цикла в высшем образовании, воспитательной практики и направления внутренней политики государства. Публикуемые Е. В. Воронцовой переписка А. И. Клибанова и Н. В. Ельциной и сопровождающие ее комментарии, составленные самим Клибановым и фактически перерастающие в автобиографию, – объемный и охватный по времени корпус эго-документов, раскрывающий перипетии биографии, повседневность, культурные увлечения, внутреннюю жизнь, самопонимание одного из наиболее ярких его представителей. Именно этим определяется его уникальность и значимость.

Излагать в предисловии содержание столь богатого документа – бессмысленно. Однако читателю важно настроиться на восприятие иного сознания, сложившегося в эпоху, которую нам, живущим сейчас, вообразить себе трудно – может быть не столько в силу нашей дистанцированности по отношению к нему, сколько в силу тех стереотипных представлений о «советском» сознании, которые привычно транслируются в нашем «постсоветском» сознании. Сознание, с которым читатель столкнется на страницах переписки и комментария, с этим набором стереотипов соотносится не самым простым манером. Многим ожиданиям оно будет соответствовать – но не всем.

Конечно, в чем-то Клибанов – довольно типичный представитель советской интеллигенции, чье формирование пришлось на эпоху партийных дискуссий и расцвета Союза воинствующих безбожников, однако его первый научный руководитель – Н. М. Маторин – фигура уже не совсем типичная. Он был членом СВБ, одним из первых «советских» этнографов и религиоведов, принадлежал к кругу Г. Е. Зиновьева – яркого партийного лидера, проигравшего Сталину в борьбе за власть. Трудно сказать, насколько Маторин посвящал своих молодых сотрудников в детали и перипетии внутрипартийной борьбы, однако его попытка реализоваться в науке и атеистической пропаганде в итоге закончилась трагически – и не только для него, но и для Клибанова, два лагерных срока которого связаны именно с «делом Маторина».

С другой стороны, знакомство с Н. В. Ельциной вводит Клибанова в еще более экзотический круг – дореволюционной «прогрессивной» интеллигенции, сочувствовавшей революции, оставшейся в России, но оппозиционной по отношению к большевизму (мать Натальи Владимировны была под следствием по делу так называемого «Союзного бюро меньшевиков»)

– и хотя на момент знакомства будущих супругов большинство из них уже были арестованы (а впоследствии погибли в ГУЛАГе), в доме сохранялась созданная ими культурная атмосфера, очевидно, существенно повлиявшая на становление молодого ученого.

Укажу только несколько черт этого сознания, которые кажутся важными для его современного прочтения. В этих кругах могли одновременно любить «декадентов» Блока и Ахматову и «гуманистов-прогрессистов» Р. Роллана и С. Цвейга. О том, как складывался культурный кругозор этих людей и какими способами велась их научная работа, дает представление одно из писем 1947 года, где Клибанов делится с супругой своими впечатлениями от «открытия» «знаменитой» «Речи о достоинстве человека» Пико делла Мирандолы, и тут же под впечатлением от этого открытия создает грандиозную схему развития мировой культуры, в рамках которой русские «жидовствующие» еретики сопоставляются с деятелями итальянского гуманизма – на основании нескольких похожих фраз. В этой истории многое кажется показательным: и незнакомство уже вполне сформировавшегося историка со столь значимым памятником, и увлеченность им, и поспешность обобщающей схемы...

Интересной особенностью на фоне привычного представления о «догматизме» «научного атеизма» предстает своеобразный «культ еретичества», «сокрытый двигатель» научного творчества автора, исток которого он сам усматривает в своем лагерном опыте. Правда, у человека, читавшего научные труды Клибанова, неизбежно возникает вопрос: в чем же заключается это «еретичество» автора, успешно и постоянно публиковавшего свои книги о средневековых «еретиках» и современных «сектантах» в советских издательствах? Однако можно поставить вопрос и иначе – нельзя ли увидеть что-то важное в этих книгах (а также, возможно, и в книгах других представителей «научного атеизма»), если иметь в виду одновременно и наличие этого еретического императива, и тот факт, что, по собственному признанию, автор сознательно никогда к «эзопову языку» не прибегал?

Не менее интересны и значимы сделанные от первого лица описания атмосферы Большого террора, научной (в том числе естественнонаучной, к которой принадлежала Н. В. Ельцина) жизни советской эпохи, во многом проходившей под его знаком, такие же описания лагерной жизни (в том числе подтверждающие некоторые указания А. И. Солженицына), а также впечатления уже пожилого Клибанова от чтения переизданных в конце 1980-х – начале 1990-х книг Н. А. Бердяева и С. Н. Булгакова, в которых он увидел прежде всего продолжателей традиции «духовного христианства», его наблюдения за ходом перестройки и первыми годами постсоветской жизни.

Но, пожалуй, самое удивительное – почти полное отсутствие описаний встреч с религиозными людьми (как в лагере, так и на свободе), отсутствие рефлексии по поводу религиозности тех, встречи с кем описаны, – например, Н. В. Крандиевской. Более того, когда эта тема всплывает (в разговоре с Крандиевской о Нагорной проповеди), она признается неважной, «незначительным расхождением»: создается впечатление, что автор стремится как бы преуменьшить и свой личный атеизм, и свою принадлежность к «научному атеизму», и значение религии в человеческой жизни. И все бы ничего, если бы автор не был религиоведом.

На этом фоне обращает на себя внимание следующая жесткая автохарактеристика:

В понимании того, что есть ложь и что есть правда, мы были солидарны. Я оказался гибче, стремился выбирать из двух зол меньшее, чего не избежала и она, но куда более, чем она, склонен был к компромиссу. Это сделало мою жизнь в науке счастливее, чем Наташи, легче давалось общение с коллективом ученых, в котором работал. Думаю, что в этом аспекте сказанное «счастливее» означало на деле постыднее. Время предлагало свои правила игры, которым поневоле приходилось следовать. В противном случае предстояло вообще

выпасть из игры. Приходилось лавировать. Многие следовали правилам игры жестко и жестоко.

Эта цитата кажется ключевой, она открывает два способа возможного чтения текстов Клибанова (и, вероятно, других представителей «научного атеизма»).

1. Их можно читать бессубъектно, в рамках фукианской «археологии знания», в контексте «правил игры», реконструируя породившую их дискурсивную формацию, продуцируемые ею практики власти и знания, научный этос и проч. Поскольку производимые тексты вписываются в эти правила – «лавирование» автора оказывается несущественным, особенно учитывая тот факт, что авторское начало в позднесоветском дискурсе вообще не было сильно выраженным. С этой точки зрения переписка и авторский комментарий к ней вообще имеют значение только иллюстративное, уточняют кое-какие детали «советской» модели отношений власти и знания, как контекста формировавшегося в ее рамках «дискурса о религии».

2. Их можно читать более «персоналистично», в контексте реконструкции научной биографии автора. В этом случае перед исследователем встает новая задача: осуществить синтез биографических свидетельств, прежде всего публикуемых в данном издании, и научных текстов Клибанова, понять их соотношение, увидеть в опубликованных текстах следы «лавирования», искать в них не только общее «научно-атеистическое», но и собственное «клибановское». И уже исходя из этого – давать характеристику «эпохе», ее «идейным течениям» и т. д.

Но в любом случае понимание эго-документа требует анализа его структуры, уяснения породивших его мотивов. Самым общим здесь кажется соотношение непосредственного становления самосознания героев, предъявляемое самой перепиской, и ее поздней рефлексии в комментариях, постепенно превращающихся в сплошной автобиографический нарратив. Разумеется, и переписка не только что-то раскрывает, но и многое скрывает, хотя бы потому, что авторы считались и с лагерной цензурой, и с необходимостью щадить чувства друг друга. Более сложными, однако, являются мотивы, формирующие вторую часть. Здесь на поверхности – стремление сохранить память о любимой жене, о сложно прожитой жизни, передать эту сложность потомкам, отрефлексировать собственную ситуацию и утвердить смысл своей научной жизни. Но за этим проглядывает сложная диалектика самообличения и самооправдания. Последнее зачастую преобладает в стремлении «дистанцироваться»: подчеркнуть «неортодоксальность» круга знакомств, в том числе поэтических, «еретический императив», управлявший научным творчеством, «оппозиционность» круга, к которому принадлежала Н. В. Ельцина. Сюда же относится критика «твердокаменных» сталинистов, даже в лагерях сохранивших верность строю, подчеркивание элементов «диссидентства» в поведении и мыслях... С этим соседствует, с другой стороны, критичность в отношении дореволюционной России, стремление продемонстрировать преимущество авторитарных элементов дореволюционного и советского времени, такая же критичность в отношении некритичных обращений к дореволюционной эпохе в постсоветское время – все это призвано обнаружить позитивное содержание советской эпохи и через это придать смысл той лояльности по отношению к ней, которую автор, несмотря ни на что, стремился сохранить. Анализ этих мотивов, разумеется, не должен дезавуировать свидетельства автора о своем времени или ставить под сомнение их значимость, скорее напротив – он должен открывать доступ к его эпохе, ее жизненному миру, скрытым в нем корням ее научной, художественной и религиозной (и антирелигиозной) жизни.

Детальный анализ этого текста в контексте изучения научной биографии Клибанова и научного атеизма в целом – дело будущего, но уже сейчас понятно, что он вносит в интерпретацию этого контекста новые, существенно усложняющие ее моменты.

«Кровь событий». Письма 1932–1954 годов

Давно хотелось мне воспроизвести на бумаге впечатления моей жизни, но не все из того, что видел и что достойно памяти – пережил. Писать (или хотя бы записывать) следует лишь о том из виденного и прочитанного, что сам пережил, на чем оставил собственный радостный или скорбный след, о том, к чему прилепилась и с чем ужилась частичка собственного существа.

Воспоминание очень ответственно. Это всегда экзамен для того, кто пишет.

Как тень неотступно следуют слова Данте:

Наукой сказано твоей,
Что, чем природа совершенней в сущем,
Тем слаще нег в нем, и боль больней.

Я недавно читал книгу Либединского «Современники»⁶⁹. Толстая книга. Много встреч. И нет в этой книге ни времени, ни его современников, череда моментальных фотографических снимков. И лишь один портрет автора, не выдержавшего испытания. Впрочем, книга вышла уже посмертно. Видимо, Либединский спешил или просто не успел ее отделать хотя бы в меру своих сил.

*Письма – больше, чем воспоминанья: на них запеклась кровь событий,
это – само прошедшее, как оно было, задержанное и нетленное.
А. И. Герцен*

⁶⁹ Либединский Ю. Современники. Воспоминания. М., 1958. – Примеч. сост.

1932

№ 1. Н. В. Ельцина – А. И. Клибанову

(Между второй половиной мая – началом сентября 1932 года)

[м. б. концом августа того же года]

Шлю тебе привет, Саня, с Белого моря. Сейчас мы остановились на ночь на одном очаровательном острове. Кругом море, вдали виднеется синевато-белая цепь гор. Я лежу около горящего костра среди каменных пород в супрематическом стиле и смотрю на горы сквозь колеблющийся дым от костра.

Все тихо. Только крик чаек, гаг, да иногда с легким писком высунется голова тюленя. Странно подумать, что где-то существуют какие-то большие города, где люди живут какой-то иной жизнью. Мне сейчас вспомнились те несколько вечеров, которые я провела у тебя в кресле за чтением стихов и отрывков из Маркса. Кажется, что это было во сне... Да и наше знакомство с тобой такое странное, как отдельные огоньки среди тумана, то вспыхнут, то снова потухнут.

Знаешь, мой больной вопрос я хочу, наконец, окончательно и бесповоротно разрешить в самом высшем диалектическом единстве. Что в самом деле: искусство или треска, или то и другое вместе??? Я много увидела интересного – людей, мест. Мне это, вероятно, очень все полезно, а то как в комнатном застенке живем все время в доме.

С громадным удовольствием ездили на оленях по горам. Олень – очень пугливое и нервное животное с большими грустными глазами, всегда устремленными в тундру – там ведь свобода.

Достала здесь несколько древних икон и везу их в Ленинград⁷⁰. Что у тебя слышно? Как твоя работа? Что читаешь? Я уже мечтаю о возвращении домой, но это ведь еще не скоро. Буду рада получить от тебя письмо. Если у тебя будет настроение и желание, буду рада твоему письму.

Наташа

[Пишу вместе с <нрзб>, т. к. адреса твоего не знаю]

⁷⁰ Около десяти древних икон, собранных за время [экспедиции], были переданы в Русский музей.

1935

№ 2. Н. В. Ельцина – А. И. Клибанову

Москва, Ленинградский вокзал, до востребования. Клибанову Александру Ильичу.
[Адрес отправителя: Н. В. Ельцина, Ленинград, 8-ая Советская 34, к. 10].

4(III)–35, II ч. вечера

Родной мой мальчик, хочется тебе сказать, чтобы ты обдумал как следует весь план действий. Не спеши, дорогой, возвращаться: в Ленинграде ведь ничего нельзя будет сделать. Обязательно поговори лично с Я.⁷¹ и с Петром Ан[аньевичем]^{72, 73}.

Сейчас пришла домой – тревожно все время на душе, очень жду от тебя каких-нибудь известий. Будь осторожен, Санечек, в Москве большое движение⁷⁴. Не падай духом – все наладится. Я в этом уверена.

Пуговица от твоего пальто вызывает у меня угрызения совести – обещаю тебе ее сразу пришить, когда приедешь. Целую тебя, мой хороший, крепко, крепко. Будь бодр и здоров.

Наташа.

[Ты хочешь остаться К. или стать П.⁷⁵? Ответь мне непременно.]

№ 3. Н. В. Ельцина – А. И. Клибанову

5/III [1935] днем

Родной Санечек, была сейчас у Дерюгина⁷⁶ – положение довольно скверное – Айрапетьянц⁷⁷ положительного ответа не дает, говорит, что для него решающим будет – характеристика со стороны Шахлевича⁷⁸ (из Пет. инст.), который знает меня мало и не представляю, что может сказать обо мне. Через несколько дней списки уходят в Москву. Списки с лицами, не имеющими еще места для работы, также отправляются в московский Наркомпрос, который будет распределять на работу. [Думаю поехать в Петергоф – ловить Иванова⁷⁹, рассказать ему о существующем положении вещей, – может быть, он поговорит с Шахлевичем. К Михайлову⁸⁰

⁷¹ Ярославский Емельян Михайлович (1878–1943) – в это время член ВКП(б) [ВКП(б)], редактор газеты «Правда» и журнала «Большевик», председатель Союза воинствующих безбожников СССР.

⁷² Красиков Петр Ананьевич (1870–1939) – с 1918 года как зам. наркома юстиции занимался вопросами отношения Советского государства и церкви, издавал журнал «Революция и церковь», продолжал курировать эти вопросы и позже, когда А. И. Клибанов включился в антирелигиозную работу. С 1933 года заместитель председателя Верховного суда СССР. – *Примеч. сост.*

⁷³ См. также о П. А. Красикове: Клибанов А. И. В двадцатые годы // Наука и религия. 1985. № 11. С. 29–34; № 12. С. 15–18. – *Примеч. сост.*

⁷⁴ Речь идет об арестах. – *Примеч. сост.*

⁷⁵ Возможно, речь идет о смене фамилии отца (Клибанов) на девичью фамилию матери (Пташкин). Это был распространенный способ уклонения от репрессий. – *Примеч. сост.*

⁷⁶ Дерюгин Константин Михайлович (1878–1938) – профессор ЛГУ, гидробиолог, на кафедре которого училась Н. В. Ельцина.

⁷⁷ Айрапетьянц Эрванд Шамирович (1906–1975) – физиолог, специалист в области высшей нервной деятельности. Преподавал в ЛГУ. – *Примеч. сост.*

⁷⁸ Шахлевич Михаил Васильевич (1909–1941) – ассистент кафедры анатомии и гистологии человека биологического факультета ЛГУ. – *Примеч. сост.*

⁷⁹ Предположительно, Иванов Петр Павлович (1878–1942) – заведующий лабораторией эмбриологии в ЛГУ. – *Примеч. сост.*

⁸⁰ Предположительно, Михайлов Владимир Павлович (1908–1994) – гистолог, биолог. – *Примеч. сост.*

решила больше не обращаться – буду делать все сама.] Дерюгин огорчается, пытается сделать все возможное, но все же шансов мало на благоприятный исход. Вот все новости. Сейчас поеду снова в Университет, а на обратном пути зайду на Октябрьский вокзал – опустить письма моему мальчику. Очень хочется знать, что у тебя, как ты устроился, был ли у всех людей, с которыми намечал встретиться??? Сколько дней думаешь пробыть в Москве?

Вечером буду заниматься, завтра утром немецкий урок, потом снова занятия, вечером, может быть, пойду на 9-ую симфонию Бетховена.

Саненька, у кого ты остановился? Есть ли у тебя деньги? Если что-нибудь нужно, то напиши – я все сделаю. [Котик] дорогой, так хочется тебя обнять, поцеловать твою голову. Жду твоих писем. Крепко целую.

Наташа.

№ 4. Н. В. Ельцина – А. И. Клибанову

7/III 35

Родной Санечек, была сейчас у вас – узнала, что пока ты ничего не успел сделать. Твой отец⁸¹ вышел, разговаривал со мной. Вчера также была у вас. Ну что, мальчик, есть какая-нибудь надежда? Какие-нибудь перспективы? Где ты остановился? Есть ли у тебя деньги? Нужно ли что-нибудь тебе? Напиши хоть несколько слов, если нет настроения писать о себе более подробно. Я пишу сейчас работу, думаю заниматься до позднего времени. Завтра еду в Петергоф, чтобы поговорить с Ивановым⁸². Была вчера в Филармонии – идти не хотелось, но Юра⁸³ так приставал и просил, что не могла ему отказать, после не пожалела – 9-я симфония так захватила, влила столько светлого в душу, что сделалось легче. Первая часть концерта – Скарлаттиана Казелла⁸⁴, он сам и дирижировал, и одновременно играл партию на рояле – вещи хороши, чувствуется близость к Моцарту и Стравинскому, но после Бетховена Казелла совсем отошел, о нем и не вспоминала. 9-й симфонией дирижировал Штидри⁸⁵ – провел ее с очень большим подъемом.

[Ида производит очень хорошее впечатление – держит себя скромно, сдержанно, серьезно.]

Санечек, мальчик мой родной, всеми мыслями с тобой, не падай духом, все наладится. [Был ли у Гены?] Так хотелось бы тебя уже увидеть, очень тяжело, что ты один со своими мыслями, что нет около тебя близкого человека. Пишу тебе уже третье письмо – получил ли ты первые два? Ну, жду от тебя каких-нибудь известий. [Детка моя], целую тебя крепко, крепко. Будь бодрым и здоровым. Это самое важное, Санечек, сейчас.

Наташа.

[На этом нумерация писем прерывается и возобновляется на 231-м письме.]

Переписка пропала при моем повторном аресте⁸⁶ в феврале 1948 года.

Протокол

Москва

28 февраля 1948 г.

⁸¹ Клибанов Илья Моисеевич, врач.

⁸² Иванов – профессор ЛГУ.

⁸³ Ельцин Юрий Владимирович, брат Н. В. Ельциной.

⁸⁴ Казелла Альфредо (1883–1947) – итальянский композитор.

⁸⁵ Штидри Фриц (1883–1968) – австрийский дирижер, в 1933–37 гг. главный дирижер Ленинградской филармонии.

⁸⁶ См. подробнее раздел «Комментарии». – *Примеч. сост.*

Мы, сотрудники Министерства Государственной Безопасности СССР, майор Трифонов, Т. Н. и лейтенант Бобров, А. Т. на основании ордера Министерства Государственной Безопасности СССР за № 3976 от 27 февраля 1948 г. в присутствии родственницы арестованного Клибанова, А. И. гр-ки Шнейвас Нуним Лейбовны и дворника дома Бидаевой Ефросиньи Тимофеевны, руководствуясь ст.ст. 175–185 УПК РСФСР произвели обыск гр. Клибанова Александра Ильича, проживающего в кв. 8 дома № 36 по Б. Полянке в квартире Шнейвас Мины Нуним Лейбовны.

Изъято для доставления в МГБ следующее:

1. Тетради с записями о религии 2 шт. на 22 листах
2. Текст отпечатанный на пишущей машинке о русско-японской войне с исправлениями и пометками на 14 стр.
3. Статья А. И. Клибанова «меннонитская колонизация на юге России с X по XIX вв.» Изд. Академии наук СССР
4. Черновые записи служебного и личного характера Клибанова А. И. на 26 листах
5. Документы Клибанова А. И. Справки и заявления, разн. статьи 36 шт.
- 6. Письма разные 226 шт. на 263 листах.**
7. Фотографии разн. – 16 шт.

Перечисленные в пунктах № 1 по № 7 включительно опечатано гербовой печатью № 15 Мин. Го. Безопасности в одном свертке.

На неправильности, допущенные при обыске и заключающиеся по мнению жалобщика в ... нет.

На имущество, лично принадлежащее Клибанову, А. И. арест не наложен.

Обыск производился с 13.30 до 16.30. Протокол составлен в 4-х экз. на одном бланке.

1944

№ 231. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

14.XI.44 г.

Родная Наталинька,

сегодня у меня большая радость – получил от тебя открытку и одновременно с ней письмо и твою фотографию. Она лежит передо мной и в ней я читаю ненаписанное письмо, то, что человек никогда о себе не выскажет; видно, требуется время от времени воспроизвести и в чувственной форме лик человека, чтобы снова возвратиться к корням его души. Вот и теперь твоя карточка сказала мне о тонком благородстве твоей души, о твоей необыкновенной внутренней правде, о чистоте. Личико твое похудело, словно для того, чтобы лаконичными выразительными линиями сказать о твоей стойкости перед жизнью. Я знаю, что могу быть уверен в тебе, и правде твоего чувства и вообще жизнеотношения. Большое счастье и редкость иметь такой характер, но и большой крест его носить. Смотрю на твое лицо, принимаю твою грусть (она на грани страдания), но я вижу перед собой человека, приготовившегося растворить в своем чувстве любую боль и о свою целеустремленность разбить любые испытания. Ты и мне подаешь пример и твой порядок я принимаю не только как радость видеть дорогие мне черты, но и как своего рода категорический императив в моей жизни. Спасибо тебе, сколько раз за нашу жизнь я имел возможность опереться о твою душевную стойкость.

Мне хочется до конца сказать тебе всю правду: мне радостно видеть в твоих чертах не только сквозящее в них благородство; они мне прекрасны, ибо душевная красота всегда проецирует себя во вне. Так и теперь я вижу на твоём лице лучи, пробивающиеся наружу. Только это не лучи солнца, это лучи звезды.

Сейчас второй час ночи, а у вас только десятый час. Где ты, дома ли, в библиотеке ли? Обнимаю тебя, родная, единственная. Сегодня уже начались первые часы, повернувшие меня в тридцатичетырёхлетие⁸⁷. Чувствую твой долгий глубокий поцелуй. Пусть принесет он нам счастье, пусть даст он нам скорую встречу, пусть он нам пошлет успехи в нашем труде. Нас много впереди ожидает хорошего: наша совместность, наш ребенок, наши творческие находки и (это особенно) их поиски. Мы сбережем наши души для этой радости, чтобы наполнить их ею по края. Береги же себя, любимая, помни всякий раз, когда собираешься пренебречь собой, что урываешь этим минутку общего нашего счастья.

Целую, Наталинька.

Твой Саня.

Утром едва проснулся прочел твое письмо и глядел на твою карточку. Они лежали рядом с моим изголовьем и стали первым впечатлением сегодняшнего дня моего рождения.

Отправляюсь на лекцию в Партшколу⁸⁸, куда меня снова пригласили для прочтения части курса.

Люблю и целую.

С.

[Родной Наталик,

Прости меня – я не сразу тебе отправил письмо. Очень себя ругаю, т. к. все время чувствую твое состояние одиночества и не раз, вероятно, ты захлебывалась этим чувством. Как выразить тебе свою близость? Я сделаю все, чтобы как можно скорей осуществить нашу

⁸⁷ Александр Ильич Клибанов родился 14 ноября 1910 года.

⁸⁸ По совместительству читал лекции по истории СССР в краевой партийной школе.

встречу. Что касается комнаты, о которой ты мне написала (что возле Казанского вокзала), то ценность свою она сохранит всегда, а пока что ты имела бы собственный угол. Я только не представляю себе, откуда ты надеешься собрать такую сумму.

Я тоже предполагал, что одиноко проведу 14/ХІ, но в этот день я получил много цветов от моих студентов, небольшой серебряный бокал и адрес. Все это было очень трогательно и мне как-то стало на минуточку теплее. К Ал[ексан]дру Павл[овичу]⁸⁹ приехала мать, и они тоже приняли участие в моем «чествовании».

Получил от Манечки⁹⁰ письмо. Она все еще не имеет своей площади.

Никак не пойму, почему ты еще не получила своего багажа, ведь я его послал с Нейтманом. Затем я переслал ватник с женой сестры Подзолкова⁹¹ – неужели она тебе не привезла его? Не могу понять почему не дошел мой перевод в НихФИ высланный 21/Х. Скоро пошлю тебе еще денег. Я всегда с тобой всем своим существом.

Родная, пиши мне, люблю тебя бесконечно.

Твой Саня.

Горячий привет Лилии⁹² и Юлии Львовне⁹³.

⁸⁹ Александр Павлович Бородавкин – старший преподаватель кафедры истории Красноярского пединститута.

⁹⁰ Горлина Мария Николаевна – двоюродная сестра А. И. Клибанова, в семье которой он рос и воспитывался.

⁹¹ Подзолков Петр Георгиевич (1908–1984) – сотрудник Красноярского мединститута.

⁹² Берман Лилия Евсеевна – преподаватель английского языка.

⁹³ Шнеевайс Юлия Львовна – двоюродная сестра Н. В. Ельциной.

1945

№ 232. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

18/IV.45

Родная Наталинька,

давно не писал – было какое-то тяжелое настроение, вызванное разлукой и утомительной работой по Институту⁹⁴, а больше всего тем, что средства почтовой связи себя не оправдывают. Я всегда отвечал на твои телеграммы и послал несколько писем в адрес Эндокринологического института, но тебя это не достигает. Просто не знаю, куда же тебе писать.

Рассказ Ерофеевой⁹⁵ о тебе меня очень огорчил, да и твое собственное письмо очень невеселое. Видно, тяжело тебе досталась эта зима в Москве. Больно и обидно, что среди многочисленных московских знакомых ни один не оказал тебе помощи. Мы давно знаем с тобой, что надеяться следует только на себя самих, но это очень обидное и грустное заключение...

[Что у тебя с болями в области желудка, о которых ты пишешь? Ведь в Москве-то есть специалисты, к которым можно обратиться. Как оправдать такую твою беспечность. Ты все-таки любишь меня не так, как этого бы мне хотелось.]

Хорошо ли ты питаешься? Зачем ты мне посылаешь посылки. Ведь я тебе перевожу деньги, чтобы немножко улучшить твою жизнь. Что же ты делаешь. Шарфик я получил, он мне очень нравится, я его всегда ношу, но все остальное, присланное тобой, меня просто расстраивает. Не смей этого больше делать. Родная моя, судьба и так сократила нам нашу совместную жизнь, как же можно так не по-серьезному относиться к своему здоровью.

Наталинька, я тебя, как всегда, люблю и больше, чем всегда, – дорожи нашим чувством.

Олехнович⁹⁶ передает тебе отношение Института в Наркомпрос о моем вызове. Проследи, чтобы вызов был своевременно послан, и телеграфируй об этом мне. Писать мне можно и по адресу Института и в Партпрос, мне везде передадут.

Я предполагаю 15-го мая выехать, хотя здесь уже идут разговоры о том, чтобы меня не отпускать до окончания госуд. экзаменов, но я сделаю все возможное, чтобы вырваться 15 мая. Мне предстоит в Москве исключительно напряженная работа. Не знаю, закончу ли я или нет свою работу и нынче летом. Мне трудно это предвидеть. Если я не кончу, то план мой таков, чтобы устроиться хотя бы возле Москвы и иметь возможность часто бывать в Москве и ее библиотеках. Тема моя очень разрастается, и я не стану ее губить излишней спешкой. Я делал в Красноярске доклад «Философское мировоззрение в русском обществе XV века», но некоторые поняли наполовину, а большинство на обе половины не поняли. В Красноярск я категорически решил не возвращаться. В Москву привезу часть диссертационной работы (небольшую, ибо отсутствие источников и литературы сделало невозможным продолжение и окончание работы в Красноярске. Эту часть я предложу в «Исторический журнал». Она называется «Еретические движения и русская культура XV–XVI вв.». Мне нужен такой пробный шар, который покажет, как исторические круги расценят мою работу. Кроме того, привезу одну новую и большую работу, которую еще не называю, потому что не вполне ее закончил⁹⁷, рукопись книжки о декабристах (она печатается в Красноярске), статью о Пушкине, которая

⁹⁴ Красноярский педагогический институт, где А. И. Клибанов заведовал кафедрой истории, читал лекции и вел занятия по отечественной истории.

⁹⁵ Ерофеева – неустановленное лицо.

⁹⁶ Олехнович – преподаватель Ленинградского мединститута, эвакуированного в Красноярск.

⁹⁷ Рукопись книжки о декабристах, статья о Пушкине – речь идет о работах, написанных А. И. Клибановым на основе находок в архивах Красноярска.

должна выйти в начале мая, а также известные тебе старые работы, написанные здесь. Видел «Историч. журнал» с моей изуродованной статьей. Не понимаю, к чему мне прислали гранки, если не посчитались с моими исправлениями. Привезу также с собой новые характеристики, которые мне обещали здешние авторитетные организации. Как ни много всяческих задач и дел и перспектив, связанных с моим приездом в Москву, но главное это то, что я, наконец, буду с тобой, а на данном уровне общих условий человеческого бытия это для меня действительно самое главное, желанное и радостное.

Как, вероятно, и ты, я очень болезненно пережил смерть Рузвельта. Два раза ходил на кинофильм «Крымская конференция», чтобы запечатлеть его чудесное, милое, доверчивое, доброе, умное и даже немножко святое лицо. Не стану из уважения к памяти его характеризовать его историческое величие. Это просто непристойно, но среди цветов, возложенных на его могилу, были и мои чувства и чувства очень и очень многих небольших и рядовых людей России. Знал ли он при жизни, что это так? Хочется думать, что знал. Как бы то ни было, но поворот к будущему в общемировом масштабе уже сделан и поворота к прошлому не может быть. Вот и написал все о себе, своих и наших планах.

Любимая, у нас начнется, наконец, лучшая пора нашей жизни, нашей семейной жизни, в которой мы теперь, может быть, будем вдвоем. Время ставит перед нами этот вопрос в повелительном наклонении, и мы постараемся этим летом обеспечить необходимые внешние условия, чтобы иметь право на это самое естественное из всех прав.

Пусть эта перспектива, желанная для нас, обяжет тебя больше следить за своим здоровьем. Мне как-то жаль сегодня расставаться с письмом: пишу и чувствую нашу близость. Но написал обо всем, а писать о чувствах бесполезно, они больше всего, что можно о них написать. Целую, родная, любимая моя девочка, мой ребенок, мой друг, моя жена, мое все.

Целую. Тв. Саня.

Посылаю маленький майский подарочек.

[Наталинька, сообщи, получила ли ты мой перевод в адрес Мины⁹⁸ на 700 руб. Я его выслал на этих днях.

Ну как тебя не расцеловать на этой странице!?

Амка!]

Пришел сейчас ко мне Александр Павлович⁹⁹, который сообщает, что сейчас тронулся Енисей на четыре дня раньше срока. Он жалеет, что Енисей течет на север, а не на запад, и поэтому ограничивается письменным приветом большим и теплым.

Ерошин¹⁰⁰ обижается, что ты ему не написала.

№ 233. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

25.V.45 г.

Родная Наталинька,

сегодня один товарищ улетает в Москву, и я пользуюсь возможностью написать тебе несколько слов в те несколько минут, которые мне предоставлены.

Я немного задерживаюсь в связи с работой в Институте, а также со сбором характеристик и денег. Все это не так просто, как очень не просто мне было добиться вызова, а получив вызов, Райский¹⁰¹ его держал больше недели под сукном и говорил мне, что вызова у него нет.

⁹⁸ Шнеевайс Мина Львовна – родственница Н. В. Ельциной.

⁹⁹ Бородавкин Александр Павлович – старший преподаватель кафедры истории в Красноярском пединституте.

¹⁰⁰ Ерошин Иван Евдокимович (1894–1965) – поэт, наш близкий знакомый по Красноярску.

¹⁰¹ Райский Борис Федорович (1897–1985) – директор Красноярского пединститута.

Меня, конечно, не отпускают, но дают на 1½ месяца командировку и еще на 1½ месяца отпуск. Борьба за мое невозвращение в Красноярск предстоит очень упорная. Не только Институт, но и Крайком сделают все, чтобы меня вернуть. Однако будем бороться, и у меня есть какая-то уверенность, что мы добьемся моего невозвращения в Красноярск. Много трудностей также и с характеристиками. Все меня ценят, все обещают и все боятся. Старая история! Однако соберу и характеристики и предельно авторитетные к тому же.

Наконец, материальные вопросы, которые имеют очень большое значение (мы же не знаем, когда и как и где устроимся!) также заставляют изыскивать всякие дополнительные источники. Совокупность всех этих дел меня немного задерживает, но сделаю все, чтобы быть с тобой в день твоего рождения¹⁰².

В Москве мне предстоит еще очень много сделать по диссертации¹⁰³. Но то, что получилось, заслуживает того, чтобы продолжать работу. Может быть, осенью и закончу ее, впрочем, увидим.

За зиму написал книжку о декабристах (на 7 печ. листов) и сдал ее, а также подготовил к печати и сдал на этих днях курс русской истории с древних времен до Ивана IV. Это большой и оригинальный труд. Будет печататься в Красноярске.

Я здоров, но болен одной тоской по тебе, страшной тоской, подрывающей все душевные силы. Мы будем теперь всегда только вместе. Очень беспокоюсь о тебе, твоём здоровье. У меня все время чувство, что я как-то бросил тебя на произвол.

Целую, родная, всем сердцем был с тобой всю эту зиму и сейчас. Целую крепко.
Твой Саня.

¹⁰² День рождения Н. В. [Ельциной] – 14 июня.

¹⁰³ Речь идет о работе над докторской диссертацией о русских еретических движениях конца XIV – первой половины XV вв.

1946

№ 234. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

22/II 46 г.

Родная деточка, сегодня уезжает Вл[адимир] Ил[ьич]¹⁰⁴ и с ним и иная возможность послать тебе письмо. Сегодня меня вызывали в Наркомпрос, в отдел педвузов – там сидел Райский и объявил, что я дезертир и он собирается меня едва ли не с судом возвращать в Красноярск. Я ему сказал, что в таком случае он должен подать в суд на Потемкина¹⁰⁵ – все это отвратительный анекдот и не производит на меня никакого впечатления. Основной вопрос это прописка в Москве и пока он все, к сожалению, без движения, этот вопрос.

Сегодня же мне удалось говорить с одним из сотрудников по Калининскому пединституту¹⁰⁶, который сказал, что мое освобождение из Калинина произошло по внушению Обкома партии, который считал, что наша кафедра и без меня засорена. Если это верно, то это меня немного успокаивает – хуже было бы, если бы это случилось по внушению НКВД...

[Больше нового ничего нет. Позвони Виктору Михайловичу¹⁰⁷ и скажи, что я говорил сегодня, 22/II, с Ирочкой по телефону, она здорова, довольна санаторием, гуляет и читает, одним словом, все в порядке.

Расскажи Манечке о письме, объясни, что мое молчание вызвано очень запутанными обстоятельствами, поцелуй ее – пусть она мне напишет в адрес Анны Осип.¹⁰⁸ У Анны Осип. живется мне хорошо. И чувствую себя очень свободно и просто. Впрочем, должен признаться, что рацион, который я получаю, меня не удовлетворяет, но таковы нормативы, принятые в их доме, и не мне их нарушать.]

... Скоро увидимся, любимая моя – стремлюсь к тебе и очень грущу без твоей ласки.

Тв. Саня.

№ 235. Н. В. Ельцина – А. И. Клибанову

24/II. 46 г.

Мой родной, получила от Вл[адимира] Ил[ьича] твои листки. Все буквально падает из рук. Хотя нам это не впервые, но каждый раз мучительно остро все это¹⁰⁹ воспринимаешь. Слова не ложатся на бумагу. Одна мысль – скорее тебя увидеть. Хотелось, чтобы ты чувствовал все более зрелую, выношенную в муках, любовь, знал о моей готовности противостоять всему тяжелому. Столько дней все это тянется, и я ничем не могу помочь.

Очень расстроило сообщение о приезде Райского. В новой ситуации в НИИ – это очень неудачно. Я хочу переправить тебе деньги. Может быть, на имя Мины? Ты получишь по ее доверенности. Сделай все возможное, чтобы получить санаторий. Это абсолютно необходимо.

¹⁰⁴ Иоффе Владимир Ильич (1898–1979) – профессор микробиологии.

¹⁰⁵ Потемкин Владимир Петрович (1874–1946) – в то время нарком просвещения РСФСР.

¹⁰⁶ После возвращения из Красноярска, не имея права работать в Москве, мне [А. И. Клибанову] удалось найти работу доцента в Калининском пединституте.

¹⁰⁷ Берман Виктор Михайлович – профессор микробиологии.

¹⁰⁸ Еланчик Анна Осиповна – знакомая М. Н. Горлиной.

¹⁰⁹ «Все это» – имеется в виду ситуация конца 1945 – начала 1946, когда я [А. И. Клибанов], прилетев в Москву 14.06.1945 без разрешения соответствующих инстанций и дирекции Красноярского педагогического института и не имея права на проживание в Москве, добивался освобождения от работы в Красноярске, где я с 1942 г. был доцентом, а потом заведовал кафедрой истории СССР.

Не буду писать, как я хотела бы тебя видеть в начале марта, но если дела не позволят, то поезжай прямо в санаторий. Единственно прошу, пиши хоть открыточки, звони, телеграфируй.

Целуй и обнимаю, мой любимый. Думаю о тебе непрерывно и всеми мыслями с тобой.
Наташа.

Хочу завтра тебе звонить, чтобы узнать, что у тебя, и договориться о деньгах.

№ 236. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

26/II. 46 г.

Родная Наталинька, вчера приехал в Калинин и сегодня уезжаю в Москву. Здесь нашел твою открытку и узнал, что было от тебя заказное письмо, но что последнее отправлено в Ленинград, т. к. в Институте думали, что я больше не приеду. Я все же нашел твое заказное письмо на почте, и оно лежит сейчас передо мной.

Когда я приеду в Ленинград (я надеюсь, что мне это удастся в первых числах марта), я скажу тебе, как твоя ссылка на Тютчева едва не сделалась вещей и именно в эти дни:

Кто смеет молвить: до свиданья!
Чрез бездну двух или трех дней.

Всю вчерашнюю ночь я твердил эти слова, и когда на минуты выключалось сознание, мысль эта жила в той преисподней чувств и предчувствий, где человек во всяком случае искренен и правдив, где он хранит глубокую тайну своей личности, тайну, к которой так боязно бывает спуститься при свете дня.

Впрочем, не подумай, что я имею в виду какую-либо переоценку своего отношения к тебе. Я имею в виду неумолимую жестокую силу обстоятельств, рывшую уже однажды бездну нам (не между нами, но нам) десять лет тому назад. Я надеюсь, что это не помешает мне увидеть тебя в начале марта, но, в связи с необходимостью перемены работы и сомнительной возможностью устроиться в Москве, мы вновь встанем перед каким-то выбором. Впрочем, бывают случаи, когда судьба улыбается, и если это случится, мы будем избавлены от нового (которого уже!) испытания в нашей жизни.

Теперь о твоём письме¹¹⁰. Оно заставило меня с болью признать, что даже характеры твоей силы и цельности вынуждаются в ходе жизни к компромиссам. Но компромисс есть всегда насилие над собой – оправдан ли он? Я часто задумывался в жизни над дилеммой, допустимо ли быть живой собакой или лучше мертвым львом, и соглашался быть живой собакой только потому, что перед живым сохраняется перспектива стать живым львом, а мертвым львам в лучшем случае остается благодарная память. Все это не имеет, однако, прямого отношения к твоему письму, только потому что у меня нет потребности раскрыть форточку в чью-нибудь новую для меня душу. Я никогда не чувствовал недостатка свежести в наших отношениях. Более того, я никогда не встречал такого свежего и большого чувства, как твое. Если когда-нибудь у меня и бывали минуты слабости, то они только служили мне доказательством огромной неполноценности всего, что может лежать за порогом наших отношений. Я отдаю себе отчет в своем характере. Он гораздо более мелок, если сравнивать его с твоим. К тому же сложившаяся судьба лишила меня возможности осуществить многое, на что способна была душа. Но душа не может жить без пищи и часто живет суррогатами, когда она лишена полноценного существования. Что это, слабость? Это не только слабость, это еще и сила самосохранения.

¹¹⁰ Письмо Н. В. не сохранилось.

Родная Наталинька, не насилуй себя и не оправдывай компромиссов, именуя их «житейской мудростью». Лучше предъяви ко мне, к моему отношению полную меру требований и помоги мне эти требования оправдать. Все было бы лучше, если бы мы не отрывались друг от друга на месяцы и месяцы. Это становится дальше просто невыносимым. Это в конечном счете приводит к недоразумениям, которые дали пищу для твоего письма. Здесь мы подходим к выбору: могут ли наши чувства стать содержанием нашей жизни? Удовольствуемся ли мы этим? Не разменяем ли мы наши интересы? Если в Москве у меня не окажется перспективы, то в перспективе окажется новая долгосрочная разлука. Скажу еще, что для меня этот момент будет означать «смену вех», смену жизненной линии. В какое положение все это может поставить тебя? Боль, нанесенная сердцу, не забывается, но с поступью времени она опустится куда-то на дно, и течение чувств и сглаживает самый подводный камень, и приспособляется к тому, чтобы его обтекать. Заживление есть закон самой жизни, хотя разум соглашается с этим не в момент, когда причинена боль, но лишь позднее, когда нарастают новые ткани. Рано или поздно, скорее поздно, чем рано, разум приходит к этому выводу и обнаруживает этим жизне-радостную свою природу. Так пусть же тот, кто может, кому дано начать сызнова жизнь, начинает ее и бережет святыни прошлого для чистого и свежего своего будущего. В этом должна быть радость и для тех, кто может повторить свою жизнь, и для тех, кто сейчас этого не может, но когда-нибудь дождется своих радостей. В этом письме моем, родная Наталинька, нет никаких решений, но одни мысли, которые навязывает действительность. До свидания, моя светлая, до свидания через все и всяческие бездны!

Саня.

№ 237. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

Родная Наталинька,

вчера благополучно прибыл во Псков¹¹¹. Меня встречали на машине, обеспечили жильем и питанием и вчера же я читал лекции. Сегодня еще пробуду во Пскове, а завтра выеду в направлении на Остров, Пушкинские горы, оттуда вернусь в Псков и поеду в небольшой [эстонский] городок (очень древний) Печоры. После этого рейса вернусь в Ленинград. Встретил здесь приехавшего из Ленинграда старого товарища по антирелигиозной работе т. Огрызко – теперь доцент Лен[инградского] Университета¹¹². Мы бродили с ним вчера по старинным валам и укреплениям Пскова, забирались в крепостные башни, в частности в башню Гремучую, выстроенную в 1525 году. Удивились, насколько продуманной была в XVI веке система обороны. Самое большое впечатление оставляет добротность и монументальность крепостных сооружений. Сегодня днем посмотрю старинные соборы и, если останется время, Поганкины палаты. Я очень доволен выбором места своей командировки. Эта старина, как это ни странно, освежает. Очень жду поездки в Печоры – интересно посмотреть быт и нравы людей, о которых имеешь лишь смутное представление. Еще сильнее стало желание летом выбраться куда-нибудь в путешествие с тобой – обольщаю себя этой надеждой. Была у меня вчера очень интересная в психологическом отношении, хотя и вместе с тем безотрадная встреча со старшим сотрудником здешнего исторического музея. Он ученик Платонова¹¹³ и Грекова¹¹⁴, десять лет пробыл в экспедиции где-то в арктических широтах¹¹⁵ и убеждал меня в преимуществе

¹¹¹ Потеряв работу в Калининском пединституте (см. письмо № 238), я «подрядился» на работу внештатного лектора Общества по распространению политических и научных знаний.

¹¹² Огрызко Иосиф Иванович – кандидат исторических наук, преподаватель Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена. С 1964 года – заведующий кафедрой научного атеизма. – *Примеч. сост.*

¹¹³ Платонов Сергей Федорович (1860–1933) – историк, академик.

¹¹⁴ Греков Борис Дмитриевич (1882–1953) – историк, академик.

¹¹⁵ Речь идет о десятилетнем сроке заключения в северных лагерях. – *Примеч. сост.*

работы на периферии перед центром. Это любопытно с точки зрения перестройки психической организации, которая не только усваивает навязанную жизнью необходимость, но перерабатывает внешнюю необходимость во внутреннюю, объявляет ее элементом своего «я» и тем спасает поколебленное внутреннее равновесие и вместе с этим личное достоинство. Портрет его живописен: орлиный профиль с растущими назад седыми и своевольными волосами, откиннутая назад голова, но глаза мутны и матовый свет свидетельствует о постепенном выключении источников душевной энергии. К тому же он почти глух, а руки и ноги искривлены каким-то недугом. При всем этом он работает над [новооткрытым списком] «Словом о полку Игореве» и утверждает, что Ипатьевская летопись не исторический памятник, а чистое литературно-художественное произведение, где содержание целиком подчинено литературному ритму и т. д. Это не первая встреча у меня в подобном духе и какими-то страхами своими она напомнила мне и Ивана Евдоким[овича] и Ал[ексан]дра Моисеевича¹¹⁶ и многих других. В общем «и поступь неуверенна, и зыбки движенья»¹¹⁷ и т. д.

Лекция прошла малоудачно. Это был семинар лекторов, которые передо мной прослушали 6 часов, не привыкли к таким испытаниям, и я не всегда чувствовал контакт между собой и аудиторией. К тому же и сам и после дороги и экскурсии по городу устал.

Вот и все, родная. Постараюсь как можно скорее прочитать свои десять лекций и вернуться к тебе. Не скучай, на работе не забывай об отдыхе, не изнашивай, по крайней мере, сама себя.

Горячо и нежно тебя целую.

Тв. Саня.

№ 238. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

21/II.46 г.

Родная моя Наталинька,

не писал – все ждал, пока прояснятся события, но, видно, мне их не переждать. Когда I/II я приехал в Калинин, то узнал, что еще 27/I Розум¹¹⁸ послал в Москву по Русиному¹¹⁹ адресу телеграмму, в которой извещал меня, что с I/II я освобождаюсь от работы в связи с возвращением из армии старого работника, занимавшего до мобилизации мою должность. Работник этот действительно вернулся, имеет степень и звание, но он вернулся еще тогда, когда я был в Калинин. На мой вопрос Розуму, почему понадобилось так спешно меня увольнять, он ничего путного не мог ответить и промямлил, что я должен быть очень доволен тем, что мне выпадает случай работать в Москве. Я так и не установил истинной причины всего этого происшествия, но по косвенным данным полагаю иностранное вмешательство. Мне ничего не оставалось как подать заявление с просьбой об освобождении. После этого я немедленно выехал в Москву, чтобы закончить дело с пропиской и получить работу. (Нечего и говорить, что весь этот инцидент, а особенно его источник вызвал и вызывает у меня огромное беспокойство.) Старков¹²⁰ был болен несколько дней, и я тогда обратился непосредственно к «Тинторетто»¹²¹, как ты его называешь, ибо мои бумаги, по заявлению Старкова, хранились у «Тинторетто» и не были выданы мне потому, что «Тинторетто» болел. Мой непосредственный звонок кончился тем, что я узнал от Титаренко, что вопрос о моей прописке даже еще не подымался. Т. о. разговор Старкова со мной и с тобой оказался безответственной болтовней. Я проявил выдержку и не

¹¹⁶ Карпаг Александр Моисеевич – биолог, мой знакомый по Красноярску.

¹¹⁷ Строчка из стихотворения «Атлантида» поэта Вл. Кемецкого (Свешникова), знакомого по этапу на Воркуту.

¹¹⁸ Розум Михаил Андреевич (1889–1969) – зав. кафедрой истфака Калининского пединститута.

¹¹⁹ Руся – двоюродная сестра [А. И. Клибанова], Раиса, в замужестве – Либенфорт.

¹²⁰ Старков – сержант НКВД [Возможно, имеется в виду Александр Иванович Старков. – Примеч. сост.].

¹²¹ «Тинторетто» – Титаренко, сотрудник НК[М]ВД, [зам. Старкова].

показал вида Старкову, что знаю, что бумаги просто лежат у Тинтор. и никакой резолюции на них нет. Я дождался выздоровления Старкова и просил его завершить дело. Старков обещал и через пару дней сообщил мне, что он и еще какой-то начальник решили избавить меня вообще от моего паспорта и передали мои бумаги в НКВД на предмет снятия судимости. Я убедился, что они действительно это сделали. С тех пор я ежедневно звоню в соответствующее бюро и справляюсь о результатах, но решения все нет и нет. Сам Старков снова болеет и несколько дней не появляется на работе. Таким образом, я оказался между двух стульев и даже хуже. Жизнь воспитала меня в том направлении, что скорее следует готовить себя к худшему, чем уповать на лучшее. В связи с тем, что я безработный с 15/II, мне трудно попасть в Ленинград, но надеюсь, что получу командировку из Лекц. бюро и буду в Лен-де в начале марта. Может быть, с 10/III мне удастся получить путевку в один из подмосковных санаториев – здоровье мое очень плохо и санаторий мне жизненно необходим, жизненно в буквальном смысле слова.

Вот, родная моя Наталинька, тревожные события, о которых я так медлил тебе писать, но должен был написать, ибо развязки еще не видно, а дольше отмалчиваться нецелесообразно. К этому добавить можно было бы еще несколько неприятных для меня вещей: книгу мою¹²² Рубинштейн¹²³ не прочитал, за исключением раздела, посвященного Киевской Руси. Прочитанный им раздел кажется ему модернизацией прошлого под настоящее и напоминает ему, как он сказал, концепцию Грекова. Я обратил его внимание на другие части книги. Обещает их прочитать. Рукопись, посланную мной Александрову¹²⁴ в ЦК, затеряли. Одним словом, град ударов и совершенно бесполезно уклонять от них голову – была бы голова, удар для нее всегда найдется. Я не занимаюсь – деморализован, к тому же Ленинск. биб-ка не дает билета, т. к. я не прописан в Москве. Сегодня ходил в одиночестве по дому Толстого, где мы были с тобой летом, и вспоминал тебя; с радостью восстановил в памяти твою свежую и очень светлую реакцию, когда ты смотрела на халат Л. Н. или платок С. А., как бы нечаянно брошенные хозяевами, только что вышедшими из комнаты, чтобы в нее сейчас же вернуться. Вышел в сад и отломил маленькую веточку, которую тебе привезу...

Вчера звонил ко мне Иоффе. Вчера же звонил к Шабалу¹²⁵. Он едет в начале марта в Лен[инград] и привезет тебе просимое. Я тоже привезу, когда поеду. Детка моя дорогая, если б ты знала, чего мне стоит написать тебе такое письмо. Конечно, питаю какую-то смутную надежду, что все разрешится благополучно. Будем вместе с тобой думать, как поступить, если ответ по основному вопросу окажется отрицательным.

Как ты живешь, родная. Есть ли у тебя керосин? Как питаешься? Я уверен, что питание идет от случая к случаю, и очень по этому поводу огорчаюсь.

Крепко тебя целую и до боли жалею тебя за твою судьбу.

Саня.

№ 239¹²⁶. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

Чудово, 26/III. 46 г.

Родная Наталинька,

¹²² [«Моя книга».] Речь идет о подготовленной мной [А. И. Клибановым] к печати стенограмме лекций по русской истории, прочитанных в Красноярске. 1-й том (до времен Ивана Грозного) хранится в фонде А. И. Клибанова в ОР РГБ (№ 648).

¹²³ Рубинштейн Николай Леонидович (1897–1963) – профессор, историк, в 1943–49 гг. зам. директора Исторического музея.

¹²⁴ Александров Георгий Федорович (1908–1961) – философ, академик, в те годы – зав. отделом пропаганды ЦК КПСС. Ему была послана рукопись [большой] статьи [А. И. Клибанова], посвященной русским еретическим движениям. Рукопись была отвергнута рецензентом «Исторического журнала» по ненаучным, как представляется мне [А. И. Клибанову], соображениям.

¹²⁵ Шабал Лев Мануилович (1902–1982), академик АМН СССР, онколог.

¹²⁶ В марте 1946 г., оказавшись без работы, А. И. Клибанов был командирован для чтения лекций в Новгородскую обл.

пока все идет в плане твоего предчувствования: в Новгороде меня никто не встретил, затем 8 час. я мотался вместе с директором Лекц. бюро по организации, при чем одна за другой отказывались от лекций, узнавая, что за них надо платить, никто не догадался меня накормить, т. о. вчера я в первый раз поел в 4 ч. дня и дальше в том же духе. Вчера же вечером я выехал из Новгорода в Чудово и здесь сегодня читаю подряд две лекции: Петр I и Иван IV. Это состоится через час, отчего и почерк мой не без следов спешки. Сегодня в 12 ч. ночи выезжаю в Боровичи, оттуда 29/30 в Новгород, а из Новгорода ко 2-му попытаюсь вернуться в Ленинград. Впечатление от Новгорода – тягчайшее: выбитый и вытопанный город. Кое-где поднимаются восстанавливаемые здания. Сравнительно лучше сохранилась старина. В целости Кремлевские стены, София повреждена, но вполне восстановима. Вообще, если что-нибудь напоминает о жизни в этом краю – это новгородские соборы и Кремль – странным образом они не сгорели в пламени войны и словно живые символы свидетельствуют: история не сгорает. Поистине, Неопалимая купина!

Сейчас спешу на лекцию и заканчиваю свое письмецо. На душе у меня, как в городе, который я вчера покинул: все выбито, перепахано и только несколько дорогих памятников, от которых нельзя оторвать чувств, свидетельствуют о продолжающемся во мне процессе жизни.

Целую, родная, жду свидания, люблю.

Тв. Саня.

№ 240. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

Родная моя девочка,

пишу тебе несколько строк – внешних событий в моей жизни слишком мало для обстоятельного письма, а внутренние процессы туго поддаются описанию. Вопрос мой действительно прошел какие-то инстанции – но кругов в Дантовом аде много и ему (решению) еще остается пройти несколько мучительных ступеней. Забрал у Рубинштейна мою книгу¹²⁷. Он сказал мне, что в корне не согласен с ней, но назвал ее весьма оригинальной и предложил у него работать. Это предложение мне не интересно, т. к. если работать, то уж лучше в Акад. наук – полагаю, что в мае эта возможность осуществится, если не произойдет чего-нибудь непредвиденного. Очень грущу о тебе. В мае надеюсь приехать, а затем поеду в Новгород – хочу начитать тебе на пальто. Если бы ты знала, родная, до чего мне хочется украсить твою жизнь.

Я не получил денег из Новгорода – поэтому займи, если можешь, у кого-нибудь деньги недели на две, за это время я получу и рассчитаюсь. Как твои дела? Может быть, в воскресенье 17/IV позвоню к тебе по телефону. Целую, родная, крепко, до скорого свидания, следи за собой – жизнь складывается так, что лучшие годы нам приходится передвигать на будущее. Помни об этом и береги себя. Целую, моя любимая.

Твой Саня

Москва, 13/IV.46 г.

№ 241. Н. В. Ельцина – А. И. Клибанову

20/IV. 46 г.

Родной Санек, я здорова и работаю, поэтому не волнуйся. То, что случилось у телефона – был ненастоящий обморок, а полуобморочное состояние, которое через 10–15 минут прошло. Причина мне неизвестна, вероятно, переутомление. Обидно и горько, что это случилось в ту минуту и что я заставила тебя переволноваться.

¹²⁷ См. письмо № 244.

Больше всего меня волнует твоя неустроенность. Я надеюсь, что Виктор Мих.¹²⁸ передал тебе 800 руб., я их здесь ему отдала 20–22-го. Но как же ты жил все это время. Отчего просто мне не мог написать. Отчего не занял деньги у А. О.¹²⁹? Вероятно, ходишь с мокрыми ногами.

Если бы я не купила туфли, то все было бы просто. Я настолько была уверена, что ты получишь моментально перевод за работу, что сделала этот легкомысленный шаг. Деньги на пальто (часть) я одолжила и в воскресенье получу его. Зарплату же отдала В. М.

Санечек, по лимиту я могу купить тебе здесь галоши, ботинки и т. д. – по госуд. цене – имей это в виду. Но не ходи с мокрыми ногами и все же галоши купи.

Хотелось бы, чтобы скорее все у тебя разрешилось.

Работаю много и не успеваю еще больше. Нужно читать литературу.

Моя статья вышла в августе 1945 г. в Америке и было даже от одного американца (Harry W Reubin) письмо на мое имя. Санечек – обязательно привези мне опухолевых крыс, – иначе все станет.

Милый мой, дорогой, приезжай – я измучилась ожиданием и беспокойством и хочу, чтобы ты был скорее здесь...

[У Манечки т° нормальная. В понедельник она идет на работу. Соображения, что это был бруцеллез – совершенно взяты с неба, но принимая ее мнительность – сыграли неположительную роль.]

Сейчас бегу в Онкологический¹³⁰ на утреннее заседание. Вчера была у меня Ирина¹³¹. Играли заключительный прелюд Рахманинова и 5-ый этюд Скрябина.

Нежно, нежно целую, мой любимый.

твой К<оинька>

[Привези зонтик, иначе испорчу новое пальто и будущую шляпу.

Привет сердечный Лиле.

Макс не отвечает. Удивительное существо.

Вероятно, это согласовано с министром просвещения – Юлей. Как хотят!]

Будешь ли ты к 1-му мая?

Приезжай!!

Нева частично без льда и в ней видно голубое небо. Город делается чудесным. Лошадь кланяется¹³².

№ 242. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

Родная Наталинька, не буду писать, как мне горько, что не удалось на праздники приехать домой. Может быть, одно только хорошо – это то, что я после многих месяцев перерыва занят день за днем работой по организации Института Истории Религии. Пока это еще музей, но на днях сольют его с Казанск. собором в Ленинграде и на этой базе создан будет крупный Ин-т в системе А. Н. с архивом, библиотекой, собственным теоретическим журналом («Вестник истории религии») и со штатами в 150 чел. Директором Ин[ститу]та Ак[адемии] наук уже назначили Вл[адимира] Дм[итриевича]¹³³. С 8-го мая я буду официально назначен на должность ст. научн. сотр. и, вероятно, завед. отделом. Сейчас идет борьба за здание, и, если здание на Каляевск. ул. останется за нами (что скорее всего), то имеется перспектива получить хоро-

¹²⁸ Берман Виктор Михайлович – профессор медицины.

¹²⁹ Еланчик Анна Осиповна.

¹³⁰ Онкологический – Институт онкологии АМН СССР, где работала в это время Н. В. Ельцина.

¹³¹ Давыдова Ирина – близкая знакомая Н. В. Ельциной, биолог.

¹³² «Лошадь кланяется» – речь идет о рисунке Петра Соколова в коллекции картин Н. В. Ельциной и А. И. Клибанова.

¹³³ Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич (1873–1955). См.: *Клибанов А. И. Из воспоминаний о В. Д. Бонч-Бруевиче (к 110-летию со дня рождения) // Записки отдела рукописей Гос. библ. СССР им. Ленина. М., 1983. С. 66–88.*

шую 20-метровую комнату в небольшом каменном жилом доме возле музея, на втором этаже. Работа сейчас организационная – борьба за здание, набор штатов, разработка структуры ин-та, [этно. отд.]. Мне предлагали различн. должности – зам. директора по научн. части, ученого секретаря, но я хочу заниматься диссертацией и только ей. Поэтому я ограничусь должностью ст. научн. сотрудника и возьму педагогическую нагрузку в университете или в Моск. педагог. ин-те, чтобы не окончательно отрываться от вопросов общей истории. Моя статья о декабристах и письма декабристов приняты в Рослит. музей и выходит в очередном номере сборника «Звенья»¹³⁴. Получил твое письмо, Наталинька, был рад и горд узнать, что твоя работа вышла в Америке, желаю, чтобы это была только первая работа и чтобы ты продолжала сообщать туда о своих результатах. Как идет твоя работа, каковы успехи? Сегодня говорил с Шабаром и он обещал подготовить к моему отъезду в Ленинград (в конце первой половины мая) корзинку с животными.

Родная моя девочка, очень сокрушаюсь твоим болезненным состоянием. Надо будет самым серьезным образом организовать летом отдых. Со мной дело посложнее и нынешним летом, может быть, и не удастся получить отпуск. Впрочем, посмотрим, быть может что-нибудь придумаем.

Любимая моя, целую тебя крепко и нежно. Все время меня точит мысль о том, что из скромного числа дней, отпущенных нам природой, мы сами себя лишали друг друга очень и очень многих. Правда, дело не в нашей расточительности, все это мы знаем, но как же это все все-таки трагично. Может быть, скоро все уладится, ты переедешь, и мы уже не разлучимся больше. Целую тебя, родная, [твои любимые глазки, твои ручки]. Береги, береги себя.

На днях позвоню в Ленинград. Праздники проведу у Бонча на даче. Он не раз тебя вспоминал и просил написать тебе его привет.

До скорой встречи, мне даже немного грустно, что придется переезжать в Москву, – не хочется покидать наш уголок, где столько пережито, столько читано стихов и слышано музыки, где были первые наши свидания – мы его может быть сохраним за собой, будем наезжать сюда и опять читать стихи, играть на пианино, [и опять буду целовать тебя у нас, родная.]

Шлю тебе все мои лучшие приветы!

Твой Саня.

Кормишь ли ты лошадь?

Москва, 30/IV. 46 г.

№ 243. Н. В. Ельцина – А. И. Клибанову

5/V.46 г.

Родной Санечек, приезжай скорее домой. Наш уголок очень уютен. После развески картин стало так хорошо, что не хочется уходить из комнаты. Синий Рерих¹³⁵, очень мягкий и психологический портрет Кустодиева, мастерски написанный натюрморт Браза¹³⁶, реалистическая натура крестьянина Серебряковой, ароматная весна Субботиной¹³⁷, Бенуа, иконопись и трога-

¹³⁴ Статья о декабристах и письма декабристов – речь идет о моей находке [А. И. Клибанова]: письма декабристов, в том числе Пушкина, в архиве Красноярского краевого музея. Статья посвящена найденным письмам и судьбам декабристов. Была подготовлена к печати, прошла верстку и изъята из сборника [до его появления. В 1987 г. последовала публикация книги в Красноярском книжном издательстве, вышли «Сибирские письма декабристов» под моей редакцией].

¹³⁵ «Синий Рерих...» и т. д. – речь идет о коллекции картин Н. В. Ельциной и А. И. Клибанова.

¹³⁶ Браз Осип Эммануилович (1873–1936) – живописец, офортист, литограф. – *Примеч. сост.*

¹³⁷ Субботина Надежда Арсентьевна – жена Михаила Семеновича Перуцкого. Оба – художники, работавшие в импрессионистической манере. Жили в комнате в д. 36 по Б. Полянке (ныне дом снесен), в страшной нужде, которую не замечали. М. Перуцкий преподавал в художественном училище. У них часто собирались другие неприкаянные художники, [не исповедовавшие принцип «искусство ради искусства»,] но жившие только в искусстве. Так как их полотно никто не покупал, рацион составляли постоянно лишь картошка и селедка. У Субботиной и Перуцкого бывал И. Эренбург, хвалил картины, находил

тельная голова нашей лошади. Да, много пережито светлых, радостных и тяжелых минут, и кажется, что в этом уголке всегда будут храниться первые вспыхнувшие чувства, первые робко возникшие мысли, слова каких-то стихов и звуки игранный музыки.

А какая весна в Ленинграде, как дышит хорошо и порывисто Нева, как смело перекинуты мосты, какая стройность улиц, первая зелень на островах сквозь ажур еще черных сучьев деревьев.

Приезжай мой любимый, [я буду тебя нежно ласкать и целовать и ужасно вкусно кормить.] Очень спешу кончить, т. к. хочу бросить это письмо в Стрелу.

Привези мне животных для работы. Мечтаю о нашем совместном отдыхе – иначе даже не мыслю. Сделай все возможное для этого.

Одновременно отправляю письмо Энгельгардту¹³⁸ и Ел[ене] Эрв[андовне]¹³⁹.

Обнимаю крепко и горячо.

Твой К...

Приезжай скорее.

№ 244. А. И. Клибанов и В. Д. Бонч-Бруевич – Н. В. Ельциной

Барвиха под Москвой

9/V 46 г.

Родная Наталинька,

вчера получил твой листок от 5/V и вчера же звонила Елена Эрв. и сообщила, что получила твое письмо. Меня так тянет в наш уголок (это и в самом деле колыбель юности и первых чувств и исканий наших), что порой подымается желание все бросить и приехать домой. Мы непременно сохраним за собой нашу «мансарду», если переедем в Москву. Но мы знаем, что прежде чем обстоятельства сложатся раз в нашу пользу, они сто раз сложатся против нас. Так и сейчас. 8/V ожидалось решение Презид. АН о штатах нашего Института и о слиянии Московского и Ленинградского музеев истории религии, но вопрос оказался неподготовленным и будет вновь откладываться на неделю. Во всяком случае, я буду в мае и, на этот раз, настроение, обусловленное положением наших дел, будет у нас лучшим, если иметь в виду уже многие прошедшие годы. Я возобновил занятия в здешней публ. библиотеке (им. Ленина), работаю жарко – ты знаешь, что иначе я не умею. Сейчас занят той главой моей диссертации, которая называется «Литературные памятники новгородских еретиков». Она основана и пишется по русским, арабским и древнееврейским первоисточникам и будет напечатана Вл. Дм.¹⁴⁰ в виде отдельной статьи. Сделал я еще один шаг, за который жду твоего осуждения – но осуждение издали предпочтительнее, нежели вблизи. Помнится, кто-то из древних (забыл кто) говорил – Пускай меня ругают, когда меня нет. Так вот я решил написать (параллельно диссертации) книгу о Пущине. Это будет большая книга – опыт исторической, философской и литературной характеристики, листов на 15–20. Напишу ее по всем пущинским письмам, по всем бумагам, относящимся к нему и хранящимся в архивах, по записям его знакомых и друзей и т. д. Вл. Дм.

удачные параллели с импрессионистами и постимпрессионистами, но помочь не мог. Одно время у Субботиной и Перуцкого находил приют А. И. Клибанов. Кисти Субботиной принадлежат портреты Н. В. Ельциной и *мой* [А. И. Клибанова]. Местонахождение их неизвестно.

¹³⁸ Энгельгардт Владимир Александрович (1894–1984) – академик, директор Института молекулярной биологии АН СССР. В 1945–1946 гг. занимался опытами и исследованиями с белками. Добавляя в миозин (мышечный белок) аденозинтрифосфорную кислоту, Энгельгардт добивался значительного снижения вязкости белка. Н. В. Ельцина добилась того же эффекта, работая с совсем иными белками. Энгельгардт, узнав об этом, оценил результаты исследований Н. В. Ельциной как открытие. Он пригласил Н. В. работать к себе в институт и выделил ставку. Работу ее он оценивал как очень интересную и значительную. Сохранились письма Энгельгардта к Н. В. по этому поводу из Узкого. Приезжая в Ленинград, он приходил прежде всего к Н. В. и спрашивал о ходе работы.

¹³⁹ Погосянц Елена Ервандовна (1914–1993) – доктор биологических наук.

¹⁴⁰ Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич.

согласен заключить со мной договор. Ты скажешь, что я разбрасываюсь, но я обещаю цепко взяться за диссертацию. Что же касается Пущина – он давно влечет меня, еще с тех пор, как в Сибири оба мы волновались над его письмами. Это характер необыкновенный – благородство, сочетаемое с философским глубокомыслием и детской непосредственностью душевных движений. Я собираюсь и тебя заразить интересом к этой работе. Вчера я приехал на дачу к Вл. Дм. Библиотека сегодня закрыта, а здесь чудесно и я предоставлен самому себе. В Москве читал китайских поэтов и когда приеду, познакомлю тебя с новыми стихами. Хотел было тебе их послать, но раздумал – лучше я тебе их сам прочту – они тебе тогда больше понравятся! Ну, кончаю, любимая, Вл. Дм. просит у меня письмо, чтобы приписать несколько слов. Целую, родная нежно и горячо и пусть весна струит в твоей душе свои ароматы, как сказал наш знакомый китаец Ли-тай-по.

Тв. Саня

Глубокоуважаемая Наталья Владимировна, Александр Ильич сейчас гостит у меня на даче. Он все рвется к Вам в Ленинград, а я его задерживаю, так как он здесь крайне нужен при организации музея, и потом Института истории религии. Думаю, что в течение дней 7–10 все уладится, нам дадут штаты, он будет введен в штат, получит командировку и укатит в Ленинград на некоторое время, к Вам, в Вашу уютную квартиру, наполненную прелестными художественными вещами лучших живописцев. И там закончит свое исследование об литературе новгородских еретиков. Пожалуйста, простите меня, что я его здесь задерживаю, но это очень нужно во благо нашей отечественной науки. Он Вам расскажет о многом, очень интересном.

Всего Вам наилучшего. Надеюсь, что у него не разбегутся в поезде Ваши любимые крысята, которых он Вам повезет целый транспорт.

Всего вам наилучшего. И в день нашего «праздника праздников», когда наша доблестная Красная армия разгромила врага человечества, от всего сердца желаю Вам побед и одолений над ужасным бичом человечества.

Влад. Бонч-Бруевич

9 мая 1946 г.

№ 245. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

Воскресенье

21/VI 46 г.

Родная Наталинька,

вчера долгая полоса мытарств – окончилась. Теперь я прочно обосновываюсь в Москве, оформляюсь во вторник в Академию Наук в должности старш. научн. сотрудника, прописался, площадь собственную получу, как надеюсь, от Ак. наук. Руководитель Ин-та Истории Религии, куда я устраиваюсь, Вл. Дм. Б. Б. Он часто тебя вспоминает, справляется и приглашает провести лето у него на даче. Не могу сказать, как тяжело на меня подействовал твой обморок и болезнь. Нет, надо быть всегда вместе и только вместе. На праздники приеду. Целую, родная, как умею. Горячо. Береги себя.

Твой Саня.

№ 246. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

Москва, 21/VI. 46 г.

Родная Наталинька,

все эти дни, с тех пор как приехал, занят всевозможными хлопотами, главным образом, карточными и, наконец, сегодня собрал все резолюции, необходимые для моего оформления

на «карточное довольствие». Я зачислен на работу в качестве ст. научн. сотр. АН и зав. отделом истории старообр. и сект-ва в музей истории религии, – деньги мне будут пересылаться из Ленинграда, т. к. я пока прохожу по Ленингр. штатам впредь до окончательного слияния музеев. На отдых у меня лично надежды плохие, так что ты должна сама добиваться получения путевки в санаторий, именно в санаторий, а не в дом отдыха. Надеюсь, что мне удастся примерно к 20 июля приехать в Ленинград и тогда мы на неделю сможем поехать в Ригу и Таллин, как нам этого хочется. Еще не ходил по делам, связанным с получением педагогической работы, – этим займусь с будущей недели. Сейчас живу у Вл. Дм. на даче, два раза ночевал у Еланчиков, они в основной своей части на даче. Вл. Дм. купил тебе духи (кажется, одеколон?) в качестве подарка к твоему минувшему дню рождения и ждет okazji, чтобы тебе их переслать в Ленинград. Анна Семеновна¹⁴¹ благодарит тебя за внимание к В. Д. Питаюсь я у В. Д., так что ты не беспокойся об этой стороне дела, а на днях я перейду на свое собственное иждивение. С квартирой пока все неясно – неясно, что будет с помещением Музея. Во всяком случае к осени вопрос будет решен – музей либо останется в нынешних своих стенах, либо перейдет в другие, а где музей, там буду и я, хотя нельзя предвидеть, в какой мере жилищные условия будут удовлетворительны. С понедельника 24/VI сажусь за работу в Рукописном отделе библиотеки им. Ленина – работать буду пока через силу, т. к. что-то руль волевой расшатался и болтается из стороны в сторону, и физическая основа моя также достаточно источена невзгодами и переживаниями. Уповаю на целительную силу времени и пытаюсь мобилизовать все резервы воли – посмотрим, что получится. Наталинька, убедительно прошу тебя следить за собой, хлопочи непременно путевку, только в крайнем случае поедешь в Одессу. Тебе необходимо воспрянуть, ибо я считаю твое состояние явно тревожным и, если ты способна смотреть на вещи по-взрослому, ты обязательно организуешь себе полноценный отдых – для меня это будет большая радость. Как всегда, грущу без тебя и крепко-крепко целую тебя, родная. Пиши мне по адресу Еланчиков, я туда звоню и захожу. Еще тебя целую, радостная моя девочка.

Саня.

№ 247. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

Родная Наталинька,

на днях послал тебе письмо. [Сейчас пользуюсь любезностью Деи Осиповны, чтобы послать тебе привет.] Сегодня я уже получил часть карточек, послезавтра получу остающуюся часть, так что мой быт будет устроен, если не считать квартиры. Пока что живу у Вл. Дм.¹⁴², то на даче, то в Москве. Я уже писал тебе, что надежды на отпуск у меня почти нет, однако в конце июля буду в Ленинграде, и мы обязательно поедем с тобой в Ригу и Ревель. Я очень прошу тебя немедленно ответить мне, что ты предпринимаешь для того, чтобы получить отпуск и, главное, направление в санаторий или дом отдыха. Не понимаю, почему до сих пор ты ничего не сообщалась о своем здоровье и самочувствии, – очень беспокоюсь.

Посылаю тебе скорбный документ – предсмертное письмо Стефана Цвейга. Оцени его высокий идеализм и благородство. Он умер смертью еврея Зюсса, смертью Сократа и смертью Христа. В воскресенье он заперся в своем номере в г. Петрополисе в Бразилии вместе со своей женой, а в понедельник, взломав двери, его знакомые обнаружили их обоих, лежащими в одежде на постели и мертвыми от принятого снотворного. На губах Цвейга сквозила улыбка, а жена лежала, заложив руку за его голову.

«Привет всем моим друзьям! Пусть они встретят зарю!» Может быть мы все, интеллигенция, его друзья и почитатели, встретим зарю, но терпения потребуется очень много и, веро-

¹⁴¹ Анна Семеновна Бонч-Бруевич.

¹⁴² Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич.

ятно, многие из нас еще пройдут его скорбным и величественным путем. Мир праху его. Пусть гибель его будит и тревожит души живых, ибо заря всходит всегда в душах и лишь потом распространяет свой свет вокруг.

Пиши мне, моя родная.

Не могу высказать всей своей тоски. [Пиши мне по Нюточкинскому адресу.] Целую крепко и нежно. Тв. Саня.

24/VI. 46 г. Москва

Посылаю немножко денег – это на кофточку.

№ 248. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

Москва, 28/VI 46

Родная моя Наталинька,

на этот раз ты и вовсе мне не пишешь, что же это? [Звонил по телефону и узнал, что в этот именно день Трувор¹⁴³ улизнул из своей конуры на пять минут раньше обыкновенного.] Существенных новостей у меня нет. Организую научную работу своего отдела. Попытаюсь с 20 июля вырваться в командировку в Ленинград. Что у тебя с отпуском? Решительно добивайся путевки. Сегодня у Вл. Дм. проглядывал воспоминания Крандиевской¹⁴⁴ об Алексее Толстом. Больно было читать. В молодости у них была какая-то зеленая березка. И вот Крандиевская на могиле А. Н. Мраморная плита пересечена знакомым росчерком «А. Толстой». Здесь вспомнилась ей далекая зеленая березка молодости. И она так сдержанно и горько роняет в воспоминаниях: «Не сберегли. Не донесли». Целую, родная, молюсь на белую ветку, посаженную в дни нашей молодости.

Саня.

№ 249. Н. В. Ельцина – А. И. Клибанову

7/VII. 46 г.

Родной Санечек, ношу твою последнюю открыточку. Бесконечно радуюсь словам о белой ветке. Я тоже на нее молюсь и в нее верю.

Сегодня воскресенье, хотелось уехать за город. Но как-то сил не хватило – думала в Териоки. И пошла в Эрмитаж смотреть французских импрессионистов. Очень хорошие вещи, а некоторые впервые видела. Совершенно восхитили некоторые вещи Ренуара. Чудесный мужской портрет – так мягко написан. Вообще никто не кладет так краску (помнишь, как мы изучали суриковский мазок в Русском), ни у кого нет такой удивительной палитры и вместе с тем легкости. Мазок мягко и легко ложится на холст. А какая у него женская головка. С удовольствием смотрела Марке – набережную Сены, разные уголки Парижа – простота, лаконизм и всегда большая законченность вещи. Есть очень хороший натюрморт Сезанна. Мост через Темзу К. Монэ настолько бесподобен – что и писать невозможно¹⁴⁵. Ты помнишь? Лондонский туман – и через его дымку видны очертания моста – все голубое – один движущийся воздух. Есть один ароматнейший пейзаж Сера – море и берег в зарослях цветов. Провела там часа 1½ – и в чистом наслаждении. Снова сейчас перечитываю Ван-Гога – какой скорбный и драматический документ. Его вещи и хорошие тоже смотрела в Эрмитаже.

Сейчас принесли твою телеграмму. Ты сообщаем, что, может быть, в сентябре получишь для меня путевку. Даже не представляю, как я дотяну до сентября. Представь, я не могу

¹⁴³ Трувор – шутивное домашнее прозвище Н. В. Ельциной.

¹⁴⁴ Крандиевская Наталия Васильевна (1888–1963) – поэт, писатель, близкая знакомая Н. В. Ельциной и А. И. Клибанова.

¹⁴⁵ Видимо, речь идет о работе «Мост Ватерлоо» 1903 г. – *Примеч. сост.*

заставить себя сесть за стол, чтобы собрать мысли для разговора с Энгельгардтом¹⁴⁶. Такая чудовищная усталость. Но все же это, вероятно, лучше, чем беспутно проведенный август.

Санечек, когда ты приедешь? Я мечтаю, что мы съездим на 10 дней. Рига – очаровательный город, есть интересные музеи и т. д. Как будет с деньгами – для этого путешествия? В Таллин знакомая одна простояла за билетом двое суток и уехала. Я возьму тогда отпуск на эти дни. Очень, очень мечтаю.

Санек, может быть, возможна твоя командировка куда-либо – чтобы я приехала, и тогда я бы не поехала в санаторий. Не могу мириться, что единственные свободные дни года я должна проводить без тебя.

Как ты себя чувствуешь? Что делаешь? [Санечек – обязательно привези мне трико шелковые – они где-то в мешке у Мины.]

Звони, пиши, приезжай.

Крепко, крепко целую и обнимаю.

Наташа.

Крандиевская¹⁴⁷ поместила ряд стихов в «Ленинграде», посвященные А. Толстому. Мне понравилось одно – они сидели на берегу океана и шум его волн заглушал слова. И тогда одно слово, но самое важное, написала она на мокром берегу, и хотя оно тут же было смыто набегавшей водой, но оно навсегда «застыло на лаве памяти»...

№ 250. Н. В. Ельцина – А. И. Клибанову

14/VII. 46 г.

Мой родной и любимый, мне больно читать, что ты можешь подумать, что за месяц я писала тебе один раз. Не знаю, куда исчезли письма. Главное, что я еще бегаю и опускаю их в Стрелу.

Давно считаю дни, жду твоего приезда и нашего совместного путешествия. Слышала, что там много интересного – музеи, театры, архитектура и великолепное побережье. Санечек, неужели мы с тобой все это осуществим. В Таллин есть возможность лететь (это на крайний случай – хотя я убеждена – что ты его избереешь, как самое желательное) и ехать поездом. Возможно, что с понедельника я начну ходить на городскую станцию «отмечаться» – тогда к 22-му будем вооружены билетами.

[Хочет ехать еще одна бывшая аспирантка Талмуда¹⁴⁸ – я тебе о ней рассказывала, способный физик. Она отдыхала недавно в санатории под Ригой и у ней есть в Риге знакомые и знание побережья. В Таллине у ней никого нет. Хочет она ехать с пятилетним мальчиком – сперва экскурсировать и осматривать города, потом хочет снять комнату и столоваться в санатории, где она жила. Я не знаю, хочешь ли ты ее иметь в качестве спутника? По правде – мне, конечно, хочется быть побольше с тобой. Адреса же кое-какие у нее есть.] Санечек, родной, ужасно жду нашего путешествия. Возьмем с собой консервы, сахар и немного носильных вещей. Будем купаться в море и бродить и бродить. Если осенью я буду около Москвы, то буду тебя видеть – и это самое радостное, что можно было придумать при создавшемся положении.

Эта неделя – в связи с приездом Энгельгардта – была очень суматошная. Сейчас иду на вокзал – у меня его американский журнал – и до отхода Стрелы – он в моем распоряжении.

¹⁴⁶ Энгельгардт В. А. – см. письмо № 243.

¹⁴⁷ Речь о стихотворении памяти А. Н. Толстого «Давность ли тысячелетий», в котором есть такие строки: И чтобы так или иначе О самом главном досказать, Пришлось мне на песке горячем Одно лишь слово написать. И пусть его волной и пеной Через минуту смыл прилив, Оно осталось неизменно На лаве памяти застыв. – Примеч. сост.

¹⁴⁸ Талмуд Давид Львович (1900–1973) – физик, чл.-корр. АН СССР, знакомый Н. В. Ельциной.

Санечек, возможно Влад[имир] Алекс[еевич]¹⁴⁹ тебе позвонит – он хочет послать мне одно вещество. Я ему дала номер телефона и он должен тебе позвонить. Ты зайди к нему.

Сегодня воскресенье. Утром я была у своей одной знакомой (аспирантки покойного Ухтомского¹⁵⁰) – читала ей твои стихи – и играла Славянский танец Дворжака. Он тебя ждет. Потом смотрела выставку картин Гринберга¹⁵¹ (посмертную) – это наш Марке. Я хочу тебе ее показать. Потом Юленька¹⁵² варила обед – я ела, как в хорошей семье – обед из 2-х блюд. Потом Трувор долго смотрел на плитку шоколада, которая предназначена ее хозяину. Дорогой, родной – приезжай скорее. Я жду твоих поцелуев, твоей нежности и новых стихов. Крепко, крепко тебя обнимаю, целую и очень люблю.

Наташа.

Неприменно сообщи день приезда – буду тебя встречать.

Приезжай скорее!!!

Завтра зайду в музей¹⁵³ – по поводу твоих денег. Побаиваюсь, что у нас их будет немного.

Привет Вл. Дм., художникам¹⁵⁴, Лиле etc.

Зайду вечером к Манечке.

№ 251. Н. В. Ельцина – А. И. Клибанову

14/VII.46 г.

Родной Санечек, на этот раз я никак не могу свыкнуться с мыслью, что тебя нет и хотя уже прошло несколько дней – не могу внутренне согласиться с нелепым положением, когда можно видеть, когда можно видеть друг друга несколько дней на протяжении двух месяцев и что проходят длинные, длинные дни, наполненные работой без тебя.

Наше путешествие стоит перед глазами солнечным пятном, и я с нежностью вспоминаю многие его детали.

Дни, проведенные с тобой в белой комнатке, с поставленными на пол картинами и мигающим глазом маяка – незабываемо прелестны. А какие натюрморты бывали ранним утром у нас на столе! Наконец, я познакомилась с географией и мысленно составила план нашего путешествия на будущий год – заедем на дня 3 к дяде¹⁵⁵, а оттуда есть прямое железнодорожное сообщение, и стариков порадуем.

В воскресенье варила варенье и все время радовалась мыслью, что ты будешь его с восторгом поглощать – черная смородина и малина – получились две довольно больших банки – вкуснота чрезвычайная. [Самое главное, Т[рувор] поклялся хранить эти банки до приезда хозяина. Поглощается небольшой остаток малины – которая не вошла в банку. Какая выдержка, но ты ведь знаешь, что собачка дрессированная и даже свои вещи отдает – держа их в зубах по требованию (так бы никогда) хозяина. Ох, уж этот хозяин!]

Санаторно-курортную карточку получу через пару дней. Признали – хронический холецистит, малокровие и переутомление высшей нервной деятельности... Чувствую себя действительно прискорбно – опять сплю в трамваях, в библиотеке etc.

Хочу звонить Шабалу. Ничто на меня так не действует – как невозможность буквальная – что-либо делать. Клиника – не функционирует, экспериментального материала – нет.

¹⁴⁹ Энгельгардт Владимир Александрович – см. письмо № 243.

¹⁵⁰ Ухтомский Алексей Алексеевич (1875–1942) – советский физиолог, академик АН СССР.

¹⁵¹ Гринберг Владимир Дмитриевич (1896–1942) – советский живописец, график.

¹⁵² Гакман Юлия Марковна – няня в семье Н. В. Ельциной.

¹⁵³ Музей – вероятно, Музей истории религии в Ленинграде.

¹⁵⁴ Имеются в виду Н. А. Субботина и М. С. Перуцкий.

¹⁵⁵ Комаровский Абрам Семенович (1865–1956) – дядя Н. В. Ельциной, профессор аналитической химии в Одесском университете, был знаком с Ф. Энгельсом.

Читаю американскую и английскую литературу, а опыты мои стоят на точке замерзания. Лучше потрачу несколько дней и приеду за материалом. Правда, все это нужно согласовать и с Л. М.¹⁵⁶ и здесь – так что пока совершенно неясно, как все сложится...

[Санечек, родной – можешь мне чемоданчик не посылать, т. к. сегодня я купила за 120 руб. чемоданчик в нашем универмаге (без лимита) несколько крупнее твоего. Конечно села сейчас денежно на мель – но 20-е уже скоро и я выкручусь.

Была у меня Ирина¹⁵⁷ – оставила ощущение тяжести. Хочет следующий раз играть Рахманинова и Прокофьева – я радуюсь, ибо это интереснее, чем какая-то «девишная» тоска и надрыв. Хочет заехать Анастасия¹⁵⁸.]

... Что у тебя мой, родной! Чем ты занимаешься? В какой стадии вопрос с помещением для Института? Как проходят у тебя дни? Как ты себя чувствуешь? Звонил ли насчет статьи? Удастся ли работать в библиотеке, архивах? Помни, что при отсутствии отпуска – нужно особенно разумно расходовать свои силы.

Пиши чаще. Целую тебя крепко, крепко, люблю нежно и горячо.

Наташа.

Читаю раннего Чехова – но своего отношения не изменила – хотя есть и безусловно удачи.

Пиши, звони. [Ты меня любишь?]

Сейчас 1 час ночи – тебе кланяются со стен наши новые друзья – какая очаровательная осень и какой бульвар Эвелади¹⁵⁹.

№ 252. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

Любимая моя деточка,

не перестаю тревожиться за тебя. Вчера, сидя на даче у Владимира Дмитриевича, вспоминали тебя и думали о тебе, и Владимир Дмитриевич хочет принять всемерное участие в том, чтобы ты уже не уезжала после санатория в Ленинград, а осталась в Москве со мною.

Я очень занят. Словно я предчувствовал – все неприятности случились во время моего вступления в должность заместителя. Музей наш, вероятно, будет законсервирован. Мы либо возьмем на правах отдела истории в Институт истории А. Н. и Б. Д. Греков¹⁶⁰ очень благожелательно к этому относится, либо будет образована в составе Академии наук «Комиссия по истории религии» под председательством Владимира Дмитриевича, а за мной сохранится в этой комиссии мой отдел. Вот самый беглый очерк о новостях.

[Родной мой ребенок, теперь с отъездом Юленьки¹⁶¹ совсем некому за тобой посмотреть и о тебе позаботиться! Как же ты питаешься, кто берет тебе хлеб? Кто моет посуду? Нельзя ли договориться с кем-нибудь из соседей?] Что слышно у тебя с командировкой в Москву?

Мы смогли бы жить у Анны Осиповны, и все бы здесь тепло тебя встретили. Жду твоего звонка во вторник по телефону. Звони чаще. Пиши. Целую тебя, моя любимая,

всегда с тобой, всегда с тобой

Саня

17/VII. 46 г.

Дорогая Наталия Владимировна, из разговора с Александром Ильичом, который сейчас у меня на даче, я понял, что Вас напугали доктора. То же самое было со мной три недели тому назад: доктора определили, что я насквозь склеротик, а на самом деле все оказалось в

¹⁵⁶ Имеется в виду Лев Мануилович Шабат.

¹⁵⁷ Давыдова Ирина Николаевна – см. письмо № 241.

¹⁵⁸ Евгеньева Анастасия Петровна (1899–1985) – филолог.

¹⁵⁹ «Наши новые друзья ... бульвар Эвелади» – речь идет о картинах в коллекции Н. В. Ельциной и А. И. Клибанова.

¹⁶⁰ Греков Борис Дмитриевич – академик, историк. См. письмо № 237.

¹⁶¹ Гакман Юлия Марковна – няня-эстонка, уехала в Таллин.

очень малой степени. Так что и Вы, лечась и отдыхая, не смущайтесь всеми болезнями. А что Вам нужно жить в Москве – это несомненно и это так будет с этой осени. Александр Ильич свеж, бодр и энергичен. Множество хлопот и дел, но все идет к лучшему и мы совсем вскоре с новыми силами вгрыземся в нашу науку и начнем печататься. Очень хочу, чтобы Вы были вполне здоровы и вскоре хорошенечко отдохнули бы в прекрасном доме отдыха, куда несомненно часто будет ездить навещать Вас Ал. Ил. Пожалуйста, не падайте духом. Все Ваши болезни у меня имеются лет 40–50 и они проходят и не мешают жить, лишь надо хорошенечко отдохнуть.

Ваш Вл. Бонч-Бруевич

№ 253. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

18/VII 46 г.

Родная Наталинька,

очень радуюсь, что вчера мне удалось связаться по телефону, что у тебя была Ирина¹⁶² и играла тебе – может быть, это скрасит тебе немного твое одиночество. В сутолоке всяких организационных дел я все же в первую очередь организую возможности научной работы, и когда я смогу обратиться к ней по-настоящему, она пойдет в несколько раз скорей, чем это было год назад. Дело в том, что по моим указаниям уже начата работа в рукописных собраниях Ленинграда и Москвы. Я сам еще не участвую в ней практически; включусь в нее, вероятно, не раньше октября, но уже сейчас держу все разыскания в Ленинграде и Москве в твердых руках и неуклонно направляю усилия своих помощников в архивах к единой цели. Я уверен, что едва только примкну к своим сотрудникам сам в их архивных разысканиях, как все мы заболеем энтузиазмом к начатому нами делу¹⁶³. А это решит все, поскольку основная идея, так сказать, прямой маршрут, мне уже давно ясен. Принимаю все меры к решению жилищного вопроса. Мы не будем дожидаться получения своей комнаты – ты в Ленинграде, я в Москве. Снимем здесь комнату и будем в Москве дожидаться, пока получим площадь. Я тоже бесконечно измучен разлукой и к тому же убедился, что ты совершенно не способна взять управление своим бытом в свои руки и чувствую, что при этих обстоятельствах вся ответственность за тебя падает на меня самого.

[Сегодня еду на дачу к Мише и Лиле¹⁶⁴. Лиля очень тронута твоим отношением к ней и вниманием и собирается тебе написать. Вчера встретил в метро управл. делами Эстонск. Академии наук – этого милого молодого человека, если ты его помнишь. Было очень приятно. Как ты вспоминаешь наше путешествие?]

...Родная, целую тебя, жду всегда. Твой Саня.

На днях соберусь и перепишу тебе лучшие стихи Цветаевой. Она ярче Ахматовой и как-то стихи ее менее «женские».

[Целую твои ручки, любимая моя, светлая моя доченька.]

№ 254. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

Деточка моя дорогая,

завтра надеюсь услышать тебя по телефону. Все-таки это несовершенная форма связи. Может быть, если бы телефон был у нас дома, разговоры могли бы быть более искренние, а так всякий раз уносишь после беседы чувство недосказанности. Многое в таком же духе

¹⁶² Давыдова Ирина Николаевна – см. письмо № 241.

¹⁶³ Эта работа завершилась изданием в 1955 году большой книги Н. А. Казаковой и Я. С. Лурье «Антифеодалные еретические движения на Руси в XIV – начале XVI вв.» при участии в этих работах А. А. Зимина, Н. А. Соколова и А. И. Клибанова.

¹⁶⁴ Миша и Лиля Берманы.

можно было бы сказать о письмах. Так с какого конца не подойти, но лучшая форма связи – непосредственное общение (непосредственность когда можно ласкать свое родное существо, целовать его упрямый лобик или скрещивать свой дух в прозрачных высях поэзии, слушая стихи или музыку).

Вчера был на даче у Анны Осип. Поездка была тяжелой – много пассажиров. Простоял на вытяжку в поезде полтора часа. Измучился. Так же и на обратном пути. Одним словом, все не впрок. А все же хорошо в природе. Помнится, прошел вчера реденький лесок, – огромная ширь, наполненная густым ароматным воздухом. Ощущение простора, единства с природой – одно из самых целительных ощущений. Помнишь, как любил повторять Ерошин чьи-то слова, кажется бетховенские, – «пойди в природу и исцели свой дух».

Я ничего не успеваю, кроме своей работы, да и в работе далеко не все успеваю. Сейчас наш корабль (музей!) проходит прямо-таки по минированным полям – того и гляди взорвется. Мы пытаемся с Владимиром Дмитриевичем провести его невредимым, но пока что корабль не затонул, сколачиваем спешно плоты и лодки, на которых можно будет добраться до берега. Может быть, в системе Академии будет [«]Комиссия по истории религии[»], может быть, соответствующий отдел в Институте истории. Впрочем, я тебе уже об этом писал и не буду повторяться.

[Родной мой ребеночек,] Обнимаю и целую тебя и с сентября займусь целеустремленно сооружением нашего нового очага в Москве. Крепко и нежно тебя целую, люблю, не перестаю о тебе думать. Желаю тебе здоровья и спокойствия. Твой любящий Саня.

19. VIII. 46 г.

№ 255. Н. В. Ельцина – А. И. Клибанову

21/VIII. 46 г.

Родной Санек, действительно, были дни, когда наше с тобой существование врозь представлялось настолько невыносимым и бессмысленным, что ничего кроме бесконечной пустоты и обреченности в душе не оказалось. Сколько же нужно потерять еще сил, чтобы преодолеть это препятствие? Показалось еще к тому, что ты как-то эпически относишься к возникшей ситуации. И стало очень горько.

Нельзя закрывать глаза на страшную хрупкость человеческой жизни. Каждый прошедший день невозвратим.

Все дни идут томительной вереницей, и я только жду тех минут, когда могу оставить работу и ехать домой. Работа не идет. Сил нет. Апатия и отсутствие живого интереса к своим собственным исследованиям.

Могу сидеть часами дома, читать, слушать звуки, доносящиеся с улицы, и просто ничего не делать.

Иногда в мою обитель заплывают человеческие души. Сегодня, например, когда вечером вышла из дома, то у самых дверей своей квартиры нашла робкую фигурку студентки (она у меня работает сейчас). Я не была сегодня в Институте, а она решила, что я заболела – а смелости позвонить не было. Я ее втянула к себе и обласкала. [Она ко мне питает чувства, с которыми я относилась когда-то к Анастасии. Была Зоя. Заходила – но не застала меня Ида Ефимовна¹⁶⁵ – она снова в Ленинграде. Была Анастасия.]

Мы все сейчас горячо обсуждаем статьи об Ахматовой (посылаю тебе Ленингр. правду) и других писателях. В газете – Культура и жизнь – дана критика остальных литературных журналов. Нет времени писать об этом – поговорим, когда встретимся.

¹⁶⁵ Хатрочинская (Хородчинская) Ида Ефимовна (1889 – ок. 1950) – переводчик с немецкого.

Я думаю, что выход – снять нам на некоторое время комнату – будет единственным в новом положении. Вообще меня огорчает, что «рождение» Института не состоялось¹⁶⁶. Первый вариант – т. е. отдел Истории религии в Институте истории – конечно, наиболее был бы приемлемым. Интересно – как же все будет и когда все это выяснится. Нужно биться за этот вариант – ибо история религиозных движений – раздел в истории общественной мысли и потому база Института истории – единственно подходящее место. «Комиссия по истории религии» имеет менее фундаментальный вид и с самого начала носит печать чего-то преходящего.

Ввиду того, что комнату в Ленинграде нельзя потерять – я должна, по-видимому, работать в Онкологическом Институте – но командироваться в Москву. [Поэтому, Санек, Шабад был прав, когда указал мне, что брать командировку сейчас бессмысленно, т. к. это еще будет надо. Ехать в Москву на месяц я не могу – т. к. просто ничего не могу делать – да и фактически мне сейчас некуда. Поэтому до октября я должна быть в Ленинграде. В октябре я все посмотрю, найду себе базу для работы и тогда можно будет уехать в командировку.]

Мне сообщили, что меня будут вызывать в Президиум Ак. Мед. Наук – для уточнения сроков докторск. диссертации – т. к. ты знаешь, что кандидаты наук исполняют в Мед. Ак. и обязанности временно ст. науч. раб. – отчего нельзя спокойно существовать – ведь я не могу писать диссертацию, не соответствующую моим требованиям.

Сейчас звонила Наталья Васильевна – она на даче. Попала в самый драматический момент – когда Над[ежде] Николаевне¹⁶⁷ стало плохо и момент родов очень близок. Подошел к телефону Дм[итрий] Алек[сеевич]¹⁶⁸ – очень был мил и несколько растерян – что не мог достать машины. Просил меня, если не пошлют скорую помощь – приехать. Но скорая помощь приехала. Я подошла к Свердловской больнице и пока обходила здание, вдруг увидела фигуру Мити – было тихо, пустынно и совершенно темно (11 ч. вечера) – он очень обрадовался – совершенно не ожидал. Пока мы шли до моего дома, он мне рассказал, что книжка Нат. Вас., по-видимому, не будет напечатана¹⁶⁹.

Сказал, что завтра вечером зайдет ко мне домой, и если бы было не так поздно, то сделал бы и сегодня. Интересовался тобой, сказал, что очень хорошее воспоминание осталось о тебе. Удивило меня то, что быстро выключился он от своих личных событий. Что это – беспечность молодости? Некоторая неполноценность?

Родной Санечек, если бы ты знал, как хочется быть вместе, иметь какую-то комнату – уже окончательную (не зависеть от способа жизни других людей). Пока живу известиями от тебя и твоими нежными приветами, которые ты мне посылаешь в письмах. Но хочется всегда живого слова, живой ласки, настоящего уюта совместной жизни. Когда все это будет.

Любимый мой, целую тебя нежно и горячо. Не беспокойся обо мне. Моя усталость, накопленная за многие годы, не может быстро пройти. За месяц санаторной жизни все наверное образуется и все будет снова хорошо. [Трувор будет мучить тебя еще излишком энергии и заставлять тебя делать бесчисленные амки.]

Постараюсь написать Вл. Дм. – если не успею, передай ему мою сердечную благодарность за милую приписку.

¹⁶⁶ «Рождение» Института – речь идет о создании Института истории религии АН СССР в связи с закрытием Музея истории религии в Москве и переводом его фондов в Музей истории религии в Ленинград (Казанский собор). В. Д. Бонч-Бруевич, в то время директор обоих музеев, добивался создания в Москве Института истории религий АН СССР. В результате был создан сектор истории религии в составе Института истории АН СССР.

¹⁶⁷ Толстая Надежда Николаевна – жена Дмитрия Алексеевича Толстого.

¹⁶⁸ Толстой Дмитрий Алексеевич – сын А. Н. Толстого и Н. В. Крандиевской-Толстой, композитор.

¹⁶⁹ Книжка Нат. Вас. – сборник блокадных стихов Н. В. Крандиевской-Толстой «В осаде», возвращенный из типографии в связи с ситуацией вокруг постановления ЦК КПСС о журналах «Звезда» и «Ленинград».

[Говорила по телефону с Мишей Шахнович¹⁷⁰ – просила – чтобы он передал в бухг. – что я приду за деньгами. Если они еще не отправили тебе – то их получу. На этот раз очень мало почему-то получила – нужно было еще Ирине¹⁷¹ одолжить – т. что не могла тебе что-либо интересное выслать. Посылаю тебе немного сладенького – кушай сам – это не для всех – иначе буду сердиться. Кисточку для бритья помой перед употреблением – она как будто приличная.

Получил ли ты от Пинт¹⁷² с улицы Пикк¹⁷³ наши фотокарточки? Пришли их, пожалуйста. Была у Манечки – она взяла несколько дней отпуска. Выглядит хорошо. Работает.]

...Ну, нужно кончить. Пиши мне, родной. Следи сам за своим здоровьем. Обнимаю и целую тебя. Наташа.

Мне тоже кажется, что наше путешествие светлый сон.

Звони и пиши.

С Шабодом если будешь говорить – то только об окончательной командировке.

Ирина отложила свое путешествие в Москву и очень меня подвела – т. к. я бы давно послала к тебе письмо – извини, что так получилось.

Н.

№ 256. Н. В. Ельцина – А. И. Клибанову

23/VIII.46 г.

Родной мой, снова получила от тебя сегодня два письма [и ужасно стыдно – получается, как будто я не пишу, не думаю о тебе и т. п. На самом деле виновата Ирина, которая изо дня в день откладывала свое путешествие в Москву, а сегодня сообщила, что сейчас не может уехать – т. к. к ней приезжает один ее знакомый.

Я собрала тебе маленькую посылочку, написала письмо и каждый день ждала, что на следующий день все будет уже у тебя. Но вот не судьба.] Санек – прежде всего прошу тебя перестать волноваться о моем здоровье. Холецистит хронический у меня много лет – это и есть те самые приступы боли, которые бывают у меня время от времени. Просто врачи назвали их научным термином. Отчего же тебя это беспокоит? Это ведь старое и хроническое заболевание мое. Что касается малокровия, переутомления, функционального расстройства нервной системы (я шутя назвала это переутомлением высшей мозговой деятельности) – это же все ясно и совершенно проходяще. Поэтому волноваться нет оснований. В октябре отдохну. Категорически отказываюсь брать дополнительный отдых – ибо от безделья я еще больше устаю... [а тем более проводить дни у Мины – т. е. не дома, не у себя, совершенно не имеет смысла. Не беспокой из-за этого Шабода – не нужно ни одной его лишней услуги. Слишком большие счета он будет мне предъявлять потом.]

Меня очень огорчает, что ваш Институт все еще не имеет твердой основы. Когда же все образуется у вас. Думаю, что это все опять тормоза для твоей исследовательской работы.

Любимый мой мальчик, не отягощай себя ненужным беспокойством обо мне. Впереди еще много всяких хлопот.

¹⁷⁰ Шахнович Михаил Иосифович (1911–1992) – религиовед, доктор философских наук, профессор Ленинградского университета, сотрудник Музея истории религии АН СССР, одноклассник и однокурник А. И. Клибанова по Ленинградскому университету.

¹⁷¹ Имеется в виду И. Н. Давыдова.

¹⁷² Пинт Агнесса Ивановна (1890–?) – сотрудница Центрального антирелигиозного музея с 1937 года, этнограф, научный сотрудник Музея истории религии АН СССР в Москве. (См. о ней: *Мутина А. С.* Забытые экспедиции в Удмуртию в 1940-е гг. (по материалам удмуртской коллекции Государственного музея истории религии) // *Финно-угорский мир в полиэтничном пространстве России: культурное наследие и новые вызовы: Сб. статей по материалам VI Всерос. науч. конф. финно-угроведов.* Ижевск, 2019. С. 387–392. – *Примеч. сост.*)

¹⁷³ Улица Пикк – улица в Таллине, где находилась фотомастерская, в которой работал брат Агнессы Пинт.

Сейчас весь вечер играла – оба этюда Скрябина. Неожиданно 12-й вдруг начал получаться. Кроме того есть Элегия Глинки. У меня очень уютно и чисто – в вазах цветы, и картины новые обворожительны. Только тебя вот сейчас нет – но ты смотришь на меня с фотокарточки. Получились мы оба плохо – но фотография – техника ее – не плохая.

Целую тебя [в твои дорогие губки – я долго на них смотрела и они почти начали открываться.

Шлю много нежнейших поцелуев твоим настоящим губкам.]

Наташа.

№ 257. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

Москва, 25/VIII 46

Родная Наталинька,

два дня не писал тебе и мне очень перед тобой совестно. Я хочу, чтобы каждый день твоего пребывания в Ленинграде ты знала, что ты не одна и что в самые ближайшие месяцы я заберу тебя, любимая радостная моя девочка. Я тебе писал, что считаю необходимым твой приезд в Москву уже с начала сентября и что ты должна это оформить с помощью больничного листа, который тебе, вероятно, дадут по запущенному состоянию здоровья. Если же тебе это не удастся получить, то я добьюсь разрешения Шабада на предоставление тебе месячного отпуска в сентябре за свой счет. Жду твоих сообщений: писем, телеграмм, звонков.

Неопределенное положение нашего Музея продолжается. Во что все это выльется, никто не знает. Худший вариант, это отдел в составе Института истории – согласись, что и этот вариант не столь уж плох. Пока что я занимаюсь сугубо административными делами и хлопотами, это отнимает все мое время. Может быть с новой недели (сегодня воскресенье) начну немного заниматься и просто сам у себя отвою на это часы. Основную тему пока отложил. В нее я вступлю через месяц и всем составом своего отдела. Пока я решил написать статью на тему «Вопросы древнерусского государства в трудах семинара Кондакова». Кондаков¹⁷⁴ – выдающийся историк, работы его велись в Праге и семинар его состоит сплошь из блестящих историков. Греков очень одобрительно отнесся к этой теме и согласился ознакомиться с моей работой. Будь здорова, Наталинька, береги себя, чувствуй мою близость, мою заботу, мою тоску. Целую горячо. Саня.

Получил от тебя всего одно письмо от 14/VIII.

№ 258. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

Москва, 1 сентября

Родная моя Наталинька,

несколько дней тебе не писал – так втянут был в борьбу за существование музея, что не оставалось времени ни для себя, ни для тебя. Сегодня воскресенье, я имею «день отдыха». Встал в 7 часов, занимался. Я уже писал тебе, что в моем распоряжении оказалось 10 томов «Трудов семинара Кондакова» – очень известного ученого, собравшего и воспитавшего группу выдающихся ученых, печатавшихся в Праге. Хочу сделать попытку (еще не знаю, окажется ли она мне по силам) написать статью «Вопросы истории древнерусского государства в трудах семинара Кондакова». Греков одобрил тему, но не знаю, одолею ли я ее, – слишком много требует она специальных знаний. Сейчас половина одиннадцатого утра и я оторвался от книг, чтобы написать тебе несколько строчек. Я получаю теперь часто твои письма. 29/VIII получил два письма, вчера получил письмо. Твою санаторно-курортную карточку (до крайности неряш-

¹⁷⁴ Кондаков Никодим Павлович (1844–1925) – академик, византолог.

ливо тобой переписанную) получил и уже отослал по принадлежности. Получил и письмо со стихами Н. Бараташвили. Я слышал об этом поэте и раньше, хотя и не читал его. Мне показалось, что поэт убит русским переводом. В последнее время переводчики ставят своей задачей выразить оригинал наиболее современными и совершенными средствами русского языка, приемами русской стихотворной речи, добытыми всем послеблоковским поколением поэтов. Получаются хорошие стихи, перевод приобретает самодовлеющую ценность, но как же мало в этих переводах новых для русского языка звучаний, всей инструментовки, выработанной вековыми культурами переводимых авторов, своеобразия национального в области мысли и проч. Получается нивелировка под уровень, хотя и очень высокий, русской литературной культуры, а иногда и литературной моды и молвы.

Первое из стихотворений (Осенний ветер у меня в саду¹⁷⁵) полно подлинной поэзии. Красива сама мысль. Однако «Тоска в душе, и мысли в беспорядке» – эта фраза не имеет никакого отношения к стихам, это проза и притом обыденная. «Цветы на грядке» тоже не совсем удачно, мы больше привыкли к цветам в поле или на клумбе, а вот овощи привыкли видеть на грядке. Что хорошо безо всяких «но», это «отцветшей жизни помертвелый шорох». Тема второго стихотворения разработана глубже, но есть какое-то противоречие между раздумчивым, мечтательным, почти элегическим духом стихотворения и бойким, чуть-чуть не частушечным ритмом его. («Цвет небесный, синий цвет, полюбил я с малых лет...»). Неужели это ритм подлинника?

Во всяком случае, спасибо тебе за эти стихотворные строчки, а себе прошу прощения за литературный экскурс, которым я соблазнился. Посылаю и тебе несколько переводов из Шекспира. К ним, при всех их достоинствах, также относится сказанное здесь о новых переводах вообще. У меня пока нет ничего нового. Усиленно занимаюсь подысканием квартиры для нас. Я категорически решил для себя, что после октября ты в Ленинград не вернешься, а если вернешься, то для дел, а не для того, чтобы жить. Родная Наталинька, целую тебя, до скорого свидания. Может быть, вечером еще тебе напишу. Люблю и жду. Саня.

[Очень радуюсь за Юру и всю его семью. Мой привет им!]

Напиши мне, как скоро доходят письма, посланные авиапочтой?

№ 259. Н. В. Ельцина – А. И. Клибанову

7/IX.46 г.

Родной Санечек, вчера отправила тебе заказным большое письмо (авиа – не приняли), а сегодня получила от тебя открыточку – от которой стало грустно и досадно, ну, как ты можешь сомневаться даже на секунду в моем чувстве к тебе, которое с каждым днем делается только все более интенсивным и живым. Разве я могу об этом написать. Не пишу просто от того, что слишком много нужно мне тебе сказать. Ту неделю я еще при этом слишком заработалась. Сегодня устроила себе «выходной» день – поехала в магазин, привезла продуктов, варю обед. Купила бруснику с яблоками – и вечером буду варить варенье. По мере сил я все время стараюсь регулярно кормиться. Как мне хотелось бы угостить тебя этим вареньем.

[Вчера была с Валецкой на «Маугли» – хорошо – но лучше Алладина не видела.]

Санек, нужно очень серьезно взяться за наше устройство в Москве. Нужно иметь все же комнату. Удалось ли тебе найти что-либо – где можно снимать временно? В связи с тем, что место для работы я не смогу иметь в связи с ликвидацией свободных ставок – будет много разных осложнений. Как я смогу перевести мой продуктовый лимит в Москву? и т. д. и т. д.

¹⁷⁵ Речь идет о стихотворении 1842 года грузинского поэта-романтика Н. Бараташвили (1817–1845). – *Примеч. сост.*

Скажи куда, как и сколько еще перевести тебе денег. Ведь путевка стоит большие деньги. Сегодня получила по доверенности деньги. Они просили, чтобы ты телеграфно подписался на заем и прислал бы мне постоянную доверенность на получение денег.

Мне хотелось бы купить тебе много подарков, но сейчас я призадумалась – нужно иметь деньги для устройства нашей жизни в Москве. Если нужно – продадим пианино. Потом сумеем купить. Нужно это все сделать очень решительно, т. к. жизнь в разных городах совершенно немыслима.

[Прошу тебя – поговори с одной сотрудниц ВИЭМ¹⁷⁶ – Балтийск. поселок 13/48 кв. 88. Нина Аветисовна Бабалова – она кажется хотела ехать в Ленинград – может быть возможен обмен. Этот адрес лежит давно, но т. к. мы были раньше уверены, что ты комнату получишь – я тебе его не дала.]

...Санечек, родной и любимый, помни, что ты мне самый близкий и дорогой и что нити, которые связывают меня с тобой, идут от самых глубин всего моего существа, их ничто не может задеть. Всегда о тебе думаю, чувствую мучительно каждый миг нашего раздельного существования и одна только мысль – быть вместе. Целую тебя нежно, нежно. Пиши мне часто и не сердись за несколько пропущенных дней.

Скоро буду тебе звонить.

Я купила тебе пока два подарочка (секрет – какие!).

Обнимаю еще раз и целую.

Меня Ноля 6 раз снимала в комнате на фоне картин – результаты неизвестны.

Дядя ждет нас с тобой летом, кланяется.

№ 260. Н. В. Ельцина – А. И. Клибанову

13/IX.46 г.

Родной Санечек, теперь от тебя нет писем. Я уже подала заявление на отпуск в октябре, а с 1/X – 6/X – командировка в Москву – надеюсь, что все это утвердят. Приехать раньше первого октября не знаю, смогу ли – но постараюсь, но к нашему с тобой дню боюсь, что не выйдет.

[В понедельник приезжает Энгельгардт. Вчера купила тебе в лимитном магазине – еще точно такую же рубашку № 39 – очень довольна. Во вторую половину сентября в магазине ожидаются дамские беличьи пальто – стоимостью около 2000. Мне хочется купить. Но лимитных денег в этом квартале у меня только 750 (с 1 окт. – новый квартал!). Поэтому – может быть ты мне пришлешь свою лимитную книжку – ценным письмом – с описью имеющихся в книжке денег. Но нужно сделать это сразу же. Тогда у меня будет теплое и красивое зимнее пальто.]

...Устаю очень и чаще всего, когда прихожу – в 8–9 ч. вечера – после обеда засыпаю сразу же, не раздеваясь. В 12 ч. встаю, читаю и снова ложусь.

У нас последние дни стало довольно холодно, идет дождь, начали падать листья.

Родной Санек, как ты живешь? Как работаешь? Что у тебя нового и интересного в работе? Что с Институтом?

В Вестнике Вузов – есть статья о введении промежуточной степени между кандидатом и доктором наук – магистерской – для чего нужно сдавать экзамены.

Есть ли какие-либо, даже отдаленные перспективы с комнатой?

Меня беспокоит, что ты без денег, – пожалуйста, разреши прислать и на какой адрес. Не забудь новую доверенность к 20/IX в музей.

Нежно целую и обнимаю. Уже скоро приеду.

Наташа.

[Сейчас бегу на работу. Целую много раз.]

¹⁷⁶ ВИЭМ – Всесоюзный институт экспериментальной медицины.

Манечка здорова. Кончили большую работу писать. Санек, я не знаю посылал ли ты ей деньги. Может быть, ей нужно из полученных мною денег отнести, или ты сам хочешь это делать? Напиши.]

№ 261. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

М. 24/IX–46 г.

Родная Наталинька,

у меня еще остается смутная надежда на твой приезд к 27¹⁷⁷ в Москву. В прошлом году мы провели этот день вместе и как бы хотелось, чтобы и теперь день этот стал днем нашего свидания. Разница была бы только та, что в прошлом году я прилетел к тебе на крыльях, а нынче ты может быть приедешь ко мне.

Деточка моя дорогая, какими словами любви и благодарности мог бы я обратиться к тебе! Меня всегда мучает сознание, что я недостоин твоего чувства, что я не в состоянии унести всей той неповторимой и чистой любви, которую послала мне в твоём лице судьба.

Я думаю только, что вместо приветствия, которое мне все равно не удастся сложить, я выскажу тебе чувство, которое мной завладевает сильнее и сильнее: мне очень хочется настоящего семейного очага: уже давно пришла пора, когда мы оба будем радоваться нашему ребенку, растить и воспитывать его и сами сплотимся вокруг него еще теснее.

Я решил в этом году сделать все возможное, чтобы добиться получения комнаты, и не пожалю для этого ни времени, ни сил.

Постараюсь сегодня взять билет на органный концерт Баха, который играет Гедике 27 сентября. Я возьму и для тебя билет. Может быть, это маленькое колдовство (оно употреблялось еще в первобытной магии) будет способствовать твоему приезду в Москву к 27-му.

Целую тебя, родная, всей душой с тобой и жду твоего настоящего горячего поцелуя в течение ближайшей недели.

Твой Саня.

№ 262. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

Между 25. IX и 1/X 46.

Родная Наталинька,

еще десять дней и мы, наконец, увидимся. Прошло пять недель, как мы расстались, а ощущение такое, будто целый век миновал. Последнюю неделю не писал тебе – отчасти потому, что ждал твоего приезда числа 25-го и очень разочарован тем, что ты приедешь позже. Во всяком случае ты должна знать, что если 1-го октября ты уже не будешь в санатории, то рискуешь своей путевкой. Такую мне дали справку в лечебно-санаторном отделе Академии Наук. Поэтому и потому, что очень хочется поскорее тебя увидеть – поспеши с приездом. [Билет достань так, как я, при помощи Манечки.] Постарайся приехать «Стрелой», чтобы не утомиться и не нервничать в дороге.

Я понемногу занимаюсь. Организую диссертационные работы, уже начал их понемногу. Продолжаю работать над трудами семинария Кондакова и начал работать над сбором материалов о Пущине. Был в ЦК. Получил указания, в духе которых должен изменить свою статью, после чего верну ее в ЦК, а оттуда статью мою поставят в редакцию «Вопросов истории». Я теперь назначен на должность заместителя директора по научной части Музея истории религии¹⁷⁸. С этим, конечно, также связаны известные неудобства. Обстоятельства сложились так,

¹⁷⁷ 27 сентября 1934 года – день свадьбы Н. В. и А. И.

¹⁷⁸ Речь идет о Московском музее истории религии (бывш. ЦАМ). См. подробнее: *Teryukova E. A. Central Anti-Religious*

что я не мог отказаться от этого поста. Судьба же всего Музея до сих пор не определилась. Борьба идет отчаянная. Чем это все закончится, никому не ведомо. За последнее время все же перспективы несколько улучшились. Вновь появились некоторые надежды и на получение комнаты от Академии наук. Пока все это еще столь смутно, что не стоит писать подробней. Я все же решил снять комнату. Ищу сам и мне ищут. Во всяком случае решение одно: мы должны быть вместе, и я сделаю все, чтобы это устроилось так еще в нынешнем году. Жду тебя, родная моя деточка.

Целую тебя и зову как можно скорее приехать. Твой Саня.

№ 263. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

Фото-телеграмма

[Из Москвы № 612 17-го 11. 20. пор. № 15
Ленинград, 8-ая Советская ул., д. 34, кв. 10.
Ельциной]

Родная Наталинька, эти строчки я написал в вечер твоего отъезда из Москвы:

Здесь велено разлуке лечь
И час отмечен,
Лишь поцелуй запечатлеть
До новой встречи,
Закинуть руки и сомкнуть
Движеньем скорым
И слушать, как сердца ведут
Переговоры,
Как тяжелей и глуше рвут
За тактом такты...
Сейчас колеса поплывут
Туманным трактом,
Сейчас размечутся огни
По поднебесью...
И мы останемся одни
И мы останемся одни
И мы с разлукою одни —
Жених с невестой!

Ленинградский вокзал 9/XI–46 г.

Целую нежно, жду весточек.

Твой Саня.

17. XI. 46 г. Москва.

№ 264. Н. В. Ельцина – А. И. Клибанову

17/XI. 46 г.

Родной Санечек, сегодня воскресенье, и я первый раз нашла свободную минуту, чтобы написать тебе. Помимо большой занятости в Институте – ибо привезенные «опухоли»¹⁷⁹ [—]

не ждут и нужно было немедленно начать опыты, пришлось сразу же окунуться в большое количество бытовых дел, которые не могли терпеть отлагательств.

Холод в моей комнате превзошел все мои ожидания, ибо вата, которой Юленька в прошлом году заткнула все щели, – отсутствовала. На улице зима – снег. Только сегодня достала 2 литра керосина, которые, конечно, быстро исчезнут, перспектив же пока еще достать нет. Все эти дни жила весьма мучительно. Приходила поздно из Института (там тепло), нагревала чайник воды и наливала в две грелки – тогда можно было залезть в кровать. И представь себе, когда становилось тепло, я радовалась жизни, с удовольствием разглядывала картины и в памяти проносились куски нашего ароматного летнего путешествия.

Сегодня нашла также стекольщика, который обещает во вторник (если не надует!) вставить стекла – трудность заключается в размере стекол – они слишком большие. Стоить это будет 300 руб. Деньги уже одолжила на это. Кроме того, я дала деньги на оплату ордера на 1 куб. дров и доставки их домой [Ольге Александровне]. К сожалению, дрова пока не выдают. Но к твоему приезду надеюсь, что они будут дома и мы будем греться иногда у нашего камина. Видишь, родной, сколько я уже успела сделать для светлого будущего. В магазине еще не была, но по дополнительным ничего не дают. Привезенные крысы полностью на моем иждивении. Было сложнее, пока не получила хлебную карточку, – сейчас проще.

Лурье¹⁸⁰ приходил за рукописью и был принят у меня в арктической температуре, и единственное удовольствие, которое я могла ему доставить, были картины. Он с нетерпением ждет от тебя письма о «Лаодикийском послании»¹⁸¹. Вообще же он жаловался, что ему трудно читать документы, т. к. он не знает церковных культов и обрядов.

Сегодня «Поэма экстаза» Скрябина, но все билеты проданы. Хочу все же сделать попытку попасть. У знакомых нигде не была, кроме Зои. Юра приезжал ко мне. Он лучше выглядит и живет своей всегда спокойной семейной жизнью, хотя им трудно материально. Пустота в Юленькиной комнате – меня огорчает – какое-то дуновенье смерти.

Санечек, мой родной, как ты? Как питаешься? Чувствуешь? Работает? Есть ли что-нибудь интересное в работе? После моего отъезда тебе стало свободнее. Сознание, что я тебе изрядно мешала, было слишком огорчительно, и я была рада уехать. С другой стороны, осталось беспокойное чувство – я никогда не видела тебя в столь же неорганизованном виде – ибо твой быт просто предельно не налажен, а твое здоровье совершенно расшатано. Ну, конечно, я надеюсь, что все наладится. Но когда же это будет?

Как реагировал Вл. Дм.¹⁸² на письмо?

С большим трудом, но все же я вспомнила строчка за строчкой стихотворение, которое просила тебя написать. Правда, несколько слов не могу никак вспомнить. Жду, что ты приплешь. Оно мне очень нравится.

Пиши, Санечек, чаще, хотя даже это слово «чаще» боюсь говорить – и на это у тебя нет времени, наверное, но когда сможешь.

Обнимаю тебя и крепко, крепко целую.

Наташа

Получил ли ты мою поздравительную телеграмму [и звонила ли Анастасия Петровна в этот день?]

Я быстро спускаю приобретенные килограммы – ни одна пуговица не отскакивает больше.

Как у тебя прошел отчет о работе?

¹⁸⁰ Лурье Яков Соломонович (1921–1996) – филолог, специалист по древнерусской литературе, в те годы сотрудник Музея истории религии АН СССР в Ленинграде.

¹⁸¹ «Лаодикийское послание» – памятник древнерусской литературы конца XV в., написанный дьяком Федором Курицыным, [главой московского кружка еретиков].

¹⁸² В. Д. Бонч-Бруевич.

Сейчас вернулась с концерта – исполнили Стравинского «Петрушку» <...> и несравненную «Поэму экстаза». Эта поэма написана тем же порывом, что и 13-й этюд – но она бесконечно монументальна... Ни одно музыкальное произведение не заставляет до такой степени забыть решительно все. Пронесся жизненный шквал, и хотя звуки уже замерли – но что-то осталось в самом интимном твоём существе, и это не вышнее.

«Петрушка» – очень блестящее произведение – с удовольствием прослушала.

Санечек, если когда-нибудь у тебя или у Лили будет возможность зайти в Мосторг – то мне очень нужен 1 метр черного бархата – здесь его не достать – а у меня совершенно нет зимнего хорошего платья – мне просто неудобно. [Пошли тогда с Маничкой.]

Спокойной ночи, любимый!

№ 265. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

Родная Наталинька,

целую тебя крепко и очень жду свидания! Надеюсь встречать вместе с тобой Новый год и сейчас форсирую все дела, чтобы иметь возможность получить командировку. Беспокоюсь, что тебе очень тяжело приходится: холодно дома, нет карточек и пр. Напиши мне.

Будь добра, позвони Николаю Алексеевичу Соколову¹⁸³, которому я послал 17/XI телеграмму с просьбой сделать транскрипцию с кирилло-белозерской рукописи № 21/1098, тех листов, где находятся слова о самовластии, кажется лист 244 и 246, но точно не припомню. Скажи ему, что это нужно очень и очень срочно и что я отблагодарю его тем, что пришлю очень скоро интересное сообщение о Лаодикийском послании.

Его телефон: Ж–2–С8–25.

Получила ли ты фототелеграмму?

Целую нежно.

Саня

[Румянц. Музей. отд. рукописей]

19.XI.46.

№ 266. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

Родная Наталинька,

[послал тебе несколько слов с Евгеньевой а сейчас с Манечкой.]

У меня ничего нового. Живу по-прежнему и чем дальше, тем больше устаю от этой жизни. Владимир Дмитриевич вначале было горячо реагировал на мое письмо, но в конечном счете все дело свелось к тому, что он рекомендовал мне еще несколько комнат для найма и все. Это очень грустно, и я не знаю, как дальше действовать, т. к. ехать мне из Москвы все-таки некуда. Подожду немного и вынужден буду вновь ставить вопрос и на этот раз остро. Беда все-таки в том, что мне некуда податься.

По мере возможности работаю. Результаты очень интересные. Тот вопрос, над которым я работаю, сам разрешается наилучшим образом. Эксперимент с кормчей Курицына¹⁸⁴, о котором я тебе рассказывал, также удаётся. В первой неделе декабря я сделаю научный доклад, а

¹⁸³ Соколов Николай Алексеевич – научный сотрудник библиотеки им. Н. Е. Салтыкова-Щедрина.

¹⁸⁴ Кормчая Курицына – список Кормчей книги, созданный Иваном-Волком Курицыным, братом Ф. Курицына, [великокняжеского дьяка Ивана III. При дальнейшем исследовании этот оптимистический прогноз не оправдался].

после этого поставлю вопрос о своей командировке в Ленинград на конец декабря – начало января. Вот коротко о себе.

Очень огорчен, что у тебя такие физические трудности в Ленинграде. В начале декабря пошлю тебе немного денег, чтобы ты могла выбраться из долгов.

Я часто и много думаю о тебе и так много хорошего, что тебе было бы очень тепло, если бы можно было поделиться с тобой моими чувствами.

Крепко целую тебя.

Твой Саня

25.XI.46 г.

1947

№ 267. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

11.1.1947 г.

Родная Наталинька,

миновала первая неделя нашей очередной разлуки. Хотя ты и отметила последние часы моего пребывания в Ленинграде приготовлением к серьезным занятиям и оккупировала весь свой домик биохимической литературой, все же я думаю, мы вяжем с двух концов одну и ту же нить тоски и разделяем одно и то же состояние ожидания и грусти.

Владимир Дмитриевич с 5-го января в Риге. Он очень сердился по поводу моего опоздания и чуть ли не собирался объявить мне выговор по приказу. Мне понятна психологически эта реакция. Именно в силу своего расположения ко мне ему понадобилось в глазах нашего коллектива провести борозду между «личным» и «деловым». Но все же дело в масштабах. Что хорошо в большом, то смехотворно в малом. В конечном счете все обошлось. Уезжая, он мне напоминал несколько раз, чтобы я не забыл написать тебе его привет, что я и делаю, а также привет от Анны Семеновны, [что можно было бы и забыть без всякого ущерба.] Хлопот у меня сейчас изрядно, хотя и меньше, чем я думал это, будучи в Ленинграде. Жилищных вопросов пока не касаюсь. Возьмусь за них с 25.1, когда вернется В. Д. и займусь ими тогда исключительно. Я говорил с Шабаром, и он уже в этот свой приезд побеседует с Серебровым по поводу твоей длительной командировки в Москву, не обуславливая пока сколько-нибудь точно времени, когда она начнется. Если академическая комната будет нескоро, то я все же сниму в Москве другую комнату, пусть за 600–700 руб., но это даст нам возможность скорее быть вместе. В конце концов может ли этот материальный вопрос лишать нас друг друга. Я склонен поступить именно так, как тебе об этом пишу.

К своим научным занятиям приступлю лишь с понедельника. За эти дни прочел Лескова «Очарованный странник». Придерживал в сознании каждое слово, как каплю драгоценной влаги на языке, и удивлялся монументальному образу его Ивана Северьяныча. Вот психологические черты русского человека, над которыми надо думать и думать. Это один из наиболее национальных типов во всей литературе русской XIX века, этот Иван Северьяныч. Он разработан проникновеннее, чем знаменитый Платон Каратаев, не говоря уже о языке, поразительном языке, полным неожиданностей.

Прочти или перечти, если читала.

В Москве меня ожидало письмо Нат. Вас. На той неделе соберусь ей ответить. Стихов не пишу. Душе нет покоя. Чтобы писать стихи, нужно, чтобы человек был в согласии с самим собой. Ну да ладно, будет философствовать. Как-нибудь сосредоточусь на мысли о тебе и вырву у жизни несколько мгновений покоя и света – вот тогда и будут стихи.

Пиши, любимая. Далека жизнь, что еще лежит перед нами, и скорбь в ней и боль, но бережем преданность нашему чувству, нашей дружбе. Кто побеждает в последней инстанции, тот и есть победитель.

Любящий тебя в муке и радости, твой Саня.

Получил письмо от Ефима¹⁸⁵.

¹⁸⁵ Басензон Ефим Григорьевич (1900–?) – коммунист, отбывавший срок в Ухто-Печорских лагерях, потом на Воркуте.

№ 268. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

14. I. 1947 г.

Родная моя Наталинька,

пользуюсь случаем послать тебе маленькую посылочку. У меня новостей больших нет. Все более и более сложный оборот принимают музейные наши дела. Для отдела нашего Института истории не имеет помещения, из нашего старого помещения нас всеми силами изгоняют. Все это усугубляется отсутствием Вл. Дм., который до конца месяца отдыхает в Риге. Заниматься мне не удастся. Только в воскресенье довелось поработать целый день – готовился к выступлению по докладу одного из сотрудников о Татищеве¹⁸⁶. Вчера выступал, как будто недурно. Вечером же в воскресенье пошел на концерт в консерваторию. Билет достал скверный, сидел где-то в амфитеатре в полном одиночестве и все время подавлял в себе властное желание спать. А вещи были в своем роде уникальные – Божественная поэма и Прометей¹⁸⁷. Дирижировал Голованов¹⁸⁸. Соло на фортепьяно исполнял Игумнов. Прометей оставляет большое впечатление, как, впрочем, и Божественная поэма. Последнюю мне хочется назвать не божественной, а скорее богоборческой. Это экстаз человека, в которого вселился бог. Это вызов небу. У меня на уме был образ байроновского Каина, отчасти Манфреда в их усилиях сорвать небо и землю с их корней. Меня потрясает первая фраза Прометея – синее пламя, кружащееся вокруг самого себя, отрывающееся от жертвенника и взвивающееся в небо. Я слушал в первый раз Прометея ровно шесть лет тому назад, в январе 1941 года, в условиях, которые ты можешь себе в некоторой мере представить. Это был какой-то юбилейный концерт, который передавало московское радио. Тогда я слушал Прометея освобожденного, сам скованный, а через несколько месяцев меня ожидала неизвестность, ничего не предвещавшая. Как сейчас вспоминаю это одноэтажное дощатое здание с большими скамейками посередине, вспоминаю моих товарищей в темных одеждах, из которых торчали клочья ваты, и среди них некоего Абезгауза, весьма культурного журналиста, на котором при его высоком росте очень смешно сидели ватные штаны до колен. Он тогда обрадовался этому взрыву пламени в оркестре и обратил мое внимание на него. Мне как-то запомнился этот эпизод и так ясно всплыл, когда я слушал концерт. Увы, время Прометея ушло и прежде всего потому что это было героическое время, хотя и жестокое. Эсхил еще мог дать Прометею язык, с которого срывались фразы вроде такой: «Но врагу от врага не позорно пасть в открытой борьбе». Как счастливо общество, где враг имеет возможность выступать с открытым лицом и душой, где он имеет право на свою честь. Когда думаешь о Европе за полосу 1939–1945 годов – время господства клики гитлеровской, то об этом времени можно сказать, что время это было не героическое и даже не трагическое, а подлое, по преимуществу, время. Широкой чашей прямого подкупа Гитлер черпал со дна общества самое мерзкое, что в нем существовало, и мерзости этой отданы были в заведывание честь и мораль, для того чтобы мерзость могла показать, какое употребление она способна сделать из морали и чести. И она показала это! Вот почему уходили из жизни люди, подобные Цвейгу. Подлое время! Но с Гитлером покончено, а когда будет покончено с гитлеровщиной во всех странах, тогда придет мир, такой желанный. Я говорю не столько о мире политическом, сколько о мире душевном, когда обстановка не будет уничтожать человека, не будет толкать на преступления людей, у которых за душой было много хорошего и которые могли бы и другим людям сказать слово теплое и памятное.

Может быть, тебе наскучила эта моя исповедь?

¹⁸⁶ Татищев Василий Никитич (1686–1750) – русский историк и государственный деятель.

¹⁸⁷ «Божественная поэма» и «Прометей» – произведения композитора А. Н. Скрябина.

¹⁸⁸ Голованов Николай Семенович (1891–1953) – дирижер, пианист, композитор. – *Примеч. сост.*

Мне всегда очень тревожно, когда я не имею известий о тебе.

Целую, всем сердцем твой Саня.

Взял в библиотеке Лескова. Прочитай. При случае перешли. Напиши, как тебе понравилось.

Если будет возможность, в феврале приеду к тебе хотя бы на несколько дней.

№ 269. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

18.I.47 г.

Наталинька, девочка моя родная, получил сейчас твое письмо. Это уже второе. Первое, с перепутанным адресом, все же дошло [так же как и открытка, посланная тобою Лиле].

Что с тобой, моя доченька? Зачем в твоём письме такая тяжелая, такая мертвая грусть. Где твоя вера в нашу лучшую участь?

Если ты сейчас чувствуешь, что все пережитое столпилось и подобралось к твоей воле, что чувство одиночества вдруг окружило тебя, то ведь я с тобой и буду твоей опорой, всем, чем могу, всем, что ни есть во мне.

Как ни опустошающе, как ни мучительно прошлое, как ни сложно настоящее, возьмемся крепче за руки, поклянемся друг другу в неизбывной нашей дружбе, и рассеется сразу мрак, что вокруг нахлынул неведомой волной и застелил будущее. Чем лучше мы будем друг с другом, чем ближе, тем больше мы соберем силы, чтобы противопоставить их любым испытаниям жизни, если только они выступят против нас.

Зачем ты даешь волю печали и сомнениям в своем будущем. Зачем ты делаешь сейчас, когда ты все ближе поднимаешься к вершине своих научных успехов.

Последние усилия всегда самые тягостные. Утомителен путь, уже расстилающийся за ними, но еще утомительнее нетерпение, когда цель близка.

Выше вершина – круче подъем. Камни рвут ноги, ветер колет лицо, воздух редок и дыхание прерывестее, но усилие, еще одно... и вот необозримый простор и солнце, и небо, и зелень, и реки, птицы, цветы, и все бесконечное изобилие, которое не в силах унести ни жадность рук, ни ненасытимая жадность сердца. Так и ты, родная, исходила один путь и другой, оставила одну теорию ради следующей, но курс держала всегда ввысь, вперед, каждый твой шаг теперь вдесятеро тяжелей предыдущего, но остерегись остановиться в эту минуту – следующая может поставить тебя на вершину.

Более всего в жизни я страстен к людям. Я принимаю к их душам, словно к некоему роднику бессмертия. Я поэтому возьму право сказать тебе: такие как ты погибают, но не сдаются. Но добавлю притом по опыту: те, кто не сдается, не гибнут, а побеждают. Я вижу твое будущее. Если оно определится твоими волей и возможностями, если обстоятельства не скосят тебя, ты поставишь вежу на путях твоей науки и как бы в своем продолжении они бы ни были далеки и темны, образ твой на этих путях не угаснет.

Мне не хочется возвращаться из этого мира мыслей и надежд. Я считаю действительным один этот мир. Прочее все связано с условиями физического существования, с поддержанием естественной основы нашей. Здесь, что ни шаг, то муки, слабости, пороки, разочарования. Но в этой двойственности жизни и состоят, вероятно, и божее наказание и божия благодать.

Так вот о делах. 25-го возвращается Вл. Дм. Я брошу все дела, поскольку это будет возможно, и займусь комнатой. Независимо от этого я уже сейчас начал хлопоты о получении комнаты внаем и не буду считаться с материальными условиями. Единственное условие, какое я сейчас имею в виду, это наша совместная жизнь. Я предполагаю, что твой переезд произойдет в феврале [и в таком духе я говорил с Шабаром]...

Светлая моя! Мы вместе начали нашу сознательную жизнь. Теперь у нас есть только наша жизнь, наша участь, одна мука, одно счастье, одна цель. Разве кто-нибудь из нас может оборвать это раньше другого?

Саня.

№ 270. Н. В. Ельцина – А. И. Клибанову

21/1.47 г.

Родной, любимый мой Санек. Получила сегодня твое хорошее и бесконечно теплое письмо. Было ощущение – будто бы дверь открылась и ты сам пришел. Стало так хорошо и легко. Пишу тебе за час до отхода поезда. [Леночка у меня обедала и весь вечер у меня. Сейчас пойду ее провожать.] Напишу тебе завтра длинное письмо. Посылаю тебе маленькие подарочки – обязательно напиши, понравились ли. Устала от впечатлений конференции¹⁸⁹. Самое большое впечатление – Роскин и Клюева.

Целую тебя, мой дорогой и совершенно единственный, крепко и нежно.

Скорее бы увидеться!

Наташа.

№ 271. Н. В. Ельцина – А. И. Клибанову

25/1.47 г.

Родной мой Санек, отчего-то сегодня очень о тебе скучаю... [я пишу тебе не одетая – накинула халатик и сразу же взяла перо.] В комнате топится печка и дрова даже потрескивают. А на улице мягкая снежная погода. Вчера в Таврическом Дворце открылась сессия Ак. Мед. Наук. Это внешне было необыкновенно блестяще. К 6-ти часам вечера к Тавр. дворцу стали подлетать десятки машин с академиками, профессорами и их дамами. Дворец был весь освещен. Запах духов, запущенные снегом меха, радостные восклицания – все это перемешивалось в первую минуту, когда я попала в здание. Сам зал, где происходило открытие сессии, – был также с большим комфортом и строгостью убран. Все было радиофицировано. Сессию открыл акад. Н. Н. Аничков¹⁹⁰. Первый доклад сделал по гипертонии акад. Ланг¹⁹¹. В перерыве увидела Ел. Ерв. и Ник. Осип.¹⁹² и много еще приехавших из Москвы знакомых. Сегодня мы идем вечером с Ел. Ер., Н. О. и др. на «Хождение по мукам» в Новый театр. Они хотели, чтобы я еще пошла с ними в Эрмитаж, но я, кажется, не пойду.

Работала я безумно много, казалось, что натолкнулась на что-то важное, с точки зрения структуры белков, – но Вл. Ал. не считает, что данные мои позволяют делать выводы, которые в первую минуту мне казались возможными. И значительно с большим интересом и одобрением выслушал предложенную мной тему с влиянием лучей Рентгена на аденозинтрифосфорную кислоту и нарушение ее стабилизации в опухолевых тканях. По-видимому, этим я и буду заниматься. Родной Санек, отчего ты отговорил Ел. Ерв. привезти мне опух. крыс. Ведь командировки я еще не имею, а если и буду иметь, то лишние опухоли для меня крайне всегда нужны. Ты меня очень этим огорчил.

22-го была у Нат. Вас. Она в ужасном настроении от неустройства Митиных дел. Просила тебе передать, что очень тронута и обрадована была твоим письмом, но что не в состоянии тебе сейчас написать. Она хотела, чтобы Митя переехал к ней в квартиру, а она к нему на

¹⁸⁹ Конференция – конференция на онкологические темы.

¹⁹⁰ Аничков Николай Николаевич (1885–1964) – президент Академии медицинских наук СССР в 1946–1953 гг.

¹⁹¹ Ланг Георгий Федорович (1875–1948) – академик Ак. мед. наук, известный кардиолог.

¹⁹² Шапиро Николай Иосифович (1906–1987) – профессор биологии, муж Е. Е. Погосянц.

Кронверкский. Но неожиданно получила резкое письмо от Фефы¹⁹³, который запрещает ей это делать – считая, что эта квартира принадлежит ему и он не допустит, чтобы Митя ее занял. Ради Нат. Вас. Фефа может жить сам неорганизованно и нескладно (невозможность соединиться с Тасей¹⁹⁴, но на переезд Мити он не согласен. Митя тоже был там – и все это обсуждалось в моем присутствии – мне было очень неуютно. Ибо Митя крайне резко говорил о братьях, Нат. Вас. плакала, а я, конечно, чувствовала себя лишней в этом интимном разговоре – который должен был происходить без меня. Нат. Вас. же хотела, чтобы я как-то помогла. Я была счастлива попасть домой.

№ 272. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

26.I.47 г.

Родная Наталинька,

получил твой подарок. Ношу его. А вот обещанного «большого» письма не получил. А когда долго нет писем – возникает какое-то чувство отрыва и тревога за тебя. Ты же моя самая дорогая и кроме твоей руки нет нигде другой. Не оставляй меня своей лаской и памятью.

Ничего радостного о себе сообщить тебе не могу. Занимаюсь очень мало. Вчера вернулся В. Д. О делах с ним не говорил. Ищу комнату. Кое-какие перспективы имеются, но все еще неясные. Я стал читать. После Лескова и Мирбо читаю сейчас лекции об эстетике Гегеля и «Падение Парижа» Эренбурга. Гегеля только теперь читать легко. От этих высот дух захватывает. Отмечаю для себя наиболее живые мысли. Книга Эренбурга интересна, но напишу о ней подробнее, когда кончу.

Нигде не бываю. Нет на это ни интереса, ни сил. Только вот был у Ел. Эрванд. за посылочкой. Очень огорчился, еще раз получив подтверждение, что ты за собой не следишь. Впрочем, твой внешний вид она считает удовлетворительным. Больше не пишу. Следующее письмо возможно только как ответное.

Целую тебя крепко, очень люблю, если только соберу немного денег, то приеду, хотя бы на несколько дней. [Нравится ли тебе это изображение Толстого? Мне нравится.]

Целую, любимая и родная.

Саня.

№ 273. Н. В. Ельцина – А. И. Клибанову

30/III. 47 г.

Родной мой, чувствую свою вину, что так долго не писала, не послала тебе ни одного ласкового, сердечного слова. Скажу тебе откровенно, что первые дни после приезда мне нужно было как-то уложить в себе всю горечь, которая собралась за дни моего пребывания в Москве. Я понимаю, что твоя усталость бескрайняя, но я тебя еще не видела в таком предельно неорганизованном виде, и это меня страшно дезорганизовало. Весь твой неналаженный быт – беспорядочное и вредное для здоровья питание, мокрые ноги и потому часто простуды, отсутствие всякого интереса к своему внешнему виду (мы ведь любим не только душу, но и ее земную оболочку), щепетильность и пассивность (совершенно ненужная) в вопросах, которые дают тебе возможность заниматься наукой – горьким комом легла на сердце. И хотя я тебя ни в чем не обвиняю, я все могу понять и даже взять на себя часть вины – но непосредственно было больно и захотелось часов тихого молчания. И первые дни так и прошли.

¹⁹³ Волькенштейн Федор Федорович – сын Н. В. Крандиевской от первого брака, физик, профессор.

¹⁹⁴ Мунц Наталья Оскарвна (1907–1980) – жена Ф. Ф. Волькенштейна, художник-график.

Потом начались неприятности и огорчения в работе. Всегда, когда к работе относишься с пристрастием (так я отношусь к моей последней работе), все получается хуже, чем обыкновенно, когда есть нужный холодок объективизма. Но это общие слова. А случилось то, что в одном моем реактиве оказалось загрязнение (об этом думать было просто невозможно) и часть опытов, которые вошли в работу, уже сданную в печать, – нуждаются в повторении. Может случиться, что это коснется и выводов. Я лихорадочно принялась снова за работу – пока шефам ничего не говорила, так посоветовали мои товарищи. Выводы вошли и в тезисы доклада на съезде. Понимаешь, как это огорчительно. Если бы ты знал, как мне хотелось, чтобы ты был возле меня – в такие минуты – так мучительно быть в одиночестве. И моя первая мысль была о тебе. Таким образом, родной Санечек, ты не сердись на меня – эти две недели я жила, как в тумане, и ни одного радостного луча не заглянуло мне в комнату. Мое свидание с Нат. Вас. было не только сердечно, но и интересно по содержанию. Говорили о ее работе, и она очень прислушивалась к тому, что я ей рассказывала. В общем, она продержала меня 7 часов подряд и снова очень ждет. Читала мне главу из мемуаров своих, рассказывала о себе. Сказала, что ей очень нужно видеть тебя и меня, что это нужно для ее работы и внутреннего состояния и т. д. Я снова к ней собираюсь.

У нас весна в небе, а на улицах грязь. Мне так и не удалось купить мимоз. Я жду твоего приезда – может быть, тебе удачи. Мне бы хотелось, чтобы ты отдохнул, чтобы мы спокойно пожили, и поговорили, и порадовались нашим минуткам.

Приезжай, мой родной. Какая суровая вещь жизнь – и как спасает внутреннее тепло и те радости, которые дает нам творческий дух. Но сколько препятствий на пути. Мои две работы вышли в Известиях Ак. наук (серия биологическая) № 5 – последний №. Я их тебе подарю.

Санечек, отнесись серьезно – и привези мне крыс из ВНИХФИ – объяснять, как это нужно, не приходится.

[Привези мне также – мех от Мины – иначе он испортится в ее сырости.]

...Шлю тебе много, много нежных приветов, целую тебя и люблю и жду, как всегда.

Наташа.

Имеешь ли ты галоши?

Что слышно с комнатой – звонил ли Вл. Дм. ...

[Вчера была у Манечки¹⁹⁵ – занесла ей мясо, сахар и капусту – ибо в этом месяце у меня лишние продукты. Она здорова, сердится на тебя.]

№ 274. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

5.IV.47 г.

Родная Наталинька,

обстоятельства складываются так, что приехать мне удастся только в конце месяца. Дело в том, что я должен собрать материалы, необходимые для того, чтобы иметь возможность работать в Ленинграде. Не знаю, успею ли собрать необходимое даже к этому сроку, но если и не успею – все равно, приеду.

Я только что закончил переработку своего исследования – «Написание о грамоте». Оно сильно изменилось к лучшему – буду с нетерпением ждать его опубликования, но все теперь тянется слишком долго. В настоящее время я работаю в области русско-еврейских культурных связей в конце XV века. Это будет статья, примерно такая же, как и «Написание», и она явится как бы продолжением «Написания». Мне удалось набрести на памятник итальянского Возрождения – знаменитую речь Пико делла Мирандола «О достоинстве человека». И вот оказалось, что предметом ее является самовластие души и в тех как раз выражениях, которые имеются в

¹⁹⁵ Горлина Мария Николаевна.

исследуемом мной русском памятнике. Т. о. моя идея получила окончательное подтверждение и в этой своей статье я ставлю вопрос о русской форме гуманизма в XV веке, запечатленном в формуле «Самовластие ума и души» и ставши основой всей последующей, национальной по характеру, русской культуры. Это моя центральная идея, хотя отнюдь не единственная и даже не единственно важная. Может быть, на этот раз я сделаю доклад в Ленинграде – в институте истории АН или в институте литературы, и тогда буду очень рад, если увижу тебя в аудитории и даже больше, сделаю доклад, чтобы иметь возможность быть тобой услышанным. Работа, которой я сейчас занят о русско-еврейских культурных связях, прямо продолжит «Написание». Как только поставлен и, думаю, решен вопрос о существовании русского гуманизма, подымается вопрос о его питательной среде. Для Италии и Франции это был античный Рим, затем античная Греция и, наконец, если так можно выразиться, античная Иудея. Это и понятно, ибо Италия и, в меньшей мере, Франция сами стояли на руинах античного мира. У нас на Руси этой питательной средой стала иудейская культура, и людей, приникших к ней в XV веке, прозвали «жидовствующими», тогда как они были гуманистами. С таким же основанием итальянских, французских, немецких гуманистов следовало бы прозвать «римствующими» или «грековствующими». Такова центральная идея статьи, к работе над которой я сейчас перешел. В данный момент я веду работу над двумя рукописными библиями исхода XV века, правленными по еврейскому оригиналу и обнаруживающими рационалистические и гуманистические убеждения переводчика. Я сопоставляю эти рукописи с рукописной церковно-славянской библией того же времени обычного типа, а также с еврейской библией. Все это очень кропотливая и трудоемкая работа и она-то меня и задерживает в Москве.

В делах моих существенных новостей нет. Живу, как прежде. Работаю запоем. Это действительно «запой», в котором я топлю душу.

Приехал Ефим. Встреча получилась хотя и очень дружественной, но не вполне такой, какой я ее ожидал. Время осушает свежесть мысли, чувства и веры и пригибает к земле. Мы были с ним на двух концертах. Первый очень хороший. Сильное впечатление оставила 6-я симфония Шостаковича. По-новому звучат инструменты, особенно скрипки в первой части, они звенят тончайшим серебром. Но краски Шостаковича скорее острые, чем сочные, он обогащает больше мыслями нежели чувствами, эта музыка несколько публицистична. Сам же он чудный, выходил эдаким увальнем, смотрел букой на публику, смущался и кланялся неловко... [Мравинский мне не понравился. Я бы сказал о нем: квалифицированный дирижер. Не знаю, чего больше в этом определении: похвалы или осуждения. Держится довольно развязно.] Второй концерт, который мы посетили, это балетная студия им. Айседоры Дункан. Но об этом нечего писать: эстрада.

Я опять болел гриппом, лежал и все на свете было не мило. Но грипп прошел. А вчера был весенний день. Обнажилась земля. Почернели ветлы. На улицах продают вербы. Небо было синее, и в воздухе растворена была жизнь. Мне стало лучше. Я подумал, что как ни безысходно существование, но еще более безысходно небытие. И даже при всех, решительно всех, обстоятельствах! Может быть, я когда-нибудь и переменю это мнение, но вчера я думал так. Родная моя, любимая моя, весна моя – жду встречи с тобой, думаю о тебе и люблю. Саня.

№ 275. Н. В. Ельцина – А. И. Клибанову

7/IV.47 г.

Родной мой Санек, разве мы с тобой проходим через первые трудности? Мы ведь пройдем через все, что нам предстоит, и именно потому – разве можно даже на минутку высвободить руку, пожелать остаться наедине со своими горькими мыслями. В жизни все покупается страданием, даже светлые минуты. Я верю, что они будут больше, чем когда-либо, именно потому что так много осталось позади исхоженных дорог. Ноги изранены, но душа выковыва-

ется, освобождается от всего лишнего. Скорее надо быть вместе, чтобы было меньше мучительных ощущений и пустоты одиночества.

За целый почти месяц разлуки – на столе только одна твоя фототелеграмма и ты знаешь, что она не могла сообщить мне бодрости и душевного равновесия.

Санечек, что же у тебя? Здоров ли ты? Как твои дела? Когда ты думаешь приехать? Приезжай так, чтобы и майские дни провести здесь. Мне хочется, чтобы ты отдохнул дома. Буду за тобой смотреть, кормить тебя и ты немного восстановишь силы.

Сегодня очень поздно пришла и довольно прохладно в комнате – керосин кончился и не было времени купить. Пытаюсь нащупать новые пути в своих исследованиях и пока успеха нет. И хотя я уже выработала в себе некоторую способность спокойно реагировать на отсутствие удач, но, конечно, в глубине у меня живое беспокойство и нетерпение.

В воскресенье была на выставке Петрова-Водкина и Пименова (ученик Лебедева). Вечером была у Нат. Вас. Все же она состоит из ряда отдельных кусочков. Светские поверхностные радости ей близки и я убеждена, если бы не уход Ал. Ник. – то все осталось бы на месте и принималось бы без критики – которая больше самозащита и самоутешение.

Родной Санек, приезжай скорее и пиши – я жду очень от тебя известий и тебя самого... [В Москве ли еще Ефим?]

Помни, что опухоли должны быть перевиты за недели две до твоего отъезда и потому попроси заблаговременно Нину Карловну Мизатунову.

[Привези также мой мех от Мины и не мни его, а аккуратно уложи в чемодан.]

...Отоваривание промтоваров – падает на эти последние три недели – т. к. все это время ничего не было, а сейчас обещают. Крепко, крепко целую и обнимаю. Всегда жду. Наташа.

[№ твоего костюма – 48? А галош?]

№ 276. Н. В. Ельцина – А. И. Клибанову

Родной мой Санек, только что повесила телефонную трубку после разговора с тобой и стало очень грустно. Голос твой показался очень усталым и каким-то хриплым. Не простудился ли ты снова?! Поздно вечером на каком-то почтамте, вне домашнего уюта, наверное, голодный и главное, что я тебе не только не сказала что-либо ободряющее, но еще огорчила, и сейчас это меня ужасно мучит. Зачем это у меня вырвалось! Я действительно болезненно перенесла свой последний визит к Нат. Вас. – на фоне великолепно одетых людей – очень уж жалок был мой вид и меня это остро задело. И хотя головой я понимаю, что это все недостойно внимания и нужно уметь это не замечать и не фиксировать свои мысли на столь незначительных по существу вещах – но и не сумела легко справиться, уберечь от тебя это мое огорчение.

Прости меня, Санек, что так получилось. И не огорчайся – это действительно «запятые» и при этом они уже позади.

Когда ты приедешь – я подарю тебе две мои работы. Я очень тебя жду и даже считаю дни – такая потребность скорее быть с тобой.

Хочется одного только, чтобы никто нам не мешал. С интересом буду слушать результаты твоей работы за последние дни и доклад, который ты обещаешь прочесть. Мы проведем много уютных вечеров дома. Я постараюсь к твоему приезду все убрать в комнате.

Как хочется твоей живой ласки, Санек.

Приезжай скорее.

Целую и обнимаю тебя горячо и нежно.

Следи за своим здоровьем.

Пиши и звони.

Приезжай, я жду тебя с нетерпением.

10/IV.47 г.

Наташа.

12/IV. [Вчера купила тебе отрез синий на костюм – зайди уже к Нине Карловне Мизатуновой, чтобы перевивка была сделана раньше.]

...Привези мне из ВНИХФИ – опухол. крыс. – Это абсолютно необходимо. У меня только одна опухоль осталась. Можешь ничего не привозить мне лично (мех и т. д.) – но только привези материал для работы.

№ 277. Н. В. Ельцина – А. И. Клибанову

Авиапочтой

13/IV.47 г.

Открытое письмо

Родной Санек, сегодня воскресенье – на улице сыро и холодно. Падает мокрый снег. Я весь день сидела в комнате, читала вслух кусок из Онегина и работала над ним. Кажется, что-то получается – ибо единственным барометром были жильцы – и их тронуло. Жду твоей критики и помощи. Сейчас ко мне должна прийти оттуда моя знакомая. Отчего от тебя нет ни писем, ни даже телеграфных строчек. У меня сегодня весь день артистическое вдохновение и я без тебя потому особенно тоскую. Ты меня любишь? Отчего от тебя ничего нет? Ты здоров?

Пиши чаще и приезжай скорее. Целую, родной, крепко, крепко.

Наташа.

Сейчас был твой телефонный звонок – но нас прервали...

№ 278. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

29 V.47 г

Родная Наталинька,

вчера говорил с тобой по телефону и не могу отделаться от давящего чувства, вызванного какой-то неясностью разговора и его упадочным духом. Что с тобой?

Я очень недоволен собой. Надо было мне настоять на том, чтобы в бытность мою в Ленинграде ты посетила еще раз Холдина¹⁹⁶ и чтобы мы вместе с тобой приняли решение. Чем больше я думаю, тем все более склоняюсь к тому, что если этот процесс так и не разрешается сам по себе, то надо снять его оперативно и тем самым снять с сознания все, что на него давит. Вл. Дм., которому я говорил, очень категорически настаивает на таком решении. Если Холдин и Казанская (?) не имеют чего-нибудь против операции, то выясни с ними возможные сроки и немедленно дай мне знать, чтобы я был вместе с тобой все это время. Одного тебя прошу: безотлагательного обращения к врачам. [Я остановился пока у Анны Осиповны, главным образом потому, что Лазаревич¹⁹⁷ болен. Как только он выздоровеет, я перееду к нему. Он меня приглашает.]

...Вообще же нового ничего. Человек, через которого я вел переговоры о комнате, владельца которой уезжает в сентябре на два года, сейчас тоже болен. Когда он выздоровеет, я возобновлю переговоры. На Вл. Дм. у меня мало надежды: вряд ли с его помощью я получу комнату. Попробую поговорить с Грековым¹⁹⁸. 5-го июня буду делать в Институте истории доклад, который мне так и не удалось прочесть в Ленинграде. Напишу тебе, как он пройдет. Начал выяснять возможность получения путевок в санаторий. В этом году Академия открыла сана-

¹⁹⁶ Холдин Самуил Абрамович (1896–1975) – хирург, доктор мед. наук, профессор Института онкологии АМН СССР (г. Ленинград).

¹⁹⁷ Лазаревич – научный сотрудник Музея истории религии АН СССР.

¹⁹⁸ Греков Борис Дмитриевич (1882–1953) – академик, директор Института истории АН СССР.

торий в Абрамцево, и я знаю, что тебе хотелось бы там пожить. Но если удастся получить путевки, то, вероятно, только на сентябрь. (Кстати, отпуск мой уже назначен на август и сентябрь). Так что в августе мы с тобой, если все будет хорошо, отправимся в Одессу, а оттуда либо поедем экскурсировать на Карпаты, либо же, если это окажется сопряженным с чрезмерными трудностями, поедем пароходом по Черному морю, по Крымскому и Кавказскому побережью – это как-никак тоже сулит много впечатлений и радостей. Только не укачает ли Черное море моего ребенка?

Любимая моя Наталинька, еще раз говорю тебе: эта наша разлука – последняя. Мы будем с осени вместе, чего бы это ни стоило. Будем налаживать нашу жизнь, так, как это полагается. Мы найдем еще наше счастье – оно всегда в новых и новых поисках. Целую тебя, не оставляй меня своими письмами. Очень жду тебя ко дню твоего рождения и непременно подыщу тебе какой-нибудь хороший подарок.

Целую и жду.

Саня.

№ 279. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

18 июня 1947 г.

Родная Наталинька,

весь день сегодня был с тобой. Считал часы и воображал, как ты подъезжаешь к Ленинграду; как идешь домой, какходишь в нашу комнату после пятидневного перерыва, варишь себе яички на обед, звонишь к знакомым, в лабораторию. Сейчас без пяти минут двенадцать ночи. Ты, устав после дороги, наверно уже забралась в свою постельку, спряталась под одеяло и мгновенно уснула: [нервы дышат сном.] Родная моя, я благословляю твой покой, нежно целую тебя, твой лобик, слушаю твое дыхание и слышу его здесь, вдалеке.

Утром сегодня был у себя на службе, затем пошел в исторический музей, считывал рукописи, но работа шла плохо, хотелось спать и буквы так прыгали в глазах, что после двух часов занятий пришлось оставить работу. Затем обедал, сидел за тем столиком, где мы с тобой вместе были в последний раз, и опять чувствовал мучительную боль за нашу разлуку. Было так одиноко и пустынно, что я поехал к Николаю Павловичу¹⁹⁹. Он сегодня плохо чувствовал себя, глаз (отсутствующий) налит был кровью и он говорил, что чувствует как все отмирает, слой за слоем, и остался лишь какой-то верхний покров мозга, как последнее пристанище жизни, которая сосредоточилась теперь единственно в мысли. Он рассказывал о работе одной своей аспирантки о Юлиании Лазаревской, выдающейся по характеру женщины, жившей в конце XVI – начале XVII вв. (если не ошибаюсь). Эту аспирантку упрекают, по мнению Н. П., несправедливо, в отдаленности ее темы от запросов сегодняшнего дня, и Н. П. помогает ей отвести этот упрек тем, что прослеживает генетически путь развития характера русской женщины от Юлиании Лазаревской до Татьяны Лариной и даже Софьи Перовской. Необычайно широкая и смелая картина. Юлиания Лазаревская, говорит Н. П., далека от этих образов, но она стоит в начале этого пути. Говорили с ним много о моей текущей работе, как всегда с большой для меня пользой. Досадно, что поздно с ним встретился, но спасибо судьбе за встречу. После Н. П. зашел к художникам²⁰⁰. Они очень досаждают на тебя за то, что ты не зашла. Я все объяснил, конечно. У них я поспал с часок, освежился забвением и поехал домой, а дома (это уже было в 10 ч. 40 м. вечера, когда я вернулся), застал маленькую открытку Ерошина²⁰¹. В ней весь Ерошин с его непосредственным восприятием жизни. Последняя приписка о посещении

¹⁹⁹ Сидоров Николай Павлович – профессор русской литературы.

²⁰⁰ Вероятно, имеются в виду И. А. Субботина и М. С. Перуцкий. См. письмо № 243. – *Примеч. сост.*

²⁰¹ Ерошин Иван Евдокимович – [поэт] см. письмо № 232.

им Алма-Аты, когда он смотрел на цветущие сады, слушал плохих соловьев и пил яблочное вино – это уже почти стихотворение в его наивной реалистичной чисто ерошинской манере. Я рад, что между нами и им установилась связь и пересылаю тебе его открытку, чтобы и ты ей порадовалась. Живется ему, как всегда, плохо, и больно за него. Хотелось бы, чтобы хоть немного тепла пришлось на его закат.

Вот и составила фотография фактов сегодняшнего моего дня. Твое дело разглядеть за этими фактами мои душевные ощущения и переживания. Ты достаточно меня знаешь, чтобы сделать это и составить себе представление, конечно, более возвышенное, чем это есть на самом деле.

На этом закончу письмо и письмом к тебе закончу свой день, а начал я его тем, что отправил тебе две телеграммы.

Целую тебя, любимая моя, родная моя. Знаю, что в твоём образе я встретил самое большое счастье в моей жизни и это все, что осталось позади и что предстоит, будет казаться мне незначительным и бледным, когда бы я ни подвел итоги прожитому.

Вся моя любовь с тобой, родное существо.

Саня.

Наталинька, отправляю тебе письмо и шлю тебе самые нежные чувства. Целую, моя деточка. Пиши мне каждый день!

19.VI.47 г.

№ 280. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

21.VI.47 г.

Родная моя девочка,

вечером сегодня буду с тобой говорить по телефону. Не могу передать, как мне без тебя грустно, как хочется приласкать тебя, дать почувствовать свою близость и радоваться радости светящейся в твоих глазках.

Как проходят твои дни? Наверное, работа твоя в разгаре (есть материал!). Это хорошо. Чувство созидания самое властное, никакое другое чувство не может ему противостоять. Это и понятно. Процесс созидания это и есть нить, ведущая поколения от одного к другому: это нить вечного, нить жизни. Вероятно, потому перед чувством созидания смолкает все: перед вечным преходящее.

Я тоже работаю много, успешно и довольно счастливо. Мне обидно, что я не могу рассказать тебе о своей красоте. Нередко я жалею, что ты не гуманитарий, потому что в тебе пропадает гуманитарий по всем особенностям твоей души и ума.

Впрочем, если здоровье тебя не подведет, я уверен, что твой труд увенчается успехом, и не маловременным (как разные сенсационные находки, чаще всего оказывающиеся потерями), а твердым, ибо ты исследуешь явление в его естественной истории, в корне.

Близится время отдыха, мы запасаемся силами и молодостью, чтобы как можно полнее проявить в жизни свою ценность, как выражается наш милый Николай Павлович²⁰².

Посылаю тебе стихотворение Мицкевича. Какое благородное и благоухающее чувство. По-пушкински: «сердца трепетные сны».

Вдумайся и прочувствуй эти три слова.

Нежно обнимаю тебя, любимая, и приникаю к тебе долгим поцелуем.

Саня.

²⁰² Сидоров Н. П.

№ 281. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

1.VII.47 г.

Наталинька,

только что кончил разговор с тобой по телефону и очень ясно почувствовал, с каким ощущением я оставил тебя после того, как кончился разговор. Я поэтому решил его сразу же мысленно и на бумаге продолжить и сказать тебе, что то сознание одиночества, которое ты испытала и испытываешь, не имеет никакого основания в моем действительном к тебе отношении, что оно внушено тебе нашей разлукой, моим отсутствием таким уже продолжительным и тем угнетенным состоянием духа, которое так естественно в твоём сегодняшнем положении. В нашей жизни мы (да и не мы одни) давно ведем отсчет радости не от должного, а от недолжного. Должно быть здоровым, и здоровому сознанию отклонение от этого причиняет страдание. Но в массе бедственных случаев, которых мы являемся свидетелями, хорошо, что все оказалось вполне доброкачественным и это будет устранено и больше никогда не вернется. Остается психическая травма перед фактом операции, и я знаю, что ни письмами, ни своим присутствием я не смягчу травмы. Но я не знаю и уверен, что самое непродолжительное время снимет ее, тем более что я уже сейчас принимаю меры к тому, чтобы обставить наилучшим образом наше летнее путешествие. Мы об этом еще поговорим при нашем свидании. Сейчас же я хочу тебе сказать об одной особенности нашей душевной жизни. Когда люди попадают в беду, то всегда оказывается, что предчувствие гораздо страшнее ее самой. Психика до деталей разрабатывает ожидаемую ею с трепетом ситуацию и перекрывает эту ситуацию настолько, что когда она (ситуация) наступает и проходит, то кажется сравнительно легкой. Могу тебя заверить, что собеседник, слушая мою эпопею, всегда представляет ее себе гораздо более ужасной, нежели она была на самом деле. Удар, который следует за взмахом, всегда легче чем взмах, который его несет. Это закон, может быть, даже и полезный для нашей нервной организации в конечном счете. То, что я пишу тебе, как бы ты ни восприняла это, – сущая правда. Это большое несчастье – непосредственное восприятие фактов, если на нем останавливаться, то можно всякий раз приходить в отчаяние.

Не упрекай меня в нечуткости. Собери свое мужество. Это будет естественно для твоего характера. Не теряй трезвости. Будь самой собой. Это тебе по силам. Что же касается меня, то я выеду к тебе, как только ты мне скажешь, и ты сможешь твердо опереться на мою помощь, на физическую поддержку, на мой уход, мою ласку, мою любовь.

До свиданья, моя родная девочка, ты не одна, у тебя есть человек, который ценит твое спокойствие, здоровье и жизнь несравненно больше, чем свою, и который рад будет доказать это в любую минуту.

Саня.

№ 282. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

5.VII.47 г.

Родная Наталинька,

сегодня вечером попытаюсь связаться с тобой по телефону, хотя предполагаю, что не застану тебя: вероятно, ты за городом, как ты хотела это сделать.

Я скоро приеду к тебе, чтобы мой бедный ребенок не казался самому себе брошенным и забытым. Приеду и буду тебя «выздоровливать», как это у нас с тобой принято. Уверен, что все обойдется вполне благополучно и мы проведем отпуск со спокойным сердцем и во время отпуска забудем о всем, что сейчас приходится переносить. С отпуском дело обстоит так:

1. худший вариант: в августе мы едем на две недели в Одессу, потом возвращаемся в Москву. В сентябре ты едешь в подмосковный санаторий, а я возвращаюсь на работу и, примерно, в декабре месяце использую остающийся мне месяц для санатория.

2. хороший вариант: мы едем в августе в Одессу, а сентябрь проводим в санатории под Москвой.

3. лучший вариант: мы едем путешествовать во Львов и дальше, а в сентябре вместе отдыхаем в санатории.

Вот три варианта. Будем надеяться на лучшее, но подготовимся и к худшему. В конце концов, и этот худший вариант не столь уже плох, а сказать откровенно, и он достанется не без труда.

О себе мне нечего писать. Работа моя идет вполне удовлетворительно, но мне сейчас не до того, чтобы о ней писать, так же как и тебе читать об этом.

В Москве очень сильная истощающая жара. Хочется в такие дни особенно сделать вылазку в пригород. Пока что не удается.

На службе тихо. [Шейнман²⁰³ ушел в отпуск. В конце месяца в отпуск уходит Бонч.] Вообще же настроение неважное. Была минута, когда показалось, что в лице В. Д. имеется какая-то внешняя опора, практическая и моральная. Но эта минута прошла, она казалась, а за ней не оказалось почти ничего. Среди окружающих В. Д. противоречий спасти его может только одно: искусство лавирования. Но это искусство требует всемерного напряжения нервов. Этих сил у В. Д. хватает теперь только для того, чтобы держать на поверхности свой собственный корабль. Правда, то и дело он наталкивается на камни, кое-где, местами дает течь, все глубже с годами становится осадка этого корабля. Надеюсь, он протащится столько, сколько ему уготовит судьба, но надо понять, что такому кораблю не до пассажиров. Вот почему мне хотя и бывает обидно, но я все понимаю и в конечном счете у меня нет по отношению к В. Д. слов осуждения. Просто он исеяк, а когда человек исеякает, то естественно, если показывается душевная мель (хуже если не мель, а мелочь!).

Еще раз: надеяться надо на самого себя, а чтобы большего достигнуть, надо ничего не бояться.

Любимая деточка, скоро будем вместе!

Саня.

№ 283. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

28.VII.47 г.

Родная Наталинька,

провел первые два дня в Москве. Снова то же самое. Как это все-таки утомительно – бездомность! Мечтаю хотя бы на месяц вырваться из этой обстановки. [Сообщили ли Розентали²⁰⁴, что-нибудь новое о львовских перспективах?]

Был в субботу у Вл. Дм. Опять-таки все одно и то же. Он заботится о себе самом, а обо мне, постольку, поскольку это совпадает с его собственными интересами. Он все же душевно не тонкий человек. Опыт жизненный, размах в работе, практическая энергия, природный ум, личная честность. Все кажется хорошо, а все-таки не получается главного: человека не получается. Часто я сопоставляю с ним в уме Н. П. У Н. П., конечно, нет такой огромной активности, выраженной во вне, да, может быть, и кое-каких других качеств, присущих В. Д., но у Н. П. имеется принципиальный критерий в жизни, огромная внутренняя собранность, кото-

²⁰³ Шейнман Михаил Маркович (1902–1977) – доктор исторических наук, мой сослуживец по Музею истории религии АН СССР в Москве.

²⁰⁴ Розенталь Клара Михайловна – доктор мед. наук; Розенталь Соломон Кондратьевич – доктор мед. наук, профессор.

рые делают его душевный мир неприступным для любого натиска, какой бы он ни был силы и откуда бы ни происходил. Я знаю, что В. Д. думает о своем будущем. Он собирает и хранит огромные материалы, связанные со своей долгой жизнью, – это полезно и нужно, кусок истории, весьма интересный и достойный долголетия. Но все эти груды архивов недостаточны, если под ними захотят скрыть свое настоящее, если многописанием захотят уверить потомство, что у автора имелась душа, тогда как, если она и имелась, то уже давно устала и склонилась и поступила на мелкую казенную службу. Нет, не хорошо. Я за многое благодарен В. Д., но общение с ним не обогатило ценностями мои представления о нравственном. Вообще же это очень сложный вопрос и, может быть, скоропалительно с моей стороны делать заключения без учета сложной совокупности биографических и исторических данных.

Вчера я ездил к Шейнману за город. Отдыхал. Но воздух меня утомял, а на обратном пути пришлось выстоять в поезде свыше часа в давке и духоте. Вернулся усталым. [С 1-го я сговорился с Шейнманом, что буду приезжать к нему на дачу через день: мы будем чередоваться с ним на службе.]

Вот пока и все.

Ты сама понимаешь, что я очень волнуюсь за тебя. Ты все же очень еще слаба, Наталинька. Если к этому всему ты и сама за собой не следишь, то может случиться, что ты не соберешь сил ни для доклада, ни для поездки на юг.

Жду твоих писем, целую, начинаю считать остающиеся дни разлуки.

Твой Саня.

Посылаю письмо Ерошина.

№ 284. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

7.VIII.47 г.

Родная моя Наталинька,

не писал тебе потому, что был до головокружения занят служебной суетой. На следующий после отъезда Владимира Дмитриевича день мне было предложено ликвидировать музей вместе со штатами, имуществом и проч. Было бы очень скучно перечислить все хлопоты, которые пали на мои плечи: от переговоров с ЦК до устройства уборщиц включительно. Включение в Институт истории проводится весьма ограничительно: состав включаемых регулируется всякими инстанциями, академическими и неакадемическими. Все это стоит огромных усилий, сопряжено с напряжением нервов, и выручает, кажется, одно только то, что я устал уставать. Во всей этой сутолоке, конечно, самым прискорбным является отсутствие Вл. Дм. Правда, я с ним уже связался, и он прислал письма и телеграммы, но это недостаточно полноценно. Тебя, вероятно, интересует моя судьба: Греков, у которого я был на даче, сказал мне, что мое положение совершенно прочно.

Я продолжаю ночами и урывками доделывать свою работу: нашел еще кое-что очень для меня важное. Кажется, из этой работы: учение о самовластном человеке, вытечет и следующая, которую примерно можно будет назвать: учение о правде (из истории гуманистических идей на Руси в XV и XVI вв.). Это тоже совершенно ново, очень интересно, поучительно с точки зрения гражданской и вдохновляюще. Буду советоваться с Н. П., который первый привлек мое внимание к этому вопросу.

Пишу я сейчас, находясь в рукописном отделении о. Румянцевского. Сейчас закончу письмо и примусь за рукопись, а потом через часа 1½ побегу в другой архив, где я считываю со своей сотрудницей текст рукописной библии 1499 года, т. н. Геннадиевской. Затем пообедаю и пойду в Музей, а часов с 5–6 буду заниматься в Исторической библиотеке вплоть до закрытия. Таков мой сегодняшней план, если только его не нарушат всякие административные нужды. Получил твою телеграмму. Жаль, что не удалось со Львовом. Я думаю, что мы получим на

сентябрь две путевки в Болшево. Когда съезд? Я хотел бы поехать в Болшево с 15/IX по 15/X, а с 27/VIII по 15/IX побывать в Одессе и, может быть, совершить какую-нибудь экскурсию по Черному морю, а также поесть вдоволь фруктов и овощей, да пописать стихи, которые отдельными строчками сами уже пробиваются сквозь меня наружу.

Будь же здорова, моя родная. Приезжай в Москву, как можно раньше. Мы будем жить эти дни за городом, на красивой даче у Шейнмана, который нам предоставляет отдельную комнату, а в дни заседаний ты будешь ездить в Москву, а я тебя провожать.

Целую крепко, любимая и родная. Тв. Саня.

№ 285. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

22. X. 47 г.

Родная моя Наталинька,

все эти дни думаю о тебе, как хотел тебе позвонить, но не имел самой элементарной к тому возможности. Как ты устроилась? Все ли благополучно? Не холодно ли тебе? Наверное, ты широкой рукой проматываешь летнюю поправку. Надеюсь, что у тебя были светлые минутки, когда ты появилась в Институте. У меня довольно безотрадно. Живу я в Музее. [Не говори этого Манечке и Еланчикам.] Анна Семеновна фактически отказала мне в жилье. Повидимому, не удастся и прописаться у нее. [Владимир Дмитриевич, оказывается, настолько на поводе у своей «Салтычихи», что не может противодействовать ей. Он мне бормотал какие-то жалкие и беспомощные объяснения о том, что к нему приехала сестра Ан. Семен. и брат Анны Сем., и жена брата Анны Семен., и одним словом, весь выводок Анны Семеновны. Я его избавил от необходимости объяснять и сказал, что переезжаю в Музей, где мне даже удобнее. Однако в Музее заболел гриппом – было холодно, нездоровится и сейчас, хотя уже топят и стало теплее. Денег займы он мне не дал, хотя и обещал и сам даже предлагал. На мою просьбу он ответил, что поговорит в Гослитмузее, чтобы мне заплатили... за декабристов. Когда это еще будет?!

Как же все-таки Вл. Дм. не считается с насущными требованиями жизни своих сотрудников, с их самолюбием. Зачем эти обещания, добрые порывы, весь этот филантропический фасад. Анна Семеновна дирижирует, декорация взвивается вверх и на сцене остается невольное хамство. Обстоятельства, и только они, заставляют меня держаться В. Д., но если они хоть сколько-нибудь изменятся, я, конечно, поступлю по своему свободному чувству.]

Я сейчас энергично взялся за устройство комнатных дел и уверен, что сниму комнату для нас обоих. Есть возможность, и как будто реальная, обменять твою ленинградскую комнату на Москву. Вчера я смотрел эту комнату. Она в деревянном доме, первый этаж, 10 метр., квадратная комната, коммунальная квартира, грязная и темная, печное отопление (хорошая голландка в комнате). Вообще комнату можно привести в порядок. (В районе моей службы, на Самарском пер.). Если ты согласна, то молнируй мне (в Музей) и немедленно получи в Ленинграде разрешение на обмен. Это надо сделать сверхсрочно, т. к. женщина, которая меняет, пробудет в Москве до праздников. Если ты не согласна, то все равно получи это разрешение. Займись этим вплотную, все отложив. Мое мнение такое, что комната эта нас не устраивает, но, может быть, взять ее, привести в порядок, прожить, сколько проживется, и иметь основу для обмена на лучшую комнату в Москве с приплатой.

Вот и все мои обстоятельства и дела, родная моя Наталинька. Понемногу втягиваюсь в работу. Подарил Николаю Павловичу все (почти) свои стихи. Мне очень интересно узнать его мнение. Я тебе напишу. Если до праздников получу гонорар, то приеду в Ленинград, хотя бы ненадолго...

[Сегодня поеду в промтоварный магазин: закажу тебе шубу. Наталинька, договорись пока о длительной командировке в Москву. У меня есть предложение одной дамы сдать большую

и хорошую комнату и кухню, где могла бы жить домработница. Целую деточку мою, ласкаю и люблю.] Саня.

№ 286. Н. В. Ельцина – А. И. Клибанову

24.X.1947

Родной Санечек, пишу тебе на почте. Твое письмо огорчило. Представляю, как тяжело и неуютно тебе жить снова без комнаты.

Из твоего письма многое осталось неясно. Почему такая срочность. Куда уезжает эта женщина? Будет ли она сразу жить в моей комнате? Есть ли водопровод, электричество, кухня, уборная в квартире. Темная ли комната? Или последнее определение относится к квартире, но не к комнате. Мучительно ли будет существование в этой комнате – сырость и т. д. Будет ли этот дом сноситься и когда? Это весьма существенные вопросы – т. к. снова придется менять. Может быть, лучше снять временно комнату, а обмен с доплатой делать окончательно – один раз. Только что сейчас была у Олеси Владимировой – она меняет квартиру из 3-х комнат (Ленинград) на комнату хорошую в Москве. Она мне сказала, что эту комнату может нам сдать, ибо ее мать живет с ней (у нее в Москве квартира из 4-х комнат) и комната будет постоянно свободна. Может быть, ей удастся поменять на квартирку даже (сегодня будет по этому делу один полковник) – тогда можно будет нам одну комнату взять окончательно. Все это выяснится в ближайшие 2 недели, а может быть, и раньше.

Она советует вообще снять комнату и искать обмен окончательный, придерживая комнату в течение года.

Может быть, лучше заняться этим делом серьезно, но не бросаться на первый же случай. Если ты считаешь все же, что в комнате жить будет можно без особых страданий – то я согласна.

Сейчас поеду по поводу разрешения. Нужно будет справку с твоей службы. Может быть, еще какие-нибудь бумаги.

С Олесей буду держать все дни связь.

А что это за комната с кухней временная?

Звони и пиши чаще. Звони лучше всего от 8–9 ч. утра или вечером после 10 ч.

Я простужена все эти дни. Еще не замазано окно. Денег пока не получила и перебиваюсь, одалживая. Постараюсь выслать тебе одеяло.

Крепко, родной, тебя целую и обнимаю, очень тебя жалею и люблю.

Портрет Н. П.²⁰⁵ – очень удачный, надпись трогательная...

[Анна Осиповна прорабатывает тебя и меня с Манечкой – исходя из ряда реплик.

Манечка требует, чтобы я ее «приняла». Сколько мучительных обязанностей – все взвешивается на весах. Как хотелось бы, чтобы больше не было в этом надобности.]

Пиши, родной!

Может быть Вл. Дм. хоть с Зубовым²⁰⁶ поговорит – но по существу – а не формально. Сейчас он морально – это должен сделать – поговори с ним об этом без стеснений – категоричнее.

№ 287. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

28.X.47 г.

²⁰⁵ Имеется в виду не портрет, а фотография Николая Павловича Сидорова, профессора русской литературы. Надпись на фотографии датирована 18 октября 1947 г.: «Дорогому Александру Ильичу Клибанову на добрую память о наших духовных созвучиях и с доброй памятью о постоянном ко мне сердечном внимании».

²⁰⁶ Зубов Иван Васильевич (1899–?) – в те годы – управляющий делами АН СССР.

Дорогая деточка,

вчера получил твой телеграфный перевод, а сегодня письмо, посланное 24-го авиапочтой. Не знаю, чем объяснить такой долгий срок хождения писем, словно это «хождение по мукам». От комнаты я решил отказаться, сейчас начал активно разыскивать площадь для временного жительства. Кое-какие предложения поступают, но чем все это кончится, а главное когда – это сказать трудно.

Зачем ты послала мне столько денег? Ты, наверно, сама осталась ни при чем? Я получу деньги только 3/XI. Если мне удастся (надежды мало), то приеду к тебе на праздники. [Срочно сообщи, цело ли еще варенье!..]

Я еще не втянулся по-настоящему в работу. Кое-что делаю и скоро целиком войду в рабочее состояние. Свою рукопись «Учение о самовластном человеке» отдал на прочтение Николаю Павловичу. Пока что не знаю, какого он мнения о ней. Я подарил Николаю Павловичу почти все мои стихи. Он их прочел, как это в его обычае, весьма внимательно, и они ему не понравились. Он сказал, что как и у Блока, Пастернака и всей этой линии поэзии, так и в моих стихах есть нечто не проясняющее душу, а заполняющее ее неким хаосом чувств и переживаний. Он ценит Пушкинскую кристалличность стиха и отточенность. Он упрекнул меня в недостаточной «возвышенности» стихов, в «сопряжении далековатых понятий» и при том настолько «далековатых», что «сопряжение» их удастся одному только автору. Разумеется, говоря о Блоке и Пастернаке, Н. П. хотел только указать мне избранное мной направление, а не сравнить или поставить меня с ними рядом. Во многом я с Н. П. согласился, хотя и не во всем, и если судьба прольет мне в душу немного мира и света, то писать я буду.

У меня окончательно сложилась тема моей работы. Она будет называться – «Умственные течения в Московской Руси». Я задумал ее в двух книгах: первая «XVI век», вторая «XVII век». Первую книгу я надеюсь закончить в 1948 году и представлю ее в качестве диссертации. В ней будет пять разделов: 1. Учение о самовластном человеке, 2. Учение о самобытии естества, 3. Учение о разуме духовном, 4. Учение о правде и 5. Просветительные движения на Руси в конце XV и в XVI вв. Я считаю, что проделал уже около половины работы.

Напиши мне о себе, своей работе, планах, интересах. Бываешь где-нибудь? Дома играешь ли на пианино? Не забыла ли этюд Скрябина, который мы оба так любим. Мне этой ночью приснилась какая-то мелодия и пела во мне в течение всего сна. Однако утром я ее потерял.

Жду твоих писем, родная, и крепко целую.

Саня.

№ 288. Н. В. Ельцина – А. И. Клибанову

15/XI–47 г.

Родной Санек, пишу тебе наспех – в комнате холодно, нет электричества (уже 2-й день) и свеча догорает. [Я до сих пор не могу собраться с мыслями и чувствами – после тех мучительных часов, которые нам пришлось пережить. Даже не имею сил, чтобы выругаться по адресу Анны Семеновны.]

Поздравляю тебя родной, с прошедшим днем²⁰⁷. Я выпила одна уже три рюмки вина за твое здоровье. Собираюсь осушить весь графин.

Энгельгардт привез мне последнюю американскую книгу по раку и нужно до вторника с ней ознакомиться. Отсутствие электричества просто катастрофично. Он был весьма любезен со мной, хотя я разговаривала весьма вяло. А сейчас не имею возможности ни почитать, ни подумать и все мое хозяйство в ужасном запущении.

²⁰⁷ Имеется в виду день моего рождения – 14 ноября.

[Санечек, родной, посылаю тебе перчатки, говорят, что они теплые. Хочу, чтоб собаченька не отморозила лапки.] Где ты, родной, живешь? Что у тебя нового? [Передай мой привет и благодарность Михаилу Марковичу²⁰⁸ – очень тронута его телеграммой. Пришли мне поскорей адрес Михаила Ивановича и Сиппер²⁰⁹ – я им сразу же отправлю письма.

Сегодня у Трувора не было обеда – керосин кончился, электроплитка не функционирует. Пришла домой в 8 ч. вечера. Трувор пил вино и кушал грибы. Что-то будет?! Скучаю без хозяина.

Мака! Амка! Амка!]

Нужно бежать на вокзал. Целую тебя и обнимаю крепко, крепко. Очень люблю [/люлю/. Трувор]

№ 289. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

26.XI.47 г.

Родная Наталинька,

мне было очень радостно слышать твой утренний трогательный голос весь еще повитый сном. Представляю себе мою родную девочку, теплую и сонную, кутающуюся в свой полинялый халатик и дрожащую от резкого ощущения пробуждения. Целую тебя, дорогая моя, любимая, бедная, верная и преданная. [Я на днях нашел изображение «маленького Трувора» с толстыми ручками и ножками и с таким упрямством в повороте головки... После разговора с тобой я немедленно поехал в лимитный магазин, чтобы успеть к открытию, но увы, он сегодня закрыт, выходной день, поеду завтра. Так или иначе, но обещаю тебе в первой половине декабря прислать зимнее пальто. Мне больно и стыдно, что не удалось этого сделать раньше. Не печалься, доченька моя, перетерпи немного, я обязательно все сделаю в декабре.]

Какие у меня новости? Я целиком забит всяким тесом, лесом, фанерой, гвоздями, вагонами²¹⁰. Конечно, все это я делаю не по собственному желанию. Но выхода иного нет. Раз уже эта возня необходима, то лучше не отравлять себе целого года медленно, а взяться за неприятное дело и завершить его враз. Никакой умственной деятельностью не занимаюсь. Николай Павлович о тебе спрашивает всякий раз. Он сравнительно бодр. Довольно интересно прошло свидание его с В. Д. Об этом я тебе написал целый рассказ и привезу его. Я все же надеюсь, что в конце декабря буду в Ленинграде, хотя теперь это делается все трудней и трудней. Предполагаю получить командировку в Вильнюс, где мне нужно посмотреть две рукописи XVI в., правленные с еврейского. Может быть, при сем что-нибудь организовать, чтобы поехать вдвоем.

Живу вообще очень тоскливо и одиноко. Душа тяжелая, а так как мысли имеют к ней прямое отношение, то и им не хватает сил, чтобы хоть невысоко взлететь с поверхности, – поэтому и не пишу: нельзя же писать, чтобы писать, а чувства хоть и живут, приютившись где-то в далеких глубинах и темных, но не смеют покинуть своего жилища – они просто отвыкают от света.

Пиши же мне ты, родная моя, пусть не будет этих пустот, ненужных и таких безотрадных. Не считайся со мной. Это плохой принцип: «око за око» и «зуб за зуб».

Целую, любимая

Твой всей душой

Саня.

²⁰⁸ Шейнман М. М.

²⁰⁹ Предположительно, речь идет о львовских художниках. – *Примеч. сост.*

²¹⁰ Речь идет о паковке и отправке вещей Московского музея истории религии (бывш. ЦАМ) в Музей истории религии АН в Ленинграде. См. переписку В. Д. Бонч-Бруевича с М. И. Шахновичем и А. И. Клибановым в: *Шахнович М. М., Чумакова Т. В. Музей истории религии АН СССР и российское религиоведение (1932–1961)*. СПб., 2014. С. 299–309. – *Примеч. сост.*

№ 290. Н. В. Ельцина – А. И. Клибанову

30. XI. 47 г.

Родной Санек, получила твою фототелеграмму. Все эти дни я не могла писать тебе. Жизнь складывается из непрерывно сменяющихся радостей, огорчений, разочарований. Всю эту жизненную ношу мы несем каждый отдельно от другого. Разве так можно? Разве может искупить одинокое существование – радость наших кратких встреч. Тем более, ты знаешь, что даже в этих кратких встречах мы не принадлежим друг другу.

Несколько дней пролетают, и я снова стою на платформе и опять пустота, поезд вдали...

Бывают минуты в жизни человека, когда вдруг иначе все оцениваешь, – и у меня был такой момент, когда я остро почувствовала, что не могу жить так, желание быть с тобой неразлучно (все ведь так кратко) стало такой необходимостью, что закрыло все остальное и многое другое показалось мелким и второстепенным.

Как бы ни складывались объективно обстоятельства, ты помнишь справедливость слов Соловьева²¹¹ – судьбу человек делает сам. Я думаю, что вся линия нашей жизни была взята правильно. Ты знаешь, сколько душевных сил было истрчено и есть же плоды всех этих усилий. Они в твоей и моей работе и дальнейших научных планах, они в наших встречах с Ник. Павл., они в наших летних путешествиях и во многом другом.

Но вот идут месяцы, когда я мучительно остро чувствую всю неверность, бессмысленность нашей жизни. Перед нами не «смутная перспектива», а совершенно четкая реальность – наша совместная общая жизнь. Но нужно это сделать и опять тут будут только одни наши усилия. Помощи ждать неоткуда. Ждать тоже больше нельзя. Пусть будет трудно (вместе всегда легче) – но жизнь будет общая. Должно быть четкое решение, а не туманные и неясные разговоры, иллюзии.

Будем вместе, будет и в работе вдохновение – и все будет другим. Мне ничего не жаль – ни Рериха, ни пианино – всего этого можно лишиться – но жизни уходящей безвозвратно – ведь не вернешь.

Работа идет, без особых событий. Дома быт[ь] как-то не налаживается. Несколько дней не было света, чувствовала себя плохо. 14-го декабря – буду делать доклад на сессии Онкологического Института, которая будет в ВИЭМ^е. Придется подумать и поработать.

Санечек, что у тебя? Отчего ты совсем не работаешь научно? Меня это огорчает. Я убеждена, что Шейнман может и должен тебе помочь администрировать.

[Если ты можешь, купи себе два костюма в магазине. Пальто зимнее купить в комиссионном совершенно невозможно – т. к. их совершенно нет. Момент это временный. Пусть хоть у тебя будут костюмы. Вообще выкупи по лимиту, что возможно и без отлагательств. В нашем лимитном магазине – совершенно пусто.]

Когда ты надеешься быть в Ленинграде? Пиши чаще – я очень тоскую без писем и тревожусь без известий.

Целую тебя, Санечек, нежно.

Наташа.

P. S. Моя лаборантка заболела так же, как и ты в Красноярске, – боюсь, что надолго, и я опять без помощи.

№ 291. Н. В. Ельцина – А. И. Клибанову

1947 г.

²¹¹ Соловьев Владимир Сергеевич (1853–1900) – философ.

Родной Санек, не писала тебе вечность. Две недели жила особенно мучительно и напряженно. Думала, что укус завершится заболеванием. На глазах протекала в тяжелой очень форме болезнь лаборантки. Каждый день звонила в больницу – t° высокая, потеря сознания, полная беспомощность окружающих и все кончилось скверно. Что я могла тебе писать? Что у меня нет уверенности, что мы увидимся... Я молчала. На этом мрачном психологическом фоне – готовилась к докладу – это было единственное отвлечение. Сделала его хорошо. Директор сказал мне, что очень ему понравился доклад, но... для него это было трудно – слишком отвлеченно. Хвалили меня за критический разбор работ зарубежных ученых, за поиски нового. Удовлетворения от доклада у меня нет – не для клинической аудиторией он. Не было настоящего понимания и резонанса. Поработала больше для себя.

Вообще же собой недовольна – мало сделала за этот период экспериментально. И все не ладится – опухоли не растут, опять нет лабор. помощи и кое-какие неполадки со здоровьем [на этот раз по линии гинекологии]. Одна надежда, что год скоро кончится – может быть, следующий будет более счастливый и удачный.

Когда ты думаешь приехать? Мне не хочется ехать в Вильнюс. Хотелось, чтобы ты побыл дома. Есть ли что-нибудь новое в отношении комнаты? Или все без реального продвижения.

Надежды на мою командировку в Москву нет никакой. Так что после твоего кратковременного приезда – опять будет разлука. Приезжай, Санек. Если у тебя денег мало – пусть это не служит препятствием. Важно увидеть друг друга – все остальное не имеет никакого значения. В крайнем случае одолжим.

Как твоё здоровье? Есть ли интересное в работе? Как Ник. Павл.? Мне звонила Нат. Вас. – говорила, что очень соскучилась и очень хочет видеть. Но я не была у нее. Я нигде не бываю.

Пиши, звони, телеграфируй! Я очень стосковалась по живому чувству твоему. Есть ли оно?

Целую тебя. Наташа.

Приехал Энгельгардт и Парнас²¹². Последний прочтет здесь три интересных доклада.

№ 292. Н. В. Ельцина – А. И. Клибанову

21/ХП. 47 г.

Родной Санек, пишу тебе несколько слов, остальные скажу, когда мы увидимся. Теперь уже скоро.

Энгельгардт предложил мне написать статью (по материалам старой статьи и последним опытам). Мне нужно поставить 3 опыта на опухолях. Позвони Елене Ервандовне и попроси, чтобы она в день твоего отъезда привезла домой 3–4 крысы с опухолями. Желательно, чтобы опухоли были не маленькие, но и не перезрелые. И ты их захвати. Позвони сразу же, чтобы в лаборатории об этом уже знали.

Три дня подряд слушала доклады Парнаса – очень большое впечатление – настоящий ученый.

Приезжай, родной, поскорее – я уже считаю дни. Крепко, крепко целую. Наташа.

Ты обещал 25-ого?! Я жду!!

[Авиапочтой. Почтовая открытка.

Москва, Каляевская 23. Музей истории религии.

Александру Ильичу Клибанову

Ленинград, 8-ая Советская, 34, кв. 10.

Н. Ельцина.]

²¹² Парнас Яков Оскарович (1884–1949) – академик, биохимик.

1948

№ 293. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

Ленинград, 10.I.48 г.

Родная Наталинька,

мне хочется, чтобы мой привет был с тобою уже в воскресенье.

Очень жду тебя в Москве и надеюсь, что ты в конце месяца приедешь на несколько дней.

Я приложу все старания, чтобы ускорить получение комнаты, а пока снять что-нибудь, чтобы мы могли как можно скорее быть вместе.

Люблю тебя всем сердцем, горячо целую, всегда с тобой.

Саня

Пиши мне!

Не забудь, что я жду от тебя «великих открытий» в биохимии, но и не забывай о «хлебе насущном». С.

№ 294. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

13.I.48 г.

Родная моя Наталинька,

начал опять свою московскую жизнь. Опять сутолока измельчающих музейных дел. Вероятно, это завершится в феврале. Я твердо решил несмотря ни на что двинуть вперед свою научную работу. Надо выправить исследование о самовластии и взяться за написание книги о библии, материал для которой в значительной мере собран.

[В Москве очередные обиды: В. Д. совершил большую бестактность (сам того не желая), на которую я обиделся, но расскажу об этом при личной встрече. Анна Семеновна захотела меня «облагодетельствовать», посоветовав одной из своих приживалок, уезжающей на месяц в дом отдыха, сдать мне на этот срок комнату (в самом деле, зачем же простаивать площади). Не знаю, обещаны ли были А. С. комиссионные. Всякие другие обстоятельства по работе выводят из себя. В общем скверно.]

Вчера был у Н. П., он уже продолжительное время болен. Меня к нему не пустили. У него воспаление уха и носоглотки. Очень мучается. Температура утром нормальная, вечером до 40°. Семья его нерасторопна до бескультурья. Его лечил едва ли не врач квартирной помощи. Только вчера был какой-то профессор, посланный одним из аспирантов Н. П. Сегодня опять будет. Я уже связался с В. Д., надеюсь, он как-нибудь поможет. Эти дни я у Еланчиков, т. к. музей весь забит вещами. Сегодня пойду по одному адресу снимать комнату. К Зубову соберусь в лучшем случае завтра. У Пинеса постараюсь быть сегодня. Вчера вечером и сегодня с утра читал, по просьбе В. Д. статью (50 стр. печ. текста, верстка) некоего Чичерина (внук знаменитого историка) об одном рукописном сборнике XVIII века и написал о ней небольшой отзыв. Вчера же был в Институте истории на Ученом совете, где обсуждался годовой отчет Института. Вот и вся (в главном) моя деятельность за первые два дня московской жизни. Конечно, мне очень грустно, одиноко и сиротливо без тебя. Жду твоего приезда в конце января и переезда в феврале. Последнее выяснится, если сниму комнату.

Пиши мне. Очень беспокоюсь за твой неорганизованный быт. Постарайся все-таки поднять дрова в квартиру.

Жду писем, жду тебя, нежно целую, моя родная и любимая.

Саня

№ 295. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

15.I.48 г.

Родная Наталинька,

пишу между делами на службе, потому что хочется послать тебе несколько приветных слов, а времени для обстоятельного письма нет.

Только сегодня пойду к Пинесу. Дело в том, что Шейнман болен еще с 27.XII.47. сердечной болезнью и мое ежедневное присутствие в Музее необходимо. Свободные минуты у меня ушли в эти дни на некоторые хлопоты в связи с болезнью Николая Павловича. У него общее воспаление верхних дыхательных путей и было подозрение на воспаление среднего уха. Температура к вечеру повышается до 39°. Воспаление сопровождается мучительной болью в ухе. Н. П. требует, чтобы ему сделали трепанацию черепа. Вчера у него был хороший специалист врач и сказал, что никакой трепанации не нужно. Сегодня Н. П. чувствует себя намного лучше, даже говорит. Я у них бываю, но Н. П. ни разу не видел.

Ходил по одному адресу насчет комнаты, но безрезультатно. Сегодня В. Д. вновь позвонит в Академию по моему жилищному вопросу. Вот и все почти дела. Написал небольшое письмо Нат. Васильевне. Сегодня отошлю. Ты уже знаешь, вероятно, о трагической гибели Михоэlsa при не совсем ясных обстоятельствах. Жду писем. Крепко целую. Жду встречи в конце января.

Саня

№ 296. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

16.I.48 г.

Любимая моя деточка,

сегодня был с твоим письмом у А. И. Пинеса. Посидел с ним около получаса, занимал его всякими мелочами, которые он всегда охотно слушает, и оставил его с ощущением удовлетворения от беседы – так что просьба твоя ему не показалась обременительной и он, конечно, ее исполнит.

Только вчера писал тебе и за прошедший день ничего существенного не набежало. Исполдволь занимаюсь своей работой о библиях. Отчасти потому что загружен административными заботами и необходимостью ежедневно бывать в музее, отчасти из-за снизившейся работоспособности. Живу сейчас у Еланчиков. Все же бытовая обстановка в квартире у них довольно культурная, но условий для отдыха и занятий на дому у них нет, а может быть, и есть, да я не решаюсь делать излишних стеснений. Когда, наконец, мы будем вместе, то лучше пойдет и наша работа. Вопрос об академической комнате, как снова мне подтвердили, будет решаться через два месяца. Опыт говорит, что сроки эти подвижные, хотя и в одну сторону: к затягиванию. Поэтому нам нужно временно устраиваться вместе и вместе добиваться сокращения сроков в получении постоянной комнаты. Может быть, завтра я договорюсь окончательно с одной симпатичной старушкой, у которой мы могли бы вместе поселиться и которая бы обслуживала нас во всех наших бытовых нуждах. Как временное состояние это не так уже плохо. Если договорюсь, сразу же напишу, а во время твоего пребывания в Москве мы окончательно решим, когда ты переедешь.

Больше пока не о чем писать. Сегодня был на выносе тела С. М. Михоэlsa. Гибель его встретила живой отклик. Вчера у Еврейского театра выстроилась большая очередь желавших проститься с прахом покойного. Анатолий Моисеевич рассказывает, что надо было простоять свыше трех часов, чтобы в порядке живой очереди попасть в здание Еврейского театра.

Вынос тела состоялся сегодня. Он был назначен на три часа дня, но уже в два часа у Никитских ворот собралась трехтысячная (на глаз) толпа в ожидании выноса. Ввиду такого скопления народа милиции пришлось со всех сторон оцепить М. Бронную улицу, где находится Еврейский театр. Толпа терпеливо ждала. Около половины четвертого с М. Бронной к Никитским воротам выехали одна за другой пять грузовых машин с венками, за ними голубой автобус с окнами, задрапированными красными полотнищами, а за ним еще до пятнадцати автобусов с лицами, приглашенными и допущенными провожать умершего в крематорий. Так внешне прошла эта церемония.

Вот пока и все. Сейчас уже девятый час вечера. Заниматься сегодня не буду. Утомился. Поеду к Еланчикам, поужинаю, чем бог послал, да лягу спать. Лили уехала на месяц в санаторий. Миша, как всегда, поздно возвращается. Таким образом, общество Анны Осиповны это единственное, чем я теперь располагаю в этом доме.

Положение Н. Пав-ча продолжает оставаться серьезным. Бывают просветы, но лишь на несколько часов.

Пиши мне, Наталинька, горячо и нежно целую.

Саня

№ 297. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

Москва, 21.I.48 г.

Родная Наталинька,

пользуясь Юриным приездом для того, чтобы передать тебе несколько слов, а заодно дать лишний повод тебе навестить Юру и Иду.

Я почти договорился о найме комнаты. На днях напишу, как только выяснится окончательно. Договаривался о нас обоих. Надежда на свою комнату есть, я еще раз говорил в Академии. К 1 марта (есть уже приказ) переводят в Ленинград шесть институтов Академии Наук. В связи с этим имеются перспективы на площадь. Буду держать под пристальным вниманием все эти вопросы, чтобы ничего не упустить. Очень жду твоего приезда. Крысы заказаны!

Я изрядно занимаюсь, хотя до 15/II хлопоты мои административные будут продолжаться. К 15/II все должно кончиться и я надеюсь целиком обратиться к своей работе. Получается кое-что интересное – напал на след фактических связей итальянского гуманизма периода Петрарки – Боккаччо с русским свободомыслием той эпохи. Еще не знаю, сумею ли все должным образом обосновать. Не хватает нескольких промежуточных звеньев, но уже концы цепи обозначились на юге и на востоке. Остающиеся промежутки пока намечены пунктиром, но буду рыть и рыть факты, пока не обнажу и не вытащу недостающих.

Родная, целую крепко, жду твоих писем и тебя!

Саня

[Миночка (я сижу сейчас у нее) шлет свой привет.]

№ 298. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

22 янв. 48 г.

Наталинька, родная,

вчера отправил с Юрой тебе письмецо, завтра pošлю письмецо с Еленой Ерванд., а в промежуток пускаю вот эту открыточку с единственным желанием передать тебе привет самый сердечный. Сегодня нерабочий день, библиотеки и архивы (увы!) закрыты. Я решил отдохнуть, зайду к Моисею Матв. Рубинштейну, к Перуцким, а вечером, если где-нибудь найдется хороший концерт (только музыка), то пойду послушаю. Пишу тебе часто, от тебя еще ничего

не получал – вероятно, ты очень занята. Будь здорова, родная, крепко и горячо целую. Жду нетерпеливо.

Саня.

№ 299. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

Москва, 23.I.48 г.

Родная Наталинька,

только что звонил к Ел. Ерванд. в надежде передать для тебя письмо, но узнал, что вчера она выехала в Ленинград. Произошло какое-то недоразумение. Я ее встретил на днях на улице и понял ее так, что она 23-го уезжает. Очень досадно, что так получилось. Почему-то в последние дни я стал сомневаться в реальности твоего приезда в Москву в начале февраля. Ел. Ерв. сказала, что повезет тебе животных, и я опасаюсь, что это обстоятельство сделает ненужным твою поездку. Если это случится, я буду очень огорчен.

О чем тебе написать? «Горестные заметы сердца» одни и те же – продолжающаяся наша разлука, а «ума холодные наблюдения» более разнообразны. Я тебе немножко писал в письмеце, отосланном с Юрой, что строю мост между русскими просветителями XIV века и их итальянскими современниками – Боккаччо, Петраркой, Перуджино. Правильнее было бы сказать не строю, а восстанавливаю. Испытываю (это уже чтобы соответствовать духу времени) недостаток в строительных материалах. Отечественных материалов маловато, а за византийские надо платить таможенный сбор: знать греческий. Приходится туговато. Много работаю и кое-какие результаты налицо. Жду с нетерпением выздоровления Ник. Пав-ча, чтобы познакомиться его со своими разысканиями. Его состояние не ухудшается. Как я и говорил уже дней 10 назад его близким, дело оказалось не в болезни уха и носоглотки, а в очередном приступе его болезни – хронического сепсиса, который лег на верхние дыхательные пути. Вчера с помощью Вл. Дм. удалось достать 1 млн единиц амер. пенициллина и вчера же приступили к инъекциям. Хочется верить в то, что это поможет. Очень раздражает нерасторопность его семьи, которая долго пробавлялась услугами врача из кварт. помощи, затем лечением ушников вместо того, чтобы сразу привлечь и ушников и солидных терапевтов. Сказывается какая-то культурная неполноценность. Когда вчера вечером я позвонил его сыну (генетику), то имел место след. диалог: В. – как поживает Н. П-ч.? О. – да плохо! В. – что же ухудшилось. О. – Да вот достали только половину необходимого количества пенициллина... Ну да хватит об этом. Вчера я сибаритствовал, как я тебе уже писал в открытке. Вечером был у своей кухни Люси. Хорошо провел время. Читал Омара Хайяма, китайцев, а муж ее (очень серьезный пианист) играл Скрябина и, по моей просьбе, его opus 8, которым мы так увлекались летом 1946 г. в Валентиновке. Он сыграл его очень драматически, а я наслаждался и грустил из-за неразделенного (тобой) впечатления. Музыкальная семья. Люся тоже преподаватель консерватории по классу рояля и очень оживает, когда разговор переходит на музыкальные темы. Они очень хотят скорее с тобой познакомиться.

Наталинька, сегодня уже 11 дней со времени моего отъезда из Ленинграда, а от тебя нет ни одного письма. Не увлекайся работой с таким большим для меня ущербом. Очень жду твоих сообщений о результатах и путях твоей экспериментальной работы. [Удалось ли тебе переделать платье?] Очень жду твоих писем и больше всего жду твоего приезда. Приезжай, родная, скорее. Люблю, твой Саня.

№ 300. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

Москва, 24.I.48 г.

Родная Наталинька,

только сегодня получил твое первое после моего отъезда из Ленинграда письмо. Ты писала в адрес Музея, но 21-го, когда пришло письмо, Музей был уже закрыт, 22-го был выходной день, 23-го я работал в архиве и не был в Музее и только сегодня, наконец, письмо до меня дошло. Я сейчас не живу в Музее – поэтому лучше пиши мне по адресу Анны Осип., а если тебе не хочется пользоваться ее адресом, то пиши – Главный почтамт, до востребования. Мне очень грустно, что у тебя такой хаос дома. Я уверен, что ты не все мне и написала. Должно быть, ты очень плохо питаешься, выбилась из всякого режима отдыха и сна и быстро идешь к растрате и опустошению нервных и физических сил. Вдумайся в то что я тебе пишу: это большая беспечность с твоей стороны так к себе самой относиться. Неужели твое будущее, ближайшее даже, тебе безразлично. Неужели ты пренебрегаешь возможностью спокойной и тихой нашей жизни вдвоем (это теперь очень близко) и хочешь омрачить, хочешь прийти к финишу обессиленной. Должна же быть какая-нибудь организация жизни. С большой горечью читал твое письмо.

Сейчас пойду на почтамт звонить тебе по телефону. В понедельник (26-го) приедет Вл. Дм. с дачи, и мы будем продолжать наши переговоры с Академией по поводу комнаты. На этот раз у меня есть уверенность, что результат будет, хотя ручаться за то, что это будет в феврале или марте, нельзя. Надеюсь, что в феврале ты не только приедешь, но и переедешь (в конце) в Москву. Будь здорова, моя непослушная девочка. Радуюсь и горжусь твоими успехами.

Саня

№ 301. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

25.I.48 г.

Родная моя Наталинька, пишу едва ли не ежедневно и, вероятно, ты уже равнодушно относишься к моим письмам. Я сужу об этом по твоим редким ответам мне. Сегодня воскресенье. Весь день я провел в исторической библиотеке. Читал Веселовского – Боккаччо, его среда и сверстники, а во вторую половину дня разные книги богословско-философского содержания, от которых «ум заходит за разум». От всего этого моя работа выиграет, но и задерживается этим. Хотя я и продолжаю накапливать материал для книги о библиях и, если говорить о рукописных данных, то уже собрал их на четыре пятых, но к оформлению темы и к изучению литературы еще не приступил. Будет хорошо, если удастся закончить эту работу к маю. Если же это удастся, то тем самым две трети моей диссертации будет завершено. Я решил несколько сузить текст: не «умственные течения в Московской Руси, ч. I-[а]я XVI век», как я предполагал раньше, а «Гуманистические и реформационные идеи в Московской Руси в XVI веке». Разница та, что учение «о самобытии природы» и учение «о правде» сюда не войдут. Диссертация будет состоять из трех частей: 1. Учение о самовластном человеке, 2. Учение о разуме духовном и 3. Просветительское движение в XVI веке. Первая часть будет закончена в ближайшие 10–15 дней, вторая, надеюсь, к маю, третья (постараюсь) к октябрю. На этот раз летом придется взять отпуск месячный, а второй месяц будем отдыхать зимой, после того как пройдет защита. Вот какие у меня планы. А твои планы каковы? Комнату у старушки мне не хочется снимать – слишком мало удобств. Буду держать эту возможность в резерве и займусь подысканием лучшего. Твой переезд в Москву крайне и просто жизненно необходим нам обоим. Через Академию можно обменять комнату, но тут надо действовать очень активно. Я уже настроился на этот лад. Уверен, что при твоём присутствии мы бы все это сдвинули вдесятеро скорее. Приезжай в начале февраля, как ты обещала, обо всем договоримся и займемся практически организацией твоего переезда – на худой конец в старушечью комнату, о которой я тебе писал.

У Ник. Пав-ча температура установилась нормальная – результат пенициллиновых инъекций, но он настолько ослабел, что не может говорить.

Вот пока и все. Кажется, получилось письмо довольно бессодержательное и похоже на предыдущее. Впрочем, если оно схоже с другими по выраженной в нем тоске по тебе, пусть так и будет. Это чувство усиливается и крепнет – очень хорошо, – это живой голос внутренней нашей неотделенности, общности, который требует совместности и во внешней жизни. Все это признак (острота тоски по тебе) душевной зрелости – движения вперед. До скорого свидания, любимая. Боюсь, как бы мои заключительные строки не показались тебе отзвуком тех «богословско-философских занятий», от которых, как я написал выше, «ум за разум заходит». Но для меня эти строки живая жизнь, как и для тебя, конечно. Целую, родное мое маленькое, беспомощное, любимое существо.

Саня

Написал письмо Нат. Вас. Толстой. Ответа не получил. Обижен.

№ 302. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

27.I.48 г.

Родная Наталинька,

вчера не писал, т. к. был очень занят: много работаю над рукописями и даже не без огонька. Поздно вечером зашел к Н. Пав-чу. Его не видел. Ему немножко лучше. Затем был у художников и остался у них ночевать. Сегодня с утра поехал на работу, а сейчас снова к рукописям. У нас в Москве будут исполняться «Колокола» Рахманинова. Я взял себе билет на 30-ое янв. 29-го выступает Образцов, если удастся, то может быть пойду. Слышно ли у тебя что-нибудь нового – я имею в виду командировку? Как работа? Не удалось ли тебе купить галоши?

Пиши, приезжай! Крепко целую. С.

№ 303. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

Москва, 28.I.48 г.

Ласковая моя девочка,

вчера отослал тебе телеграмму в ответ на твое письмо от 25-го. Оно меня обрадовало душевным теплом, которое оно излучало, и хорошим состоянием твоего духа. Я тоже верю, что у тебя накопилось много мыслей и опыта для того, чтобы перешагнуть какой-то порог в твоих исследованиях. Ты это, конечно, сделаешь. Большая страсть всегда вознаграждается. Я очень в это верю. Пусть тебя не смущает самореклама некоторых твоих коллег. Не надо, во имя большого самолюбия, тратить внимания на треск и суету, питающие мелкое. Как об этом говорит древнерусская письменность, «и память их погиге с шумом». Я думаю, что бог удачи, которого ты призываешь, снизойдет. Я думаю, что он снизойдет тогда, когда мы устроим нашу общую жизнь и не будем расстрчивать себя, своей души на одиночество, тревоги, сомнения. К сожалению, это придет не сразу. Комнату, о которой я писал, я пока не снимаю. Подожду тебя. Посмотрим и подумаем. Уж очень там много неудобств. Имею ее пока в запасе и ищу новых возможностей. Что касается академической комнаты, то она будет. Все зависит от срока перевода институтов в Ленинград. Он определен на 1 марта, но, конечно, задержки вероятны и даже неминуемы. Нам надо перебиться некоторое время. Каковы бы ни были неудобства, связанные с этим «перебиванием» (какое ужасное словообразование!), они будут с лихвой перекрыты нашим общением. Я много и довольно успешно занимаюсь. Результаты работы я еще никому не показывал, но, кажется, мне удалось показать и доказать, что фигуры Петрарки и Боккаччо, а с другой стороны Федора Курицына, протопопа Алексея и др. понятиы не только общим, но и одним и тем же, тем же самым потоком культурно-исторического движения. Границы этого движения оказываются не только очерченной западной, южной и срединной Европой, но простираются и на европейский восток и останавливаются только у границ Азии. Речь,

следовательно, идет не о наличии изолированных и сосуществующих лишь во времени очагах новоевропейской, т. е. гуманистической культуры, но и о цепной связи их друг с другом и активном живом обмене веществ между ними. Это и есть мой вывод в самом широком, но потому и в самом неопределенном выражении. Самая же мысль принадлежит не мне, она принадлежит Николаю Павловичу Сидорову, который советовал мне поискать среди умственных течений Византии источников одинаково «напоющих» (др. русск. слово) гуманистическую мысль Мирандолы и русских свободомыслящих XVI века, что я и сделал. Его здоровье плохо. Хотя температура под влиянием пенициллина упала, но головные боли продолжаются почти что с прежней силой, а физическая слабость не дает ему говорить. Все же 25 с[его] м[есяца] Николай Павлович продиктовал дочери и просил передать мне: «Сегодня, первый раз, сквозь всю головную боль, прорвалась мысль о протопопе Алексее и др. как мне показалось (дейтелей?) крупного национального и исторического значения. Больше объяснить сейчас не могу». Мне больно до слез...

Целую тебя, родная Наталинька. Пиши! Приезжай! Жду!

Саня

№ 304. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

30.I.48 г.

Родная Наталинька,

вчера как-то нелепо сложился день – не удалось тебе написать. Хотя мои служебные обязанности сокращаются в связи с тем, что в ближайшие дни мы завершим упаковочные работы, но возникают всяческие новые хлопоты. Дело в том, что в связи с освобождением нами занимаемого помещения Академия Наук не имеет никакого другого помещения, которое она могла бы нам предоставить взамен. В работе нашего отдела никто не заинтересован, кое-кому он колет глаза и шокирует, особенно своим прошлым, и вот возник проект о переводе нас в Ленинград. Проект этот, конечно, никого из нас не устраивает и дело это может иметь для всех нас далеко идущие последствия. Поэтому вновь письма, переговоры, беготня. Шейнман болен, у него чуть ли не инфаркт. Вл. Дм. так устал от всех дрызг и хлопот, что не проявляет должной энергии, и мне опять приходится вертеться волчком, позабыв о связях Петрарки и Боккаччо с русскими свободомыслящими. Да, «покой нам только снится».

Ты же не принимай слишком близко к сердцу эти обстоятельства. Я в Ленинград не поеду и так или иначе останусь здесь, в Академии или где-либо в другом месте, не знаю, но скорее всего в Академии, где ко мне все хорошо относятся и ценят.

Каждый вечер, возвращаясь домой, смотрю на полочку, куда кладут адресованные мне письма, но полочка пуста, и мне становится пусто и не по себе.

Будь здорова, родная. Целую тебя нежно и много.

Сегодня иду в консерваторию слушать «Колокола» Рахманинова. Иду один и с болью буду ощущать твое отсутствие. Целую еще и еще. До следующего письма.

Саня

№ 305. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

Москва, 1 февраля 48 г.

Родная Наталинька,

сегодня опять неудачно пытался связаться с тобой по телефону. Звонил примерно в 1 ч. 30 м. дня и никто не подошел на мой звонок. Вечером опять пойду на почтамт, авось на этот раз вечер окажется мудренее утра. Пока же продолжу письмо, вчера отосланное неоконченным. Я возвращаюсь к беседе с Николаем Павловичем. Уже когда я уходил, он обратился

ко мне довольно для меня неожиданно: – «А я-то собирался Вас ругать, ну и ругать, да вот болезнь помешала». – «За что, Николай Павлович?» – «Во-первых за резкость, за пыл, вы вот так и рветесь в бой, например, ваше письмо о Тихомирове²¹³, если вы не убрали тех мест, которые я не мог принять, то что же получилось. Жаль, что нет с вами Натальи Владимировны, она бы осадила вас». – «Я убрал эти места из письма». – «Ну и хорошо сделали. Да ведь я вам скажу, что Тихомиров даже поступил благородно вот в том случае, когда отверг вашу статью. Он, вероятно, защищал своего покойного учителя Голубинского²¹⁴, о котором Вы, небось, понаписали критику». – «А еще за что ругаете, Николай Павлович?» – «Ну уж это совсем интимное, только не обидитесь?» – «Нет, конечно». – «Вам не надо писать стихи. Я старался припомнить как-то то, что Вы написали, ничего не мог вспомнить. У ваших стихов нет устойчивого бытия. Они мимолетны, не остаются. Помните у Фета, – Николай Павлович процитировал на память стихотворение, я его не помню о листке засохшем, упавшем, но преданном вечности в песнопеньи, – или вот у Пушкина – «В багрец и золото одетые леса»! Это вечно. А вы, очевидно, подпали под влияние этого, как его, Наталья Владимировна у меня о нем спрашивала?» – Пастернака? – «Да, Пастернака».

В это время Елизавета Феофилактовна принесла мужу тарелку бульона, от которого пахло морковью и болезнями далекого детства, я ретировался, чтобы больше не утомлять Ник. Павловича, и тем беседа наша была закончена.

Накануне я был в концерте. Слушал Чайковского, первый концерт для фортепьяно с оркестром, затем рахманиновские «Колокола». Я пошел, откровенно говоря, из-за последнего. Но впечатление было неожиданным: концерт Чайковского был и остался чудесным (пример «устойчивого бытия»), а «Колокола» я так и не принял. Не люблю церковщины в искусстве. Мне понятны религиозные мотивы в музыке, настроения чистой веры очень проникновенны, но только не церковщина, не внешний ритуал. Вещь живописная, хорош низкий нарастающий гул большого колокола, но даже в живописи мы ценим как раз ее музыкальность, певучесть линий и т. д., а в музыке тем более нужна музыкальность, а не живопись, которая делает музыку натуралистичной. Да и самая идея (не знаю, так ли понял ее?), что вся жизнь наша от свадьбы до похорон проходит под перезвон церковных колоколов, меня не привлекает. Эта философия мелка. Впрочем, я в музыке дилетант и поэтому проще скажу: музыка «Колоколов» меня (за исключением немногих мест) не захватила.

[Сегодня звонил к Елене Ервандовне. Она сказала, что почти не видела тебя, уехала с тобой не простившись. Отчего это так? Я надеялся получить с ней привет. Как же ты, дорогая моя девочка.] Когда я увижу тебя? Приезжай, я буду за тобой ухаживать. Люблю тебя нежно, нежно. Саня.

№ 306. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

2.II.48 г.

Родная Наталинька,

в ожидании твоих писем очень тревожусь. Сегодня добился разговора по телефону после 3-х неудач и лишь на четвертый раз. Очень волновался. Вопрос о переводе сектора как будто улаживается в желательном для нас направлении. Только что перевел тебе по телеграфу деньги. Обязательно подтверди получение. Целую крепко.

Жду восьмого в Москве!

Саня

²¹³ Тихомиров Михаил Николаевич (1893–1965) – академик, историк.

²¹⁴ Голубинский Евгений Евсигнеевич (1834–1912) – историк церкви.

№ 307. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

18.II.48 г.

Родная Наталинька,

шлю тебе вдогонку письмо. Уже грущу. Как-то жаль, что время, которое ты провела в Москве, прошло во всяческих делах и спешке и мы, в конечном счете, мало видались. [Сегодня я не ходил в Музей. Был утром в бане и великолепно вымылся, а после со вкусом пил пиво. Дальше поехал в рук. отделение.]

№ 308. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

19.II.48 г.

Родная Наталинька,

открываю этой открыточкой новую полосу нашей переписки. Темпа прошлой полосы ты явно не выдержала, посмотрим, что будет сейчас.

Мне уже грустно. Впрочем, это все одна и та же грусть, которую не может смыть кратковременное свидание, сокращенное к тому же всяческой деловой суетой. К сожалению, мои хлопоты по организационным делам сектора истории религии продолжаются. Это становится моей драмой. Я занимаюсь всем, только не тем, чем я нужен другим и себе. Жду твоих весточек. Люблю. Целую. Твой Саня.

[Как здоровье Анны Захаровны?]

№ 309. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

20.II.48 г.

Родная Наталинька,

только что заказал телефонный разговор с тобой и пишу сейчас в ожидании заказа. Сегодня хорошо поработал, хотя первая половина дня ушла на всякий служебный вздор. Я закончил сегодня в рукописном отделении библиотеки Ленина перевод труднейшего памятника XV века из всех, какие мне приходилось встречать. Разве лишь Лаодикийское послание было таким же твердым на пробу. На днях отделаю перевод и вместе с оригинальным текстом отошлю Николаю Павловичу на взыскательный суд. В общем же сфера моих интересов в науке становится все шире, пласты, где они залегают, все глубже, и я чувствую, как приближается стихия, которая понесет меня в далекие дали и можно лишь угадать направления, но не берега – их не видно и вероятнее всего, их просто нет. Это не только беспомощное состояние, как это может показаться, но и свободное, когда интересы последовательно сменяются, обгоняя один другой, когда сами собой, именно этой стихией выталкиваются все новые и новые темы. Очень важно бывает в науке (может быть, и вообще в творчестве) вступить однажды в водоворот: это достигается все же в зрелости. Вот, как видишь, написалось философское письмо, чего я и не предполагал делать.

Родная девочка, держи меня в курсе твоих успехов, огорчений, вообще дел. Обязательно напиши о результатах облучения – мне это очень интересно и очень хочется, чтобы результаты оказались желанными. Сообщи, если что-нибудь узнаешь от Энгельгардта о перспективах перевода в Москву. Еще раз: очень бы было удачно, если бы он устроил тебя в Академию Наук. Ну пора кончать, карандаш очень слепо ложится на эту бумагу. Настроение весьма среднее. От работы бодрю, но тоскую и жду минуту, когда захочу писать стихи.

Целую крепко.

Саня

№ 310. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

22.II.48 г.

Родная Наталинька,

вчера так сложился день, что не успел написать: на службе я не был и провел десять часов подряд в рукописном отделении над переводом новонайденного памятника о рае духовном, относящегося к последней четверти XV века. Мне тем более интересно было заниматься этой рукописью, что сборник, который ее содержит, был в руках у Ключевского и он обратил внимание на другую статью, которая ни в какое сравнение не может идти с вышеназванной, и к тому же согласился с неверной датировкой времени написания всего сборника, отнеся его на полвека назад по отношению к действительному сроку. Поистине «на всякого мудреца довольно простоты». [Так вот, после этих десяти часов у меня явилась настоятельная потребность в суетном отдыхе, я приехал домой и обратился к Лиле, которая, как тебе известно, не совсем чужда суетности, но она не смогла придумать никакого светского развлечения, а тем временем возбуждение, вызванное работой, улеглось, я почувствовал утомление и отправился спать. Так и не написал вчера тебе. Просто писать уже больше не мог.]

Сейчас половина одиннадцатого утра. Воскресенье. Я отправляюсь на службу для собственных занятий – там тихо, никто не будет мешать и все необходимое под рукой. По дороге зашел на почтамт, чтобы написать тебе письмецо. Я был очень удовлетворен нашим телефонным разговором, – чувствовал в тебе бодрость духа и радовался этому. Все же не переутомляйся, увлекайся. Все, что сверх меры, – нехорошо – говорит запомнившаяся мне с детства немецкая пословица. Может показаться, что эта проповедь «меры» приспособлена к ограниченному кругозору бюргера, может быть, она возникла в самом деле так, но ведь все дело в том, какова «мера». Мера может быть очень широка, и каждый должен действовать во всю меру своих возможностей. Но безмерие не есть широкая мера. От этого я тебя и предупреждаю, зная твой невозддержанный темперамент. Береги себя, родная. Заботься о себе. Не забывай о хлебе насущном. Кстати, напоминаю, что известий от тебя не получил пока никаких. Крепко целую. Люблю.

Саня.

№ 311. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

23.II.48 г.

Родная Наталинька,

за вчерашний день не накопил материала на целое письмо и потому ограничиваюсь открыткой. Утром написал тебе письмо, затем поехал в Музей и занимался до половины двенадцатого ночи. Только раз оторвался на час, чтобы пообедать. Успел довольно много и вчера же написал Н. П. Сидорову письмо на шести страницах с приложениями на десяти страницах. Материалы эти относятся уже к третьей части моей работы. Это из области учения о духовном разуме.

Возвращался домой с легким и просветленным сердцем, как бывает всегда в те минуты, когда человек делается равным себе самому или, по выражению Николая Павловича, «осуществляет свою ценность». А как ты осуществляешь свою ценность? Радуешься ли своему творчеству? Жду твоих сообщений о себе, успехах и делах.

Крепко целую, родная. Ты моя самая дорогая «ценность».

Саня.

№ 312. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

24.II.48 г.

Родная Наталинька,

[оказывается, ты и в самом деле «собачка», хотя пока что и маленькая.] Уже миновала неделя со времени твоего отъезда, но до сих пор не имею ни одной строчки от тебя. Или ты думаешь, что у меня (в отличие от тебя) так много вольного времени, что мне ничего не составляет писать тебе ежедневно. Ну, хватит тебя ругать. Мне уже стало жалко мою родную Труворочку, которую я люблю всей душой во все свободное и занятое время.

Работа моя идет очень успешно и интересно. Закончил перевод труднейшего и большого памятника. Кажется, это будет действительно вклад в развитие изучаемого мной вопроса. Одно дело кончено, теперь пойду дальше. Если меня пригласят в марте для доклада в Пушкинский дом, то я, может быть, буду читать не о гуманизме, а о новой моей работе, которая называется «Книги Ивана Черного» (из истории реформационных идей на Руси в XV веке). Доклад же о гуманизме сделаю в Москве, здесь он нужнее.

Горячо целую, детка моя дорогая.

Саня

№ 313. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

25.II.48 г.

Родная Наталинька,

получил вчера вечером твое письмо от 22-го февр. Очень доволен, что собираешься в театр и в гости к Шапоту²¹⁵ – встряхнись немножко. Я хотя и занимаюсь наукой и даже переживаю очень бурные дни, – потому что нашел исключительно интересные памятники и отослал их на приговор Ник. Павловичу, но все же работаю без легкого сердца. Дело в том, что вся возня административная не только не убывает, но увеличивается, Вл. Дм. болеет и после болезни едет на месяц в санаторий и все дело опять повисает на мне и таким тяжелым камнем, что порой боюсь сорваться вместе с ним. Решил поговорить с Грековым и затем предпринять решительные меры.

Буду писать. Целую крепко. Саня.

№ 314. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

27.II.48 г.

Родная, пишу тебе без надежды написать еще раз.

Береги себя, предайся твоей любимой науке – она спасет тебя от всех страданий души или, по крайней мере, сделает возможной самую жизнь. Целую, благословляю тебя.

Саня.

Не позднее, чем 25/II 48 мне стало достоверно известно, что меня разыскивают сотрудники карательных органов, и что моя вольная (м. б. и вся, т. к. всякое было возможно) жизнь на исходе.

Круг поисков смыкался все туже. Я еще не был уверен до конца, что именно этот день, 27/II 48, будет моим последним днем, но все клонилось к этому, как я успел написать и отправить эту мою последнюю весточку.

²¹⁵ Шапот Владимир Сергеевич (1909–1989) – доктор биохимич[еских] наук.

12/ХІІ 87 г. А. И. Клибанов

№ 315. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

28.II.48 г.

Родная Наталинька, неизвестность тянется вот уже сутки. Сегодня, вероятно, все прояснится. О чем сказать в такую минуту – о горе, снова к нам явившемся? Нет, лучше сказать о счастье, которое живо и никогда не будет убито. Пусть не покидает тебя сознание, что если бы я мог, я был бы с каждой твоей думой и с каждым движением.

Береги себя, не отчаивайся, помни, как говорил Н. П. – человек должен осуществить свою самооценку. Это – долг.

Целую. Всей душой твоей.

Саня.

Написано на квартире В. Д. Бонч-Бруевича уже в качестве арестанта. Трое «в штатском» объявились в квартире В. Д. Б.-Б. в качестве слесарей-водопроводчиков. В кабинете В. Д. и в его присутствии предъявили ордер на арест.

Меня вывели из его кабинета. В комнате, где находилась секретарь В. Д. (К. Б. Сурикова), я попросил разрешить мне написать несколько строк служебного назначения. Разрешили при условии, что это займет не более трех минут. Я написал эту записку, а К. Б. Сурикова передала ее моей жене.

13/ХІІ [1987] А. И. Клибанов

«Сегодня, вероятно, все прояснится» – это я написал для жены. Мне уже все было ясно.

№ 316. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

Свердловск, 31.V.48 г.

Родная моя, Коинька! Я сегодня, как и за все время пути, думал о том, чтобы поздравить тебя с[о] днем рождения. Это письмо единственный подарок, который я в состоянии тебе сделать. Деточка моя, я повторю тебе то, что сказал во время свидания: храни себя – это и меня сохранит. Я буду писать всякий раз, когда будет возможность. У меня нет твоей карточки и я не могу сказать, как Пастернак – «я живу с твоей карточкой», но образ твой со мной, с ним я буду жить, а так как все мы смертны, то и последним жизненным вздохом моим будешь ты. Я ни о чем не жалею. Рад, что работал в Москве, рад, что мы путешествовали.

Я не решаюсь тронуть в воспоминании ни одного дорогого мне штриха – это пока еще слишком больно. Вообще я не хочу тебя представлять в прошлом. Я вижу твое лицо такое страдальческое и любящее, как ты была во время свидания – я в первый раз видел тебя такой прекрасной.

На днях я пушусь в дальнейший путь. Пока следую в Красноярск – куда дальше, достоверно еще не знаю. Поцелуй за меня Манечку – я надеюсь на встречу с ней и с тобой. Каких только сюрпризов ни приносит жизнь. Поблагодари Володю за его участие. Напомни обо мне Ник. Пав., я его уважаю и люблю. Не теряй бодрости. Работай, и пусть удача тебе сопутствует. Целую. Саня.

№ 317. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

Свердловск, 1.VI.48 г.

Родная моя девочка, получила ли ты что-нибудь от меня? Я пользуюсь каждой возможностью, чтобы тебе написать. К случившемуся я отношусь терпеливо и во всем полагаюсь на

время. Берег мне уже виден. Попытаюсь извлечь пользу из этого повторного урока жизни. За истекшие месяцы я кое-что перечел и прочел: почти полное собрание сочинений Лескова, «Преступление и наказание» Достоевского, «Дафнис и Хлоя» Лонга, (которую так ценил Ерошин), последнюю часть «Очарованной души» Роллана, публицистику Мережковского и еще другие книги. Много бы мог сказать об этом, и не об этом, но придется повременить. Может быть, в результате хлопот Володи и твоих (если первый еще не устал) мне хотя бы изменят форму «отбывания» и я буду иметь возможность хотя бы иногда обменяться с тобой живым словом. Я хочу, чтобы ты не убила своего духа, чтобы ты работала и достигла в своей специальности таких результатов, которых хватило бы на двоих, поскольку я лишен возможности заниматься своей специальностью. Я недавно читал «Очарованную душу», думал об Асе и Марке, причинивших друг другу, казалось бы, непоправимую боль и все же оставшихся (в конечном счете) жить друг для друга. Этому способствовала самоотверженная и объективная и дальновидная мудрость Аннеты. У нас не нашлось Аннеты, но скажем и мы друг другу, что наша жизнь неделима, хотя бы и врывалась в нее (и по собственной вине даже) кажущаяся непоправимой боль. А впрочем, что бы ни случилось, самое прекрасное, что было за мою жизнь, самое святое, что было и что останется, – ты. Будь здорова. Твой Саня.

№ 318. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

Свердловск, 6. VI. 48 г.

Моя родная, обнимаю, целую и горячо поздравляю тебя с днем рождения. Если удастся собраться с силами, я пошлю тебе рифмованный привет. Я верю и знаю, что еще много раз мы будем вместе проводить праздничные наши дни, еще украсим нашу жизнь и будем путешествовать вместе еще дальше и интереснее, чем мы могли позволить себе это до сих пор. Видимо *vis vitalis* (жизненная сила) есть, по крайней мере в моральном смысле слова, действительный факт и она меня пока не оставляет. Пусть никогда не оставит она тебя. Как только я буду иметь постоянный адрес, я его немедленно сообщу, и ты понимаешь сама, каким праздником для меня явится каждое твое слово. Почему-то я в эти дни много думаю о твоей работе, вспоминаю весь страданный путь, пройденный тобой, и радуюсь, что ты так смело и настойчиво берешь «за рога» этот неуловимый вопрос в медицине. Я убежден, что ты достигнешь многого. Не опускай же рук, не растравляй сердца, не затемняй горем сознания. Помни, что в науке невозвратим каждый час. Пока у тебя есть возможность (она сокращается!) работать в привычных культурных условиях Ленинграда, – отдайся работе: я знаю, что ты на пороге крупных достижений. Это будет моей большой гордостью. О себе могу сообщить, что я здоров и бодр. Новые для многих условия мне знакомы и привычны, и я удивляюсь, как из каких-то далеких недр поднимаются во мне, казалось, давно отжившие рефлексy и помогают жить. Не знаю, где я буду, в какой обстановке буду работать. Собираюсь вступить на поприще медицины²¹⁶ – маленький опыт у меня есть и, дополненный довольно большим кругозором и опытным руководством (в нем недостатка не будет), он будет оправдан. Если я духовно не вовсе иссякну – буду писать стихи. Немногое написанное до сих пор кажется мне самому довольно искусственным и отчасти подражательным. Посмотрим, что получится теперь. Когда прибуду на место, напишу в свое учреждение, директору, ибо я оставил очень важное исследование (и даже открытие), которое нужно закончить. Впрочем, я не теряю надежды, все больше укрепляюсь в надежде самому вскоре вернуться к прерванному. А пока что, если можно как-нибудь облегчить мое

²¹⁶ Речь идет о начале фельдшерской практики А. И. Клибанова. См. подробнее комментарии А. И. Клибанова во второй части настоящего издания. – *Примеч. сост.*

положение, то это было бы жизненно важно. Пусть Вол.²¹⁷ меня не забывает. Целую, родная. Я тебя воспою, моя Лаура, моя светлая, моя бессмертная возлюбленная!

Саня.

№ 319. А. И. Клибанов – М. Н. Горлиной

10.VI.48 г.

Родные, крепко и горячо целую и обнимаю Вас. Еще никаких известий от Вас не имею, но издалека чувствую вседневную Вашу любовь и заботу. Телеграфируйте мне о себе и поддерживайте связь телеграммами с оплаченным ответом и письмами. Я здоров физически и духовно. Приготовьте письмо из Академии на имя управления Норилькомбината и вышлите его, пусть Академия пошлет, как только я сообщу адрес и его фамилию. Жду с нетерпением вестей. Люблю! Ваш Саня.

№ 319²¹⁸. А. И. Клибанов – М. Н. Горлиной

Родной Манек, скоро, вероятно, я отправлюсь дальше к месту назначения. Снова судьба заносит меня в Красноярский край, который три года назад как раз в эти дни я оставил. Срок прошел с тех пор небольшой, а воды утекло много. Предполагаю, что курс моего нынешнего пребывания в Красноярском крае никак не окажется более затяжным, чем предыдущий. Только бы выжить! Можете быть уверены (поскольку это от меня будет зависеть), что я останусь жив и здоров.

Я живу памятью о нашем последнем свидании. Прошу Вас думать о себе и беречь свое здоровье. У меня есть к тебе, Манек, просьба: вспомни и запиши то, что ты знаешь о моих родителях, о тете Жене, о себе самой и особенно о жизни своей в годы гражданской войны, а также о моем детстве. Мне все это понадобится со временем. Еще не скоро я смогу от вас получить весточку, а как я жду ее! Главное, не унывайте, будьте бодры. Все сбудется так, как мы желаем, – мы будем вместе и счастливы. Передайте мою благодарность Вове за хлопоты. Хотя немного, говоря откровенно, у меня надежды на их успех, но душевное ему спасибо за его усилия. Коинька, завтра день твоего рождения. Кто тебя поздравит и приласкает, моя девочка. Найди в себе силы верить в нашу бессмертную любовь и не чувствуй себя осиротелой. Я всегда о тебе думаю – наяву и во сне. Мы всегда вместе. Я обещаю тебе вынести ради нашей любви любые тяготы и сохранить себя для долгой (непрерывно долгой!) жизни с тобой. Храни же себя, успевай в работе, не давай унынию разъедать душу. Я оставил тебя сильной и бодрой – сильной и бодрой встречу.

Горячий поцелуй вам, родные.

Всегда с вами, всегда ваш Саня.

Привет друзьям!

Родной Манек, не убивайся горем, я чувствую, что мы с тобой еще встретимся и понадобимся друг другу.

Целую тебя.

№ 320. А. И. Клибанов – М. Н. Горлиной

Свердловск, 14.VI.48 г.

²¹⁷ В. Д. Бонч-Бруевич.

²¹⁸ Номер письма повторяется. – *Примеч. сост.*

Дорогой Манек, как, видишь я все еще в Свердловске. Если бы ты написала мне сразу, я бы, пожалуй, успел получить от тебя весточку. Но теперь уже, надеюсь, скоро проследую в Красноярск – это очередная станция моего назначения. Предполагаю, что в Красноярске опять немного задержусь, и здесь твоя весточка может меня настигнуть. Т. к. я не знаю адреса, по которому мне можно писать в Красноярск, то прошу тебя сейчас же отправить авиапочтой письмо твоей знакомой Елене Викторовне Ваховской²¹⁹ (ул. Дубровинского, д. 80, Краевая библиотека), объяснив ей, что я, приехав в Красноярск, напишу ее сестре Зосе и сообщу ей свой адрес, а она перешлет мне твои весточки по местной почте. Переведи также ей рублей 100–150 денег, чтобы Зося (сестра ее) могла мне организовать небольшую передачу из жиров и сахара. Я думаю, что она не откажет в этой просьбе. Я говорил вам при свидании, что 20/V отправил жалобу прокурору. 25/V я из Бутырок отправил короткое письмо Вячеславу Михайловичу²²⁰, которому обо мне, как будто, уже писали. Имеет ли мое дело перспективы? Даже частичное решение вопроса имело бы для меня значение жизненное – например, поселение в Красноярском крае, где я проработал ряд лет и где меня хорошо знают как опытного специалиста и добросовестного работника. Вот коротко вся деловая часть письма. Я здоров, даже немного загорел во время прогулок. Пока что не раскисаю и не теряю веры в будущее, которое видится мне светлым и близким. Надежда поддерживает. Будь же здорова и бодра и ты, моя родная. Крепко целую тебя. Саня.

Привет друзьям!

Вчера 13/VI был день рождения Коиньки. Я пробыл с ней весь день. С.

№ 321. А. И. Клибанов – М. Н. Горлиной

Свердловск, 17.VI.48 г.

Родная Манюша, очень ругаю себя за то, что не посоветовал вам написать мне в Свердловск. Правда, я не предполагал в нем задержаться. На всякий случай пошлите мне телеграмму или авиаписьмо, авось оно меня еще здесь застанет. Я предвижу, что некоторое время задержусь в Красноярске, адрес свой я, как только приеду, сообщу. Вы мне немедленно ответьте письмом (авиапочтой) или телеграммой и пишите как можно чаще. Я надеюсь, что вы получили мое письмо, в котором я просил послать по адресу Елены Викторовны Ваховской (Дубровинского 80) письма с тем, чтобы они уже ждали меня в Красноярске, и я бы их мог от нее получить по местной городской почте. Когда вы получите мой красноярский адрес, то организуйте, пожалуйста, мне, во-первых, телеграфный перевод рублей на 100–150, а также посылку со следующим содержанием: 1) учебник терапии для среднего медицинского персонала, 2) учебник хирургии для среднего медицинского персонала, 3) учебник фармакологии для средн. мед. персонала, несколько карандашей (чернильных) и немного писчей бумаги, конвертов и открыток. Хотелось бы получить несколько пачек табаку, спички, килограмм сахара, сухую колбасу и витамин С. Со своей стороны постараюсь вам переслать зимнее пальто, чтобы вы его продали. Прошу также послать мне про запас трубку – ее можно приобрести в табачном киоске рублей за 25–30. Я забыл вас спросить, получила ли Клавдия Борисовна²²¹ мою зарплату (я оставил ей 28/II доверенность). Сообщите также, получили ли вы мои часы? У меня накопился ряд вопросов, связанных с моей работой в Институте. Не сочтет ли возможным Академия обратиться в соответствующие инстанции с тем, чтобы мне, на месте, куда я прибуду, разрешили заниматься моей работой и вести деловую переписку через Институт с теми сотрудниками, которыми я руководил по работе. Мне хотелось бы довести работу мою, кажется, хорошо

²¹⁹ Ваховская Елена Викторовна [Зося] – директор Краевед[ческой] библиотеки, моя знакомая.

²²⁰ Вячеслав Михайлович – Можаров.

²²¹ Сурикова Клавдия Борисовна (1901 – после 1955) – секретарь В. Д. Бонч-Бруевича.

начатую, до конца. Что вообще слышно нового с моими и вашими хлопотами. Жду от вас простых ответов на мои вопросы и прежде всего сообщений о своем здоровье и жизни. Я же по-прежнему бодр и здоров и чувствую себя достаточно закаленным, чтобы выйти с честью из испытания. Будьте же бодры и здоровы. Крепко и горячо целую вас. Ваш Саня.

Коинька становится более любимой, чем когда-либо, с каждым новым днем разлуки. Чего бы ни дал я за час свидания! Глубоко верю в этот час и ради него живу.

№ 322. А. И. Клибанов – М. Н. Горлиной

Свердловск, 19.VI.48 г.

Родные, очень грущу, что не имею от вас отклика на мои письма. Неужели они не дошли? Если мое письмо дойдет к вам до 24-го, пошлите срочную телеграмму с оплаченным ответом. Вообще телеграммы посылайте с оплаченным ответом. Я следую (пока) на ст. Злобино Красноярской железн. дороги, в отделение. Это еще не точный адрес, но рискните послать телеграмму и так, вдруг да дойдет. Как только я сообщу Вам свой адрес, то прошу о следующем: 1) пусть Академия или лично В. Д. обратится с письмом на имя начальника управления Норильлага, где, указав на научное значение моих исследований, попросят, чтобы мне разрешили их продолжать и создали для этого соответствующие условия. В этом письме должны быть перечислены мои научные звания с тем, чтобы Управление представляло себе, с кем имеет дело. Если это достигнет цели, я напишу, какие материалы и книги мне прислать. Следует также просить, чтобы меня оставили в одном лагпункте возле Красноярска (может быть на ст. Злобино). Это позволит мне пользоваться Красноярской краевой библиотекой и научными материалами других научных учреждений Красноярска. Письмо должно быть адресовано в г. Красноярск, в представительство. Пусть его пошлют авиапочтой. Известите меня, в случае если такое письмо последует, но не шлите его прежде чем я не сообщу точный адрес.

2) По получении от меня адреса сразу же вышлите посылку со следующим содержанием:

а) учебники по терапии, хирургии и фармакологии для среднего медицинского персонала,

б) бумагу, конверты, чернильные карандаши, перья, марки,

в) сахар, сухую колбасу, жиры, витамин «С», печеночный экстракт,

г) табак, спичек.

Пункты «в» и «г» – это стандарт посылки – посылайте всегда примерно в таком составе.

3) Переведите телеграфом руб. 100–150.

У меня на счету в Бутырках осталось по квитанции <...> всего 443 руб. 36 коп. Я туда пошлю сразу же заявление, может быть, кто-нибудь в Москве позвонит, чтобы ускорили перевод денег.

4) Еще до получения моего адреса напишите (для пересылки мне) в Красноярск (Дубровинского 80) Елене Викт. Ваховской. Тогда я получу ваши письма по местной почте, т. к. я не знаю, как долго я задержусь под Красноярском и успею ли получить письма из Ленинграда.

Вот и все деловые вопросы. Конечно, меня интересует результат моего обращения в прокуратуру от 22/V в сопряжении с хлопотами Академии (В. Д.). Каков бы ни был результат, сообщите.

Я здоров, душевное состояние, хотя и тяжелое, но здоровое. Меня хватит надолго, были бы только вы здоровы, бодры и благополучны. Не скупитесь на весточки, а с посылками не излишествуйте, шлите только необходимое и поскромнее. Вообще не горюйте, или, вернее, не отчаивайтесь. Издалека все кажется страшней, а вблизи оказывается, что везде люди и что нормальные и здоровые требования жизни находят себе место на всяком месте. Целую вас горячо, ваш всегда Саня.

Родная Коинька, еще раз: я ни о чем не жалею. Я избрал верную линию жизни, когда вместо медвежьего угла перебрался для работы в Москву и радуюсь этому и нашему короткому счастью, которое будет иметь продолжение и останется молодым. Твой Саня.

№ 323. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

Свердловск, 22.VI.48 г.

Родная, светлая моя девочка, мне все еще не удается собраться с мыслями, чтобы сказать тебе то, что подсказывает мне чувство. Сделаю это со временем. Никогда не чувствовал тебя такой близкой, как теперь. Никогда не задыхался так в своей душевной жизни, как в моем нынешнем отдалении от тебя. Твое лицо, как ты была на свидании – запечатлелось навсегда. Мне показалось, что ты хотела унести меня и сохранить в глубине глаз. Я в них увидел разлуку, а не надежду. Веришь ли ты сама в наше с тобой будущее? Меня с первой страшной минуты не покидает вера в счастливую развязку. Всем своим подсознанием я обещаю тебе встречу.

Целую, благословляю тебя, мой любимый ребенок. Твой неразделимо Саня.
Храни себя!

№ 324. А. И. Клибанов – М. Н. Горлиной

Ст. Тайга, 1(?)VII

Родные, шлю вам еще письмо с дороги, т. к. нет никакой уверенности, что первое, брошенное наудачу (как, впрочем, и это) дойдет. Я по-прежнему здоров и крепок духом и живу надеждой на свое возвращение к вам и к жизни. Для меня было бы делом огромного, самого жизненного значения, если бы мне изменили форму моего нынешнего состояния. Срок значения не имеет. Напишите, есть ли перспективы, если их нет и не предвидится, тоже сообщите. Мне это крайне важно, даже необходимо знать. Завтра, вероятно, буду в Красноярске, где надеюсь скоро получить ваши письма. Телеграмму от 19/VI и открытки от 16/VI и 20/VI, адресованные в Свердловск, я получил – они обладают животворящей силой. Будьте же здоровы, храните себя, я с вами всегда. Ваш Саня.

Коинька моя, я с тобой и наяву и во сне.

№ 325. А. И. Клибанов – М. Н. Горлиной

Красноярск, 10.VII.48 г.

Родные, сегодня получил сюда вашу телеграмму – если бы вы только знали, как согрела она меня. Может быть, дождусь здесь еще каких-либо ваших весточек, но не уверен в этом, т. к. предполагаю, что дальнейший путь уже близок. Вы поэтому не тревожьтесь, если не скоро получите от меня письма, – это естественный перерыв. К моему огорчению, я ничего не знаю о Вове, какие у него успехи, улучшилось ли его здоровье или оно без перемен. От этого зависит и мое настроение и здоровье. Я так и не написал письма К. Е.²²², как этого просила Коинька в одной из открыток. Нужно ли оно? По-видимому, ваши письма скажут мне больше, чем открытки и телеграммы, но когда я их получу? От Лenoчки я пока ничего не имею. Хотелось бы, чтобы ее письма и посылка еще застали меня здесь. Будьте же бодры и здоровы, целую вас горячо, похлопочите обо мне. Ваш Саня.

На всякий случай протелеграфируйте еще раз сюда, – вдруг да не уеду.

²²² Ворошилов Климент Ефремович (1881–1969) – революционер, военный, член политбюро ЦК ВКП(б).

№ 326. А. И. Клибанов – М. Н. Горлиной

Красноярск, 13.VII.48 г.

Родные, сегодня получил еще две телеграммы, а всего три в Красноярск. Завтра, надеюсь, удастся и мне ответить вам телеграммой. Телеграфируйте всегда с оплаченным ответом рублей на 5–6. Я здоров, стараюсь не терять бодрости и веры в нашу встречу. Как хотелось бы знать, что встреча эта принадлежит не далекому будущему, а что она так или иначе действительно осуществима. Я знаю, что все от вас зависящее вы делаете для этого, но обстоятельства бывают очень сложны. Целую вас горячо. Я здоров и бодр.

Саня.

№ 327. А. И. Клибанов – М. Н. Горлиной

Красноярск, 16.VII.48 г.

Родные, до сих пор не получил от вас писем, пересланных Лене в Красноярск. Скоро, по-видимому, поеду дальше и более всего хочу, чтобы за оставшиеся дни прибыли эти письма. Я здоров, но поправляться начну только когда приеду на место и начну планомерно жить и работать. Не знаю, придется ли мне применить свой опыт шахтерской работы. Это очень вероятно. Жаль только, что сейчас возраст мой уже не тот, как в те тяжелые, хотя и не безрадостные годы. Пошлите мне посылку по временному адресу: пос. Норильск, Красноярского края, п/ящ. 224/5. По приезде на место сообщу постоянный адрес. Будьте здоровы и бодры. Похлопочите обо мне. Целую вас крепко. Саня.

№ 328. А. И. Клибанов – М. Н. Горлиной

Красноярск, 19.VII.48 г.

Родные, вчера было воскресенье, и я следил по часам за вашим пробуждением и всем распорядком жизни, в котором, может быть, нашлось место и моей телеграмме, отправленной вам в субботу 17.VII. Я здоров. Загорел. Очень жаль, что до сих пор не получил от Лены ни ваших писем, ни посылки, известен ли ей мой адрес? Догадались ли вы его протелеграфировать? Если да и если Лена согласится сделать передачу (это очень близко, 10 мин. езды), т. к. посылка идет медленнее, то было бы целесообразно послать ей еще денег. Сами же не шлите посылок, т. к. возможно, что адрес мой скоро изменится. Я настаиваю на том, чтобы Коинька взяла отпуск и отдохнула. Если она не сделает этого, это будет для меня ударом. Целую вас, родные, нежно и горячо. Пишите.

Ваш Саня.

[Куда Ленинград,
Суворовский пр.,
д. 30, кв. 3
Марии Николаевне
Горлиной

Адрес отправителя ст. Енисей,
Красн. жд. п/ящ. 224/1,
А. И. Клибанов]

№ 329. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

Красноярск, 23.VII.48 г.

Родная деточка, сегодня за 4 часа до моего отъезда пришли твои открытки от 9-го и 10-го июля и письмо от 7 июля. Любимая, всю мою душу залил свет. Я еду, сопровождаемый твоим благословением, и соберу силы для дня самого радостного в жизни – дня встречи, когда бы она ни настала. Храни же и ты себя, сбереги молодым свой дух, работай и пусть чувство разлуки не крадет ни мыслей, ни времени от твоего творческого труда. Мне очень приятно, что скоро выйдет твоя статья, а также статья в «Звеньях». Последнее – пример подлинного благородства и твердого доверия и безупречности автора. Все это бодрит и поддерживает силы и веру в будущее. Целую, любимая, обнимаю друзей.

Почему не пишет Манечка, очень тревожусь, сообщи телеграммой ее здоровье.

Пришли бандеролью статьи.

Отпуск возьми обязательно. Доверенность вышлю немедленно по приезде.

Целую родную Манюшу.

Саня.

№ 330. А. И. Клибанов – М. Н. Горлиной

Норильск, 7.VIII.48 г.

Мои родные! Посылаю Вам короткое деловое письмецо. Я здоров, стараюсь не унывать и поддерживаю себя мыслями о вас и о прошлом, которое было хотя и тернистым, но все же счастливым. Больше о себе мне сообщить нечего, разве лишь о своих нуждах.

Прошу вас прислать заказной бандеролью или в посылке следующие мои труды:

1. «Классовое лицо современного сектантства», изд-во «Прибой».
2. «Меннониты», изд-во «Московский Рабочий».
3. «Адвентисты», изд-во «Масспартгиз».
4. «Сибирские письма И. И. Пущина», Красноярск, 1946 г.
5. «Речь Багратиона перед вступлением в сражение», Красноярск, 1944 г.
6. «Педагогические идеи Яна Гуса», Москва, Сов. педагогика, 1944 г.
7. «Боевой порядок у древних славян», Москва, 1945 г. Истор. журнал.
8. «Письма декабристов Я. Д. Казимирскому», Москва, 1947 г.

Пришлите, пожалуйста, только дубликаты, т. к. единственные экземпляры я хочу сохранить и не полагаюсь вполне на аккуратность почты, ни на свою собственную способность убеждать эти важные для меня работы.

Пришлите, пожалуйста, какой-нибудь общий курс по истории. Чудесно было бы Соловьева, тома от Ивана III до Петра включительно. Можно те же эпохи Ключевского или курс Платонова.

Пошлите мне также вещевую посылку с шапкой-ушанкой, носками, сменой теплого белья, носовыми платками, шарфом, а также запасную трубку, пачку-другую трубочного табаку и почтовые принадлежности: бумагу, тетради, конверты, марки, перья. Чернильных карандашей не посылайте. Из продуктов сами знаете, что нужно. Не помешает чеснок и лук, если он будет так упакован, что не пострадает от мороза. На первый же случай сделайте телеграфный денежный перевод.

Вот и все мои дела.

Крепко вас целую, не проходит дня, чтобы не думал о вас.

Как здоровье Вовы²²³, не отчаялся ли он в своих успехах, не напишет ли по этому адресу, письмо имело бы для меня большое значение и явилось бы поддержкой.

Отправил открытку Коиньке по случаю 27-го сентября – памятного для нас дня.

Если она ее не получила, то пользуюсь возможностью передать ей свой сердечный, самый нежный поцелуй и привет.

Ваш А. И. Клибанов.

Работами, которые я прошу прислать, заинтересовалось мое командование.

Хотел бы иметь томик прозы Пушкина (и лирику).

№ 331. А. И. Клибанов – М. Н. Горлиной

Норильск, 15.VIII.48 г.

Родные мои, примите мою первую весточку с нового места. Раньше написать или сообщить о себе более скорым способом, чем авиапочта, я не мог и потому простите мне невольное беспокойство, которое я вам причинил. Здоровье мое пока не сдает и жаловаться мне на него нечего. Правда, в первый раз я почувствовал, что не принадлежу больше к поколению молодых. Все чаще называют меня «отцом» или еще как-нибудь в этом духе. Короче говоря, молодое поколение поставило меня вне своих рядов. Это грустно, потому что наряду с накопленным житейским опытом душа сохранила способность к юношеским движениям и чувствам. Так начинается противоречие между физическим и душевным возрастом, которое само по себе означает поворот на старость. Ну да ничего, я все же верю, что жизнь еще улыбнется и омолодит. Любимые мои! Ваша память и любовь это тоже улыбка жизни, единственная из мне доступных, но достаточная для того, чтобы быть бодрым и жить. Пишите же мне и не давайте мне повод для беспокойства.

Я занимаюсь медициной и предполагаю закрепиться на этом. Веду фельдшерский прием²²⁴, расширяю свои небольшие знания практической медицины. Пришлите авиапосылкой учебники и бумагу. Пока придет ваша продуктовая помощь, переведите телеграфом немного денег. От Леночки я посылки и ваших писем не получил. Нежно целую. Ваш Саня.

Любимая Коинька, каждый день перечитываю твои письма.

Твой навсегда. С.

На днях вышлю доверенность на деньги Минне.

Адрес мой: Красноярский край, Норильск, п/ящ. 383/1.

№ 332. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

Норильск, 16.VIII.48 г.

Родная Коинька, стараюсь наверстать потерянное для писем время: шлю второе письмо. Меня беспокоит, как ты решила поступить с твоим отпуском. Боюсь, что ты от него отказалась. Я как-то вовремя не спохватился, но все же еще в середине июля писал, чтобы ты непременно отдохнула. Было бы очень близоруким решением, если бы ты отказалась от отдыха после тяжелого года работы и пережитого потрясения. Сознаешь ли ты, что теперь, как никогда, нам нужны твоя долгая жизнь и здоровье. Пусть по своему настроению ты далека от забот о себе, но вспомни о нашем будущем и поступи правильно ради долга. Это еще не поздно сделать; тебе приходилось отдыхать в сентябре и даже в октябре и всякий раз это благотворно влияло, освежало тебя и обеспечивало, по крайней мере, полгода работы без напряжения. Если ты испол-

²²³ В. Д. Бонч-Бруевича.

²²⁴ Клибанов (в варианте Клеббанов) как фельдшер и филолог упомянут в лагерных воспоминаниях Л. С. Труса. См.: Трус Л. С. Трудно только первые десять лет. Харьков, 2015. С. 15, 76. – *Примеч. сост.*

нишь мою просьбу я приму это как проявление твоей любви и веры в нашу будущность. Ты мне писала об этой вере, но помни, что «вера без дел – мертва». Напиши о себе, о здоровье, но не так лаконично, как ты это делала до сих пор. Родная, если б ты знала, как живо я вижу твое лицо, как читаю твою душу, твою боль и скорбь и преданную любовь, о которых мне сказали твои глаза в минуты последнего свидания. Как бы я хотел тебя обнять, заслонить и уберечь от невзгод жизни и какую радостью была бы для меня такая возможность. Я еще отдам тебе все что имею, отдам сполна, ибо судьба никогда не бывает односторонней: отнимая, дает, и, вознаграждая, обедняет. Понятно ли я выразился?

Целую, любимая и благословляю тебя.

Саня.

В Академии осталась работа А. Минковского²²⁵ «Из истории гуманистических идей на Руси в XVI веке». Я не успел завершить редактирование этой работы. Это может сделать и к тому же с большим успехом, нежели я, Николай Павлович. Было бы жаль, если бы из-за меня задержалась эта полезная работа. Автор был бы, конечно, только доволен и благодарен, если б Н. П. привел в порядок его работу и вручил ее в редакцию, так чтобы мое злключение прошло для работы Минковского без значительного ущерба.

Вот пока и все из дел. Меня глубоко тревожит и огорчает отсутствие писем от Манечки и упоминаний в твоих письмах об ее здоровье.

Нежно и горячо целую тебя, Манек, желаю, здоровья и душевной бодрости и жду весточек.

Саня.

№ 333. А. И. Клибанов – М. Н. Горлиной

Норильск, 18. VIII. 48 г.

Родные мои! Пишу вам в надежде, что моя весточка пройдет долгий путь, лежащий между нами, и скоро окажется в ваших дорогих любящих руках. У вас сейчас полночь – хорошее время, когда подводишь итоги прожитому дню и готовишься к сладкому отдыху, чтобы начать следующий. Я в это время заканчиваю ночное дежурство в нашем госпитале (станции) и мысленно стараюсь угадать и представить себе вас в этот час. Дорогие, хоть бы скорей получить ваш ответ и восстановить связь, так давно и томительно прерванную. Я здоров, хотя первое время, связанное со всяческими хлопотами устройства на новом месте, всегда бывает обременительнее последующего. Воспользуйтесь, если это практикуется, авиапочтой, чтобы перекинуть мне посылку: мне нужны медицинские книги, бумага, смена белья, носки, полотенце, мыло, верхняя рубашка, а из продуктов жиры (шпик или русское масло), а на другую половину копченая твердая колбаса – это животные белки, очень нужные, сахар и витамины (особенно «С» в жидком виде). Побалуйте меня коробочкой трубочного табака (одной!) и простенькой дешевой запасной трубкой. Мне еще не удалось послать доверенность Минне на деньги, но я это сделаю при первой возможности, которая представится на днях. Пошлите бандероль с газетами! Ваш всем сердцем, Саня.

Коинька, родная моя, имела ли ты отпуск, воспользовалась ли им. Это мое большое желание! Целую твои глазки. С.

№ 334. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

Норильск, 23. VIII. 48 г.

²²⁵ Минковский А. – имеется в виду А. И. Клибанов.

Родная моя деточка, несколько времени не писал тебе, но думал о тебе непрерывно. Трудно, да и, говоря откровенно, невозможно отрешиться от жизни, оборвавшейся в феврале этого года. Поэтому носишь в сердце боль и утоляешь ее новой болью. К счастью, я давно успел выработать и пытаюсь развить т. н. философское отношение к обстоятельствам. Я не должен отрекаться от будущего, если в прошлое отошли все годы жизни. Мое будущее это ты, твой образ, твоё имя, ради тебя я живу и буду жить, пока хватит сил. Должен сказать тебе, что порой ловлю себя на мысли о том, что я неблагодарен судьбе: я встретил тебя и, объяснюсь без лишних в нынешних обстоятельствах украшений, – эта встреча самое значительное событие в моей жизни. Равного ему нет. Ты была и остаешься для меня примером душевной красоты, благородства, воли. Можно ли сетовать на встретившиеся на моем крестном пути тревоги? Был ли вообще этот путь «крестным» или радостным, или же тем и другим? Если бы я сегодня знал, что все кончилось, что я уже стою за порогом, которого, как кажется, и не переступал и, во всяком случае, не заметил, то я мог бы сказать: то, что я встретил, было истинным счастьем, т. е. всеобъемлющим, глубже и больше которого не существует. Я его не всегда умел оценить; когда я думаю, как недостаточно я его берег, как я ответственен перед ним за свою недостойность, мне делается тяжелее всего. Есть ли за это прощение или нет, я не знаю. Мой долг, приятный и необходимый для меня самого, сказать тебе это все о тебе, – моем счастье, ставшем моей жертвой. Вопреки этому, что я говорю о себе, прошу: не теряй веры в людей, будь себе самой примером. Я не хотел бы тебя огорчать такими мыслями. Я не ослабел духом, верю в будущее: знать, что ты есть и такая как ты есть, это достаточное основание, чтобы тянуться к жизни. Сказать тебе о своей жизни? Это труднодоступный материал для пера. Я здоров, работаю в условиях в общем тождественных тем, что были в начале первого круга житейских испытаний. Пока попытка обратиться к медицине оказывается несостоятельной, но буду к медицине стремиться. Сил пока хватит.

Я жду с нетерпением твоих вестей, то, что пришло в Красноярск после твоих писем от 10 июля, я уже не получил. Пошли мне все это сызнова. Добралось ли к тебе мое письмо для К. Е.²²⁶?

Теперь о делах домашних. Я рад был узнать из твоего письма, что здоровье Сани²²⁷ не внушает опасений. Не понимаю, почему ему не удается оставить свою профессию горнорабочего, которая ему, как уже немолодому и слабому человеку, явно не по силам. Надо ему всячески помочь выбраться из его одиночества, а если этой возможности нет и он останется в своей глуши, то пусть переменит работу.

Вова мог бы связаться с его администрацией и добиться того, чтобы ему создали человеческие условия жизни и работы.

Очень жду твоих весточек. Что они для меня значат, ты знаешь сама. Что касается материальной помощи, то не знаю, принимают ли посылки. Справься о возможности послать авиапочтой. Пошли марки, бумагу. Чернильных карандашей не шли. Хотел бы иметь запасную трубку (простую и дешевую) и пачку трубочного табаку.

Из продуктов сама знаешь, что нужно. Пока же телеграфом переведи руб. 100–150 денег. Если можно слать посылки, то денег более 50 руб. в месяц не посылай. Вот и вся деловая часть.

Почему Манечка не написала ни разу? Меня это тревожит и огорчает. Телеграфируй, как ее здоровье. Я по ней часто и сильно грущу, всегда люблю, всегда помню, всегда чувствую себя с ней.

Будь же здорова, моя любимая, деточка моя родная, ребенок мой! Будь здорова, бодра и работоспособна.

²²⁶ К. Е. Ворошилов.

²²⁷ Саня – т. е. я, А. И. Клибанов.

Верю в твои большие успехи и жду их. Как хотелось бы что-нибудь знать о дорогом мне Н. П., о Воле, Нат. В. Как Клава, сердечный ей привет и спасибо за ее доброту, в которой не сомневаюсь.

Целую и целую тебя. Твой навсегда. Саня.

От Лены посылки не получил. Пусть вернет деньги (и письма!).

Доверенность Минне вот-вот вышлю. Если Вова будет писать о Сане, то еще важнее, чем письмо администрации, чтобы он договорился с его московским начальством, его директива была бы обязательной. Ну вот и все мои дела и советы.

Еще целую и бесконечно и с надеждой люблю мою Труворочку.

С.

№ 335. А. И. Клибанов – Н. В. Ельциной

Норильск, 6.IX.48 г.

Родная Коинька, я помню 27-го сентября²²⁸ и мне несказанно больно за то, что он пройдет в разлуке. Люблю тебя с течением дней все сильнее и нить чувства, связавшего нас, никогда не будет оборвана. Будь сильной, береги себя, работай и успевай – когда бы ни встретились мы, встретимся молодыми.

Целую горячо, нежно.

Твой любящий Саня.

Сейчас взглянул – не то написалось, что чувствуется, не так написалось. Просто поверь в мое беззаветное чувство. Родная моя!

№ 336. Н. В. Ельцина – А. И. Клибанову

19.IX.48 г.

Родной мой, любимый, вчера получили твои две открыточки от 18/VIII – они шли месяц. Получил ли ты телеграмму, телеграфный перевод на 200 рубл. и посылки. Две посылки посланы на адрес – Норильское поселение, п/я – 224/5. Послали телеграмму начальнику конторы связи в Норильск, чтобы их направили тебе.

Кроме того 12-го послала тебе по новому и окончательному адресу посылку авиапочтой. Сегодня снова отправляем небольшую посылку: вещи – смена шерстяного белья, носки, шарфик, трубка, мыло, книжка по медицине, пачка табаку трубочного, рукавицы меховые.

Хоть бы скорее уже знать, что ты начал получать посылочки. Из продуктов мы послали то, что ты просил.

Постараемся скоро выслать бандеролью газеты. В мае книг пошло побольше, т. к. тогда посылки можно было посылать и не авиа. Авиа стоит в 10 раз дороже и отправка стоит больше, чем вещи, или столько же. Сейчас главное – поддержать твоё здоровье. Родной мой – очень ли ты похудел? Как спишь? Как в общем себя чувствуешь? Много ли у тебя работы?

Посылаю тебе книжку хорошую по фармакологии, затем – «Ранняя диагностика основных инфекционных болезней». Буду еще искать. Пушкина пока не нашла – лирику. Послала в одной из посылочек – избранную прозу.

Напиши, что тебе нужнее – книги по терапии или хирургии – или и то и другое.

²²⁸ 27 сентября – день нашей с Н. В. [Ельциной] свадьбы.

У нас осень. Падают листья. Я за городом почти не была ни разу. Два раза была в Парголове – оттуда отправила тебе посылочки. И два раза в Барвихе²²⁹ под Москвой – но природы почти не вкусила и даже не знаю, хочу ли видеть поля и леса. Жизнь проходит в работе. Но и в работе ничего особенно нового сделать пока не удалось. Очень уж трудна проблема. Поэтому даже маленьких радостей и то нет.

Думаю, через несколько дней взять отпуск – осталось дней не много – 18. Хочу поехать к родным. На обратном пути заеду в Москву.

Относительно работы в «Звеньях» – узнаю на днях. Я подробно все написала Вл. Дм. Он тоже очень хочет скорее издать все эти нужные и интересные исследования.

Санечек, прошу тебя: следи за здоровьем – жизнь еще не кончена и верю, что мы будем еще вместе. Надо жить, надо верить в нашу встречу. Я живу этим, и хотя бывает очень горько, очень мучительно, но вера в то, что я увижу тебя, заставляет меня быть по мере возможности бодрой.

Ник. Павлович болел воспалением легких, но сейчас лучше. Я у него бываю почти каждый месяц. Он всегда очень хорошо меня встречает и всегда кланяется тебе сердечно.

Сердечные приветы шлют тебе Надя и Миша²³⁰. Они живут, как всегда, без денег и вечно у них нет на обед.

Родной мой, как хотелось бы тебя обнять, горячо поцеловать, услышать твой голос. Целую тебя, обнимаю, благословляю.

²²⁹ В Барвихе находилась дача В. Д. Бонч-Бруевича.

²³⁰ Субботины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.